

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА
КАФЕДРА КРИМИНАЛИСТИКИ

**ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Харьков, 1962 г

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА
КАФЕДРА КРИМИНАЛИСТИКИ

**ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Харьков, 1962 г

34С5

В 74

Редакционная коллегия:

Доктор юридических наук М. М. Гродзинский (ответственный редактор), доктор юридических наук А. Л. Ривлин, кандидат юридических наук В. В. Сташис, кандидат юридических наук А. Н. Колесниченко.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

«Партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих.

Правосудие в СССР осуществляется в полном соответствии с законом... Демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться», — говорится в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии.

В своем докладе о Программе КПСС Н. С. Хрущев указывал: «Партия придает большое значение дальнейшему укреплению законности и правопорядка, охране прав граждан. Право, свобода, честь, достоинство советского человека будут строго охраняться обществом и государством» (Госполитиздат, 1961 г., стр. 84).

Осуществление этих исторических задач возложено на советское законодательство, на органы советского государства и, в том числе, на органы юстиции. Важной вехой в развитии и дальнейшей демократизации принципов советского правосудия явилось издание ряда новых законодательных актов (Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г., Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., Уголовный кодекс Украинской ССР от 28 декабря 1960 г., Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР от 28 декабря 1960 г. и др.).

Издание этих законодательных актов поставило перед советской правовой наукой ряд актуальных вопросов, настоятельно требующих своего разрешения.

Освещение некоторых из указанных вопросов уголовного права и уголовного процесса составляет содержание статей настоящего сборника. Другие статьи посвящены проблемам советской криминалистики — науки, тесно связанной с наукой советского уголовного процесса.

Сборник предназначен для практических работников юстиций, для аспирантов и студентов юридических вузов, для лиц, интересующихся вопросами советского права.

Профессор В. С. ТРАХТЕРОВ

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВИНЫ И НЕВИНОВНОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

I

Важное значение для укрепления социалистической законности имеет освещение вопросов, связанных с виной как субъективным основанием уголовной ответственности. Одним из них является вопрос о предпосылках вины и невиновности.

«Предпосылкой» (в одном из ее значений) называется «условие, при котором может... существовать... что-нибудь»¹. Условиями же, при наличии которых «может существовать» вина, являются: психическое состояние лица, достигшего определенного возрастного развития, и вменяемость.

Вменяемость предшествует вине в нашем мысленном представлении, а не в действительности, и является в этом смысле логической предпосылкой вины. Такая связь обоих понятий сохраняется не только тогда, когда наличие вменяемости у данного обвиняемого предполагается (что имеет место в подавляющем большинстве уголовных дел), но и тогда, когда, в случае сомнения, она предварительно, т. е. до решения в дальнейшем вопроса о виновности (вменении в вину), специально устанавливается.

Связь между вменяемостью и виной находит свое выражение в определении значения вменяемости как способности лица быть виновным, — действовать умышленно или неосторожно, а также — в обрисовках их содержания (выраженных в упрощенной форме): вменяемость — это способность лица осознавать общественно опасный характер своих действий; вина — это сознание или возможность сознания такой опасности.

«Предпосылка» — термин, который имеет также значение «условия, при котором может... возникнуть... что-нибудь»². Это определение применимо к характеристике связи между самой виной и уголовной ответственностью, а именно лишь при наличии вины, умышленной или неосторожной, может возникнуть и уголовная ответственность, т. е. реагирование на вину. Вменяемость также, следовательно, есть предпосылка уголовной ответственности.

¹ Большая Советская Энциклопедия, т. 34, стр. 407.

² Там же.

О «предпосылках» можно говорить и применительно к отношениям между невменяемостью, невинностью и исключением уголовной ответственности.

Невменяемость является предпосылкой невинности, т. е. таким специально устанавливаемым условием, при котором вина отсутствует — существовать не может. Следует различать поэтому невинность вследствие неспособности действовать виновно и невинность лица вменяемого, но действовавшего без умысла и неосторожности. Определяется невменяемость и по содержанию: это — неспособность лица осознавать общественно опасный характер своих действий (упрощенное определение).

Невменяемость, вместе с тем, служит предпосылкой, исключаящей уголовную ответственность, самую возможность ее возникновения. В таком значении это понятие и воспринято в нормативных актах советского уголовного права.

II

Уже в первой половине 1918 года была издана инструкция Народного комиссариата юстиции «Об освидетельствовании душевнобольных»¹. Она касалась и тех душевнобольных, которые совершили общественно опасные действия. Инструкция эта исходила из того, что основанием уголовной ответственности по советскому уголовному праву является вина лица, совершившего общественно опасное действие, и требовала поэтому разрешения вопроса о вменяемости.

Об этом же говорят и материалы судебной практики того времени: «Из крупных процессов, прошедших в 1917 и 1918 гг., в которых обсуждался вопрос о вменяемости подсудимых, можно отметить процесс монархической организации Пуришкевича (январь 1918 г.), в котором вменяемость подсудимых Зелинского и Де-Бодэ была предметом тщательного обсуждения одного из судебных заседаний революционного трибунала»². И лишь после того как невменяемость подсудимых была отвергнута, — вменяемость их признана, установлена, обвинитель обратился к рассмотрению вины каждого из обвиняемых и заявил, что «после Пуришкевича, главного вдохновителя, главную вину несут Де-Бодэ, Винберг, Браудерер, Муффель»³.

«Суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях...», — говорится в ст. 14 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. Значение невменяемости определяется при этом следующими соображениями. Руководящие начала признают вину условием наказуемости и отвергают лишь такие представления о вине, которые основываются на «вздорной побасенке о свободе воли»⁴, оторваны от уклада общественных отношений, в которых живет преступник, и неизбежно приводят к идее возмездия за вину, искупления вины. Судебная практика периода действия Руководящих начал также придерживалась принципа вины. «...Суд, признав, что Харин совершил убийство Большакова и нанес рану своей жене в состоянии запальчивости и раздражения, не имел права освобождать Харина от наказания... Освобож-

¹ СУ РСФСР, 1918 г., № 40, стр. 515.

² «История советского уголовного права» (1917—1947 гг.), 1948 г., стр. 149.

³ Газета Временного рабоче-крестьянского правительства от 12 (25) января 1918 г., № 151 (ссылка приведена в «Истории советского уголовного права», 1948 г., стр. 152).

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 142.

дая от наказания Харина по мотивам смягчающих вину обстоятельств, нарсад присвоил не принадлежавшее ему право помилования»¹. Эта аргументация не оставляет сомнения в том, что судебная практика исходила из принципа вины и учитывала ее степень.

Признанием вины как условия наказуемости разрешается и вопрос о значении невменяемости. В определении по делу Харина прямо сказано: «Над Хариним не было произведено психиатрической экспертизы, а без таковой суд не мог признать патологического аффекта... Состояние лишь патологического аффекта освобождает от вменения в вину».

Уголовные кодексы 1922 г. определяют в ст. 17 невменяемость в ее значении и содержании сходно с Руководящими началами. Судебная практика ссылается на эту статью в следующем деле. «Признанием уголовного осуждения по мотивам его невменяемости нарсад нарушил 36 ст. УК и ст. 17 УК, так как при совершении преступления в состоянии невменяемости, согласно ст. 17 УК, совершивший таковое не наказуется...»².

Первые советские уголовные кодексы исходили, как и более ранние нормативные акты, из признания вины, умышленной и неосторожной, в качестве основания уголовной ответственности (ст. 11)³.

Этой принципиальной позиции соответствуют определения в судебной практике значения и самого содержания состояния невменяемости. «Умственная неразвитость подсудимого... может в случае установления, например, тупоумия (идиотизма), совершенно освобождать от наказания и вменения в вину содеянного, ввиду полного отсутствия у таких лиц понятия об общественных отношениях, обязанностях, добре и зле»⁴. Эти указания представляют большой интерес. В них устанавливается значение невменяемости (в развернутой форме отношения ее к невиновности и ненаказуемости) и высказывается глубокое понимание связи между значением невменяемости и самим ее содержанием — психологическими критериями⁵.

В теории советского уголовного права периода действия первых уголовных кодексов также высказывались положения о связи между вменяемостью, виной и наказанием: «где есть вина и наказание, там — место и для идеи вменяемости»; «вменяемость, вина, наказание пред-

¹ Определение Верховного судебного контроля по уголовному делу № 720. 1922 г., ЕСЮ, 1922 г., № 24—25.

² Собрание определений УКК Верховного суда УССР за 1924 г., стр. 109.

³ Понятие вины «известно и Кодексу 1922 г., ибо он различает умысел от неосторожности, противопоставляя их casus'у». (М. М. Исаев. «Уголовный кодекс 1 июня 1922 г.», «Советское право», 1922 г., кн. 2). В особенной части Уголовного кодекса «отрицание виновности сказалось чисто внешним образом и только»; «вопрос о виновности и степени виновности — повседневный вопрос современной практики наших судов» (Н. Н. Полянский. Уголовный кодекс РСФСР и германский проект уголовного уложения», «Право и жизнь», 1922 г., кн. 3). «Проект 1922 г... дал определения умысла и неосторожности, которые без изменения вошли в Уголовный кодекс 1922 г...» (Н. Д. Дурманов, гл. IX «Истории советского уголовного права», стр. 257).

⁴ Уголовный кодекс РСФСР, издание Московского губсуда. Материалы к ст. 25 УК 1922 г.

⁵ Впрочем, термину «вменяемость» придавалось иногда в судебной практике и другое значение — характеристики психического состояния не обвиняемого, а потерпевшего. «Поскольку в деле были указания на умственную недоразвитость и физическое вырождение потерпевшей, которая судом допрашивалась, и приговор свой суд обосновал на данных ею показаниях, постольку суд обязан был, согласно ст. 67 УПК, вызвать эксперта для определения психического состояния потерпевшей и степени вменяемости ее, каковое обстоятельство имеет существенное значение для установления факта насилия». Собрание определений Уголовно-кассационной коллегии Верховного суда УССР 1925 г., вып. 6, стр. 669.

ставляют собой «единство цикла»¹; «для применения наказания недостаточно, чтобы человек совершил противное уголовному закону деяние и находился в состоянии вменяемости. Необходимо еще доказать, что он виноват в совершенном им»².

III

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (ст. 7) и в уголовных кодексах 1926—1928 гг. (ст. 11 УК РСФСР, ст. 10 УК УССР и соответствующие статьи УК других союзных республик) также предусмотрена невменяемость как состояние, исключающее уголовную ответственность и определяемое наличием медицинских признаков в сочетании их с признаками психологическими (юридическими).

Указание на невинность невменяемого опущено в тексте закона, но оно содержалось в проекте УК РСФСР 1925 г. Статья о неприменении мер судебно-исправительных к невменяемым (11-я) непосредственно следует здесь за статьей, которая устанавливает, что меры судебно-исправительные применяются лишь в отношении лиц, действовавших умышленно или неосторожно. И начинается статья 11-я так: «Не могут быть применяемы в силу этого судебно-исправительные меры в отношении лиц...», т. е. невменяемых.

Положение о невменяемости как обстоятельстве, устраняющем вину, разделялось и уголовно-процессуальным законодательством. При постановлении оправдательного приговора необходимо, признав невинность вменяемого, специально указать на это; при вынесении же определения нет такой необходимости и достаточно указать только на невменяемость как на необходимое условие невинности. В оправдательном приговоре, таким образом, находит свое выражение одно основание невинности, в определении — другое. Вопросы о существовании невинности нельзя смешивать с разного характера решениями суда о невинности, — тем, которое находит, согласно закону, выражение в самом тексте оправдательного приговора, и тем, которое оформляется в определении суда. В последнем случае невинность текстуального выражения не имеет, но, тем не менее, подразумевается.

Иными словами, отсутствие вины, а следовательно, и состава преступления, признается законом не только тогда, когда лицо вменяемое действовало невинно, без умысла и неосторожности, что находит свое выражение в оправдательном приговоре, но и тогда, когда определением суда установлена невменяемость.

Приведем выдержки из практики Верховного суда СССР, соответствующие требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросу о значении вменяемости и невменяемости.

Общественно-опасные действия, «если они сознательно допущены лицом, находящимся во вменяемом состоянии... являются достаточными для признания виновности...»³. «Одним из обязательных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого. Поэтому к лицу невменяемому не может быть применено наказание... Лицо невменяемое ни при каких условиях не может быть признано виновным... Невменяемый не отвечает за свои действия и в том случае, если

¹ См. Вестник советской юстиции, 1923, № 5, стр. 122.

² С. В. Познышев. Учебник уголовного права, общая часть. 1923, стр. 113.

³ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 15/IV 1943 г. по делу Мленчика. Судебная практика Верховного суда СССР, 1943 г., вып. V, стр. 4.

они доказаны и объективно содержат состав преступления»¹. «Невменяемому лицу не должно предъявляться обвинение. Не требуется и составление обвинительного заключения»².

Приведем еще один пример. «Поведение человека, находящегося по показаниям свидетелей, в состоянии, близком к бессознательному состоянию, не может быть расценено как поведение человека, действовавшего с умыслом совершить хулиганские действия»³. Здесь выражено не только отношение невменяемости к невиновности, но и стремление показать вместе с тем связь его с содержанием невменяемости, именно — с неспособностью осознавать общественно опасный характер своих действий.

Отметим, с другой стороны, различные недостатки практики.

1. Таковым является утверждение Верховного суда СССР, что «как виновными, так и невиновными, могут быть признаны только лица вменяемые». Это утверждение противоречит указанию Верховного суда в том же постановлении, что «лицо невменяемое ни при каких условиях не может быть признано виновным»; не согласовано оно и с формулой невменяемости, устанавливающей связь между значением и самим содержанием невменяемости.

2. Критической оценке подлежат также многие акты судебно-психиатрической экспертизы и отношения к ним со стороны судебных органов.

В этих актах не показана связь болезненного состояния испытуемого с психическими функциями его во время совершения общественно опасного деяния. Описание болезненного состояния не сопровождается аргументацией, разъясняющей влияние болезни на способность лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Вопрос этот просто опускается, и в актах экспертизы указывается только: «Подходит под признаки...» (статьи о невменяемости), «Не подходит под признаки...» (этой статьи). Суд же мирится с необоснованными в этом смысле выводами⁴.

3. Отметим, наконец, вынесение судами обвинительных приговоров без привлечения судебно-психиатрической экспертизы. «В кассационной жалобе указывается, что Лубнин является психически невменяемым и по этому поводу находился на излечении в психобольнице. В подтверждение этого обстоятельства к жалобе приложен ряд справок, в том числе справка психобольницы, из которой, однако, не видно, каково состояние здоровья Лубнина. Ввиду этого по делу должна быть привлечена психиатрическая экспертиза»⁵. «В отношении Илюхина приговор подлежит отмене для производства судебно-психиатрической экспертизы и определения его вменяемости. По объяснению Илюхина в кассационной жалобе, он страдает психическим заболеванием и продолжительное время находится под наблюдением врача-психиатра, о чем представил справку»⁶.

¹ Дело Данилова. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 13 июля 1944 г. Судебная практика Верховного суда СССР, 1944 г., вып. VII, стр. 9.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 28/II 1951 г. по делу Гранкина. Судебная практика Верховного суда СССР, 1951 г., вып. 6, стр. 28.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г., вып. VIII, стр. 14.

⁴ В судебно-психиатрической и судебной практике 20-х и особенно первой половины 30-х годов широкое распространение имел ошибочный и реакционный взгляд на «вменяемость» как на способность лица воспринимать воздействие наказания.

⁵ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 6, стр. 45.

⁶ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 8, стр. 44. См. также Судебную практику Верховного суда СССР, 1945 г., вып. II, стр. 18; 1949 г., № 9, стр. 43; 1950 г., № 5, стр. 24.

Такая практика могла приводить к назначению наказания при отсутствии предпосылки для этого, т. е. лишала обвиняемого процессуальных гарантий. Вот почему обвинительные приговоры нижестоящих судов по этим делам отменялись Верховным судом СССР.

Приведем некоторые теоретические высказывания, правильно определяющие отношение вменяемости к вине и тесную, неразрывную связь между невменяемостью и невиновностью.

«Для того, чтобы признать вменяемое лицо уголовно-ответственным за преступление, недостаточно установить, что последнее было совершено данным лицом. Необходимо еще установить вину данного лица в совершении этого преступления»¹. Совершения общественно опасного деяния вменяемым лицом «недостаточно, чтобы привлечь человека к уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние. Для этого необходимо еще установить виновность (вину) данного лица»². «Одним из обязательных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого»³. «Лишь при установлении вменяемости лица может быть поставлен вопрос о его виновности»⁴.

Этим высказываниям соответствуют и определения значения невменяемости.

Такова вводная фраза постановления о невменяемости в проекте Уголовного кодекса, разработанном Всесоюзным институтом юридических наук (в 1939 г.): «Не является виновным и не подлежит наказанию лицо...»⁵. «Статья 13 проекта о невменяемости перекликается со ст. 10 о виновности... Мы резко подчеркнули, что раз невменяем, значит, не является виновным», говорил М. М. Исаев⁶. «Проект УК СССР должен точно сформулировать принцип вины, как условие уголовной ответственности... В связи с этим должен быть уточнен и вопрос о невменяемости, как условия, исключающем виновность и обуславливающим применение не наказания, а медицинских мероприятий», сказано было в тезисах доклада на этой сессии А. А. Герцензона. Текст проекта и освещение его представляют большой интерес: невменяемость признается обстоятельством, исключающим возможность признания вины, и такое значение невменяемости выражено в развернутой формулировке.

Другой вопрос — о связи между значением вменяемости (невменяемости) и самим их содержанием — этими авторами еще не был поставлен.

Но есть такие взгляды по данному вопросу, с которыми нельзя согласиться. Таково представление о вменяемости, как о признаке, элементе вины. Определение содержания вины (в учебнике «Уголовное право, общая часть, изд. 1938 г., стр. 258 и след.) предшествует изложению вопросов о вменяемости (стр. 261 и след.) и формах виновности (стр. 270 и след.). Между тем, такое расположение материала было бы уместно лишь при «широком» понимании вины, охватывающем и вме-

¹ Уголовное право, ч. общая (ВИЮН), 1 изд., стр. 270; 2 изд., стр. 187; 3 изд., стр. 139; 4 изд. (с некоторыми редакционными изменениями), стр. 334.

² Н. В. Васильев, в книге «Основы советского права» (пособие для военно-учебных заведений Вооруженных сил СССР), 1947 г., стр. 164.

³ М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, 1955 г., стр. 164.

⁴ А. А. Пионтковский, Советское уголовное право, общая часть, 1952 г., стр. 203; 1959 г., стр. 144.

⁵ Текст этой статьи проекта соответствует заголовку «Невменяемость»; о лице же, совершившем преступление в состоянии вменяемости, но заболевшем затем душевной болезнью, говорится в отдельной статье.

⁶ Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1940 г., стр. 177.

няемость. Элемент, признак вины — не то, что логическая предпосылка вины.

«Как виновными, так и невиновными могут быть признаны только лица вменяемые», — писал А. Н. Трайнин, ссылаясь на постановление по делу Данилова¹, но не разъяснил, почему же невменяемый не подлежит уголовной ответственности, какое иное было бы основание его безответственности, если не невиновность вследствие неспособности быть виновным.

Нет такого разъяснения и в следующем утверждении М. А. Чельцова: «Признав, что подсудимый был невменяем в момент совершения приписываемого ему деяния, суд не может вынести ни обвинительного, ни оправдательного приговора, так как невменяемый не подлежит уголовной ответственности (ст. 11 УК)»².

IV

В свое время был подготовлен ряд проектов единого для СССР уголовного законодательства; первым из них был проект Уголовного кодекса СССР 1947 года. Значение невменяемости определялось в нем следующим образом: «Не признается виновным и не подлежит наказанию лицо...» (ст. 14). А в объяснительной записке к проекту сказано: «Основные положения проекта Уголовного кодекса СССР представляют собой дальнейшее развитие основных принципов действующего законодательства».

В некоторых проектах Основ уголовного законодательства значение невменяемости указано в следующем определении: «Не признается виновным и не подлежит уголовной ответственности лицо, которое...»

Статьи под заголовком «Невменяемость» в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 11) и в республиканских уголовных кодексах (ст. 11 УК РСФСР, ст. 12 УК УССР) так определяют невменяемость: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния...»

В этих определениях нет указания на невиновность. В действующем советском уголовном праве выражена та установленная XX съездом КПСС линия развития, которая направлена на дальнейшее укрепление социалистической законности, и необходимым условием уголовной ответственности признано поэтому лишь *виновное* совершение общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Лицо невменяемое не способно действовать виновно, умышленно или неосторожно, но специальное указание на это признано законодателем ненужным, излишним, как само собой разумеющееся.

Положение о невменяемости как условии, исключающем вину, является общим для действующего уголовного и уголовно-процессуального права. Между ними нет и не может быть расхождения в этом отношении.

Приговор представляет собой решение вопроса о виновности: лицо вменяемое признается виновным или невиновным, определение же суда относится не к решению вопроса о виновности, а к установлению

¹ Общее учение о составе преступления, 1957 г., стр. 75.

² Уголовный процесс, 1946 г., стр. 526.

невменяемости — состояния, исключающего во всех случаях виновность. Различие в природе, основании невинности (отсутствие умысла и неосторожности в одном случае, необходимой предпосылки умысла и неосторожности в другом) имеет глубокое принципиальное значение с точки зрения задач кары и воспитания, осуществляемых в рамках специального и общего предупреждения, но не изменяет того положения, что невменяемое лицо по действующему уголовно-процессуальному праву не признается виновным и лишь на этом основании не подлежащим уголовной ответственности.

Отсутствие виновности, устанавливаемое либо в оправдательном приговоре, либо подразумеваемое в определении, свидетельствует об отсутствии состава преступления: в первом случае вследствие отсутствия субъективной стороны этого состава, во втором — вследствие отсутствия надлежащего субъекта преступления¹.

Судебная практика должна руководствоваться значением невменяемости, вытекающим из действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также содержанием невменяемости, обрисованным в уголовном законодательстве.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Харьковского областного суда (от 25 мая 1960 г.) было установлено следующее: Чуб С. М., находясь в нетрезвом состоянии, топором и ножом убил на почве ревности свою жену. Заключением судебно-психиатрической экспертизы Чуб признан страдающим психическим заболеванием в форме органического поражения центральной нервной системы, бредовым синдромом и выраженными дисфорическими состояниями — невменяемым. Это деяние совершено было им в болезненном состоянии, вследствие чего, по заключению экспертизы, он нуждается в направлении в психиатрическую больницу специального типа. В приведенном определении содержится описание столь явного, несомненного по тяжести, душевного заболевания, что едва ли была бы необходима (в практических целях) дальнейшая, обосновывающая состояние невменяемости, аргументация.

Но в большинстве уголовных дел, в которых возникает сомнение во вменяемости, диагноз душевной болезни не разъясняет еще степени ее тяжести.

Судебная практика по делам такого рода вызывает следующие критические замечания.

1. Положение о признании невинными только лиц вменяемых, действовавших без умысла и неосторожности, т. е. о том, что невменяемость отношения к виновности не имеет, до сих пор остается в силе. Но оно противоречит значению невменяемости, как обстоятельства, исключающего виновность, а также, следовательно, самому содержанию ее, определяемому психологическими критериями.

2. В актах экспертизы не определяется отношение между ненормальным состоянием испытуемого лица и его психическими функциями во время совершения общественно опасного деяния. «Нередко оформление актов судебно-психиатрической экспертизы производится небрежно, по своему содержанию они неубедительны...», — говорится в приказе по Министерству здравоохранения от 4/III 1960 г. «Об улучшении организации судебно-психиатрической экспертизы». Неубедительны они потому, что лишены главного, — указания на «тяжесть болезни, кото-

¹ В общественно опасном деянии лица, не достигшего возраста возможной уголовной ответственности, также нет состава преступления, но это обстоятельство (в отличие от аналогичного значения невменяемости) выделено особо (ст. 5, п. 2 и 5 УПК РСФСР, ст. 6, п. 2 и 5 УПК СССР).

рая исключает способность больного отдавать отчет в своих действиях» (из инструкции по составлению акта судебно-психиатрической экспертизы — приложения к этому приказу). Акты экспертизы ограничиваются анализом психического расстройства и стереотипными указаниями на применимость или неприменимость статей о невменяемости. Суд же, не располагающий выводами, содержащими оценку психического состояния испытуемого «в форме, понятной для суда и следственных органов» (из той же инструкции), принимает их на веру, соглашается с ними. Соглашается суд с этими выводами даже в тех случаях, когда «вопрос, ...поставленный следователем о том, был ли испытуемый вменяемым во время правонарушения, экспертизой эставлен без ответа»¹.

Неполнота актов судебно-психиатрической экспертизы и отношение к их выводам со стороны судебных органов могут повлечь назначение уголовной ответственности за действия, совершенные невменяемым, или, наоборот, освобождение от нее лица вменяемого.

Исходным является положение о вменяемости как предпосылке, условию вины.

Отсюда вытекает простой и очевидный вывод, что невменяемость является предпосылкой, условием для признания невиновности. К этому выводу и приходят в настоящее время некоторые авторы. «Основы, так же, как и действующее до них уголовное законодательство, допускают совершение общественно опасного деяния невменяемыми, которые неспособны к виновному поведению»²; «...душевнобольной не может быть признан виновным, и нет оснований для того, чтобы порицать его действия, хотя они и причиняют вред нашему обществу и гражданам»³. Различие в предпосылках состоит в том, что вменяемый может быть признан как виновным, так и невиновным, а невменяемый не может быть признан виновным.

Но процитируем такое утверждение: «Принятые... в настоящее время в теории уголовного права признаки субъекта преступления (физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста) — это признаки любого человека: и преступника и не преступника»⁴. Здесь налицо смешение признаков субъекта преступления с признаками «любого человека», поэтому возникает вопрос: какое отношение все это имеет к уголовному праву, к уголовно-правовому понятию вменяемости?

Разработка в судебной практике и теории уголовного права и уголовного процесса вопросов рассматриваемой темы имеет своей задачей дальнейшее укрепление социалистической законности в условиях построения коммунистического общества.

¹ См. определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 18 апреля 1961 г. Бюллетень Верховного суда СССР, 1961 г., № 4, стр. 21.

² Т. В. Церетели. К вопросу о понятии вины. Известия отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР, 1960 г., № 1, стр. 134.

³ Н. С. Лейкина, в учебнике «Советское уголовное право», ч. общая, 1960 г., стр. 285.

⁴ Б. С. Утевский. Вопросы уголовного права в проекте Закона, ж. «Советское государство и право», 1960, № 1, стр. 118.

Кандидат юридических наук Л. Н. СУГАЧЕВ

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ УССР

Одной из основных задач в борьбе за дальнейшее укрепление социалистической законности является защита прав и законных интересов советских граждан, всемерная охрана личности от преступных посягательств. В центре же внимания этой борьбы в советском уголовном законодательстве стоит защита жизни советского гражданина.

Преступления против жизни вместе с преступлениями против здоровья, свободы и достоинства личности изложены в третьей главе Особенной части нового Уголовного кодекса УССР, следующей за главами о государственных преступлениях и преступлениях против социалистической собственности. Тем самым подчеркивается то огромное значение, которое законодатель придает охране личности советского гражданина.

В новом Уголовном кодексе, как и в УК УССР 1927 года, различаются: умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 93), умышленное убийство без отягчающих обстоятельств (ст. 94) и умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах. К последней группе, как и ранее, относятся умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 95), умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка (ст. 96) и убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 97). Наряду с умышленным убийством закон предусматривает убийство по неосторожности (ст. 98); в ст. 100 УК предусмотрена наказуемость угрозы совершить убийство.

Ст. 93 УК УССР 1960 г. содержит четкий и исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих ответственность за умышленное убийство. Уголовный кодекс 1927 года по сути давал возможность любое умышленное убийство квалифицировать как совершенное при отягчающих обстоятельствах, поскольку п. «а» ст. 138 этого кодекса¹ устанавливал ответственность за умышленное убийство из корысти, ревности и других низменных побуждений и поскольку трудно представить себе умышленное убийство, совершенное не из низменных побуждений. Не внес четкости в этот вопрос и Указ Президиума Верховного Совета УССР от 28 июля 1959 г. «О внесении изменений в ст.ст. 138, 139 и ч. 3 ст. 70 Уголовного кодекса Украинской ССР», в котором также указывалось, наряду с корыстью, хулиганством, на «иные низменные побуждения».

¹ Здесь и ниже имеется в виду УК УССР 1927 г. без изменений, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета УССР от 28 июля 1959 г. «О внесении изменений в статьи 138, 139 и ч. 3 ст. 70 Уголовного кодекса Украинской ССР».

Новый Уголовный кодекс УССР не признает убийством при отягчающих обстоятельствах убийство из ревности или лицом, на обязанности которого лежит особая забота об убитом, либо совершенное с использованием беспомощного состояния убитого. Новый УК не предусматривает также убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах.

С другой стороны, УК УССР 1960 года признает совершенными при отягчающих обстоятельствах: убийство из хулиганских побуждений; убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга; убийство двух или более лиц; убийство, соединенное с изнасилованием; убийство, совершенное особо опасным рецидивистом.

Сущность этих новых, предусмотренных УК 1960 г. отягчающих обстоятельств, совершенно ясна и очевидна. Следует лишь остановиться на п. «а» ст. 93 УК, говорящем об умышленном убийстве из корысти. Этим признаком охватывается как убийство из корыстных побуждений, так и умышленное убийство при разбойном нападении¹.

Круг преступных действий, признаваемых умышленным убийством без отягчающих обстоятельств (ст. 94 УК 1960 г.), расширился вследствие того, что сюда отнесены некоторые преступления, ранее рассматривавшиеся как квалифицированное убийство.

Как указывалось выше, в новом УК УССР излагаются те же виды умышленного убийства при смягчающих обстоятельствах, что и в УК 1927 г. В частности, ст. 95 УК УССР 1960 г. предусматривает ответственность за умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. При этом новый кодекс указывает на внезапность возникновения состояния физиологического аффекта, как на один из признаков данного состава преступления. Отсутствие такого указания в ст. 140 УК УССР 1927 г. иногда было причиной неправильного применения закона.

Убийство в состоянии аффекта характеризуется внезапностью возникновения состояния сильного волнения и умысла совершить убийство. «Аффектами называются чрезвычайно сильные, быстро возникающие и бурно протекающие кратковременные эмоциональные состояния»². В таком состоянии эмоциональное возбуждение тормозит интеллектуальную деятельность, вследствие чего способность виновного отдавать себе отчет в совершаемом, руководить своими действиями в значительной степени утрачена и является одним из оснований признания такого преступления убийством при смягчающих обстоятельствах.

В судебной же практике имели место случаи осуждения по ст. 140 УК УССР 1927 г. лишь потому, что виновный находился в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, хотя умысел на убийство возник не внезапно, а вынашивался определенное время.

Примером может служить дело С., который был признан виновным в том, что в ночь на 18 августа 1959 г. в состоянии сильного душевного

¹ Указ Президиума Верховного Совета УССР от 28 июля 1959 г. «О внесении изменений в статьи 138, 139 и ч. 3 ст. 70 Уголовного кодекса Украинской ССР» к умышленному убийству из корысти также относил убийство при разбойном нападении.

² П. И. Иванов. Психология, М., 1956, стр. 259.

волнения, вызванного тяжким оскорблением, убил свою жену. Обстоятельства этого дела таковы: С. неоднократно уличал жену в супружеской неверности. Однажды, узнав, где находилась жена, С. в течение двух часов сквозь щель в ставне окна наблюдал за ней, затем ушел, напился пьяным и, возвратившись поздно ночью домой, несколькими ударами ножа убил ее, когда она спала. Областной суд правильно не нашел в деянии С. состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК УССР 1927 г., так как здесь не было внезапности возникшего умысла.

К убийству при смягчающих обстоятельствах новый УК УССР относит умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка (ст. 96). Этот вопрос заслуживает особого внимания, поскольку в действующем уголовном законодательстве нет единства в определении ответственности за данное преступление.

Женщина во время родов или сразу же после родов рассматривается как не могущая полностью отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие определенного патологического состояния. «Рождение человека, — писал В. И. Ленин, — связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса»¹. Признано, что «у большинства беременных наблюдаются незначительные изменения со стороны настроения, обычно связанные с соматическими нарушениями. В некоторых случаях наблюдаются ипохондрические идеи, импульсивность, навязчивое состояние. Эти явления бывают сильнее выражены в тех случаях, когда беременность является нежелательной или когда предыдущая беременность или роды были неблагоприятными»².

Исходя из этого, новый УК Украинской ССР, а также УК Узбекской и УК Латвийской ССР, рассматривают данное преступление, как совершенное при смягчающих обстоятельствах³.

Напротив, УК РСФСР (а также УК Грузинской ССР, Казахской ССР и некоторых других союзных республик) убийство матерью своего новорожденного ребенка квалифицирует на общих основаниях. Это мотивируется следующим образом: «...Теперь нет уже оснований находить в поведении матери, убившей своего ребенка, смягчающих вину обстоятельств в виде ссылки на тяжелые материальные условия ее существования, на стыд перед окружающими за рождение внебрачного ребенка и т. п.»⁴.

Эти доводы не в состоянии поколебать позиции УК УССР. Речь идет не о детоубийстве вообще, а об убийстве матерью своего ребенка в определенном состоянии. Естественно, что это состояние ни в коей мере не может зависеть от «материальных условий существования» субъекта преступления.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 459.

² М. О. Гуревич. Психиатрия, М., 1949, стр. 312.

³ См. В. Д. Меньшагин. Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР. «Социалистическая законность», 1937, № 9, стр. 37; И. И. Служкий. Преступления против личности в проекте УК СССР. «Социалистическая законность», 1947, № 4, стр. 11; М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 87—88.

⁴ В. С. Тадевосян. Об уголовной ответственности за преступления против детей. «Советское государство и право», 1940, № 8—9; также Б. С. Утевский. Уголовное право, М., 1950, стр. 184; «Советское уголовное право, часть особенная», М., 1951, стр. 188; «Советское уголовное право, часть особенная», Издательство ЛГУ, 1959, стр. 149.

Иные доводы в защиту позиции УК РСФСР приводит Н. И. Загородников. Он также не соглашается с приведенным выше утверждением В. С. Тадевосяна и полагает, что рассматриваемое убийство «должно влечь меньшее наказание», но «на общем основании с убийством вообще». Введение же специальной нормы о детоубийстве создает, по мнению Н. И. Загородникова, «привилегированное положение для лиц, совершивших убийство ребенка по низменным, корыстным, антиобщественным мотивам, иногда жестоким способом и без каких бы то ни было смягчающих обстоятельств».

Вряд ли можно согласиться с такой аргументацией, основанной на возможных ошибках судебной практики. Напротив, исследование обстоятельств дела устранил «привилегированное положение» для лиц, совершивших убийство при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 96 УК УССР 1960 г. Бездоказательным представляется также утверждение Н. И. Загородникова, что «порядок ответственности за детоубийство на общем основании с убийством вообще... бесспорно содействует созданию обстановки всеобщего осуждения такого преступления и является, следовательно, морально сдерживающим фактором»¹.

Судебная практика свидетельствует о том, что суды РСФСР назначают наказание за это преступление, как правило, до трех лет лишения свободы, признавая тем самым значительно меньшую общественную опасность убийства матерью своего ребенка во время родов или тотчас же после родов.

Видом умышленного убийства при смягчающих обстоятельствах УК УССР 1960 г. признает также убийство при превышении пределов необходимой обороны. Основанием для смягчения ответственности за это преступление является мотив, которым вызвано данное деяние, — именно стремление защитить «интересы Советского государства, общественные интересы, личность или права обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда» (ст. 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., ст. 15 УК УССР 1960 г.).

На современном этапе развития нашего общества особенно возрастает значение необходимой обороны, как одной из форм борьбы с преступностью силами общественности. И это сказалось на впервые введенном в закон определении самого понятия превышения пределов необходимой обороны. Согласно ч. 2 ст. 13 Основ уголовного законодательства (ч. 2 ст. 15 нового УК УССР) превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. Такое явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства означает резкую, совершенно очевидную несоразмерность между «защитой и посягательством по интенсивности» или между «менее ценным защищаемым правом интересом и тяжестью вреда, причиненного посягателю»².

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 23 октября 1956 г. «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне», указания которого имеют актуальное значение и в настоящее время, отмечается, что превышение пределов необходимой обороны имеет место тогда, когда обороняющийся прибегнул к защите такими средствами и методами, применение которых явно не вызывалось ни характером нападения, ни

¹ Н. И. Загородников. Преступления против жизни. М., 1961, стр. 162, 165.

² В. С. Трахтеров. Про необхідну оборону. Журнал «Радянське право». 1960, № 1.

реальной обстановкой, и без необходимости причинил нападавшему тяжкий вред¹.

Ст. 98 нового УК УССР предусматривает ответственность за убийство по неосторожности и при этом не различает видов неосторожного убийства, тогда как часть 1 ст. 144 УК УССР 1927 г. предусматривала ответственность за «убийство по неосторожности», а в части 2-й ответственность усиливалась, «если неосторожное убийство явилось результатом сознательного несоблюдения правил предосторожности». Различие между 1 ч. и 2 ч. ст. 144 старого УК УССР заключалось, таким образом, в степени несоблюдения правил предосторожности². Такая конструкция составов неосторожного убийства вряд ли могла быть признана удачной. Любое преступление, совершенное по неосторожности, всегда является результатом осознанного—сознательного—несоблюдения правил предосторожности; степень же несоблюдения этих правил — слишком неопределенный критерий для разграничения видов убийства по неосторожности. Это приводило к тому, что неосторожное убийство квалифицировалось по старому УК по ч. 2 ст. 144, поскольку устанавливалось несоблюдение правил предосторожности — признак, характеризующий, как указано выше, всякое неосторожное деяние.

Установлением единого состава неосторожного убийства устраняется возможность отмеченных ошибок практики, различная же степень несоблюдения правил предосторожности может быть учтена судом в рамках санкции ст. 98 нового УК УССР.

Новым является установление ответственности за угрозу убийством. Ст. 100 УК УССР 1960 г. предусматривает наказание за угрозу совершить убийство при наличии реальных оснований опасаться ее исполнения.

Введение ответственности за угрозу убийством обусловлено стремлением максимально защитить личность и ее интересы. Общественная опасность угрозы совершить убийство состоит в том, что она причиняет значительное беспокойство потерпевшему, нарушает его спокойный труд и отдых, заставляет думать о возможности приведения угрозы в исполнение³. Судебная практика свидетельствует о том, что умышленному убийству нередко предшествует угроза совершить данное преступление⁴. Поэтому установление уголовной ответственности за угрозу убийством, несомненно, может иметь реальное превентивное значение и воспрепятствовать совершению этого тяжкого преступления.

Угроза может быть выражена словесно, письменно, путем конклюдентных действий, но во всех этих случаях она должна быть действительной, заставляющей опасаться приведения ее в исполнение. Об

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1957 гг., М., 1958, стр. 12.

² С этой точки зрения является ошибочным взгляд, согласно которому различие между 1 и 2 ч. ст. 144 УК УССР следует проводить по видам неосторожности. См., например, И. И. Слуцкий. Преступления против личности в проекте УК СССР, «Социалистическая законность», 1947, № 4, стр. 10; «Советское уголовное право, часть особенная», М., 1951, стр. 193; Н. И. Загородников, Преступления против жизни. М., 1961, стр. 214.

³ Поэтому следует признать правильным отнесение угрозы совершить убийство к преступлениям против личности, как это сделано, напр., в Уголовных кодексах УССР, Грузинской ССР (ст. 136). В Уголовных кодексах РСФСР (ст. 207), Латвийской ССР (ст. 205) угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества находится в главе «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения».

⁴ Член Верховного суда РСФСР С. Бородин в статье «Об уголовной ответственности за угрозу убийством» пишет: «...Из преднамеренных убийств около одной трети составляют такие, которым предшествовало обнаружение умысла в виде угрозы» («Социалистическая законность», 1959, № 1, стр. 30).

этом, в частности, могут свидетельствовать различные обстоятельства, например, угроза убить, сопровождаемая систематическими избиениями, показом ножа. Иногда определенные отношения, сложившиеся между виновным и потерпевшим, служат достаточным основанием опасаться исполнения угрозы; такова, например, угроза возвратившегося из заключения расправиться с бывшим свидетелем по делу.

Рассматриваемое преступление может быть совершено лишь умышленно и притом только с прямым умыслом. Наказуемая угроза имеется там, где виновный сознает общественно опасный характер ее, предвидит, что в результате этих действий нарушается спокойствие потерпевшего, и желает этого.

Отсутствие действительного намерения реализовать угрозу не исключает состава данного преступления. Как уже указывалось, опасность угрозы состоит в нарушении спокойствия лица, против которого она направлена. Поэтому, если установлено, что угроза была реальной, но виновный не имел намерения убить потерпевшего, а хотел лишь «попугать» его, — состав преступления наличен. «...Угроза носит особо серьезный характер, — пишет М. Д. Шаргородский, — и сама по себе представляет значительную общественную опасность, а не потому, что она является стадией в развитии убийства»¹.

Угрозу убийством следует отличать от предварительной преступной деятельности, направленной на совершение убийства. Общим для них является совершение действий, свидетельствующих о намерении убить. Различие заключается в том, что угроза ограничивается действиями, которые подкрепляют ее, однако, не перерастают в создание условий для совершения убийства, а тем более, в деятельность, непосредственно направленную на его совершение. Умысел виновного направлен лишь на угрозу убийством.

Возможны случаи угрозы, подкрепленной действиями, лишь внешне сходными с приготовлением или покушением на убийство, например, затачивание топора. Поэтому органы расследования, прокуратура и суд должны в каждом конкретном случае тщательно исследовать все фактические обстоятельства дела для того, чтобы правильно квалифицировать деяние виновного.

В этом отношении заслуживает внимания дело М., который был признан виновным в том, что 10 апреля 1961 г. из корыстных побуждений покушался на убийство своей жены (ст. 117 и п. «а» ст. 93 УК УССР). М. и его жена фактически прекратили брачные отношения. Не желая платить алименты на содержание ребенка, М. угрожал жене, что если она обратится в суд с иском о взыскании алиментов, то он ее убьет. После того как М. узнал, что жена предъявила иск, он, будучи в нетрезвом виде, явился к жене на работу и, увидя ее в окружении сотрудников, потребовал, чтобы она отошла в сторону, причем показал ей нож. Жена заявила о случившемся в милицию. Привлеченный к ответственности за покушение на убийство М. объяснил, что убивать жену не собирался, а хотел лишь угрозой заставить ее отказаться от алиментов. Харьковской областной суд, тщательно исследовав обстоятельства дела, пришел к выводу, что М. действительно не преследовал цели убить жену, в связи с чем переqualificировал его действия на ст. 100 УК УССР².

¹ М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья, М., 1947, стр. 252.

² «...Закон вовсе не требует для наказуемости угроз, чтобы виновный действительно хотел совершить то преступление, которым он угрожал» (Н. С. Таганцев. О преступлениях против жизни, т. 1, стр. 205).

² Архив Харьковской областной суда, 1961 г., дело № 68/61.

Кандидат юридических наук В. Н. САВЧЕНКО

ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В первых законодательных актах о советской прокуратуре предусматривался в числе других ее функций также надзор за местами лишения свободы. Важность этой функции в последующем нашла яркое выражение в Положении о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г., которое расширило и конкретизировало надзорные права прокурора, определило формы и методы его деятельности в этой области.

Надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы является важной и сложной отраслью работы органов прокуратуры. Успех его зависит от умения правильно определять надзорные объекты, выявлять факты нарушения закона и надлежащим образом реагировать на них.

В практике нередки случаи, когда после проверки прокурором мест заключения вновь вскрываются различные нарушения закона, которые при умелом применении прокурорских методов и форм реагирования можно было бы установить и устранить. Такие последствия после подобных «проверок» бывают еще и тогда, когда прокуроры занимаются вопросами, не относящимися к их компетенции, упуская из виду главное — проверку соблюдения законности. Эта практика ведет к необоснованному расширению компетенции прокурора по надзору за местами лишения свободы и одновременно снижает качество надзора за соблюдением законности.

Следует отметить, что и в юридической литературе некоторые авторы необоснованно расширяют компетенцию прокурора по надзору за местами лишения свободы и тем самым превращают прокуратуру в управленческий орган. Они вменяют прокурору в обязанность осуществлять надзор не только за законностью содержания заключенных, но и за всей деятельностью администрации мест лишения свободы. Между тем осуществление прокурором надзора за всей деятельностью администрации мест лишения свободы фактически превращает его в работника, контролирующего также выполнение приказов и инструкций МВД СССР, которые касаются санитарно-бытовых условий заключенных, состояния вещевого довольствия, проверки качества пищи и т. д.

Расширение обязанностей прокурора и неправильное определение его надзорной компетенции противоречит указаниям В. И. Ленина о том, что «прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 327.

Вопреки этим ленинским положениям расширение компетенции прокурора отождествляет его деятельность с деятельностью ведомственных органов контроля за местами лишения свободы и по существу снижает ответственность министерств внутренних дел и соответствующих местных органов, призванных руководить и контролировать многообразную деятельность администрации мест лишения свободы. Поэтому нельзя согласиться с В. С. Тадевосяном, утверждающим, что «прокурор проверяет путем ознакомления с нормами расходования продовольственных и других продуктов, путем непосредственной проверки качества пищи...»¹.

Этой же точки зрения придерживаются В. Г. Лебединский и Ю. А. Каленов, указывающие, что «прокуроры, осуществляющие надзор за исправительно-трудовыми колониями, обязаны следить за тем, чтобы точно соблюдались правила об условиях содержания заключенных (жилищные условия, питание, вещевое довольствие, санитарное состояние, мероприятия по улучшению физического состояния заключенных...»².

Формы и методы прокурорского надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы многообразны и находятся в прямой зависимости от характера этих мест. Места лишения свободы выполняют задачу охраны советского общества путем временной изоляции лиц, осужденных за совершение преступлений или некоторых административных проступков (мелкое хулиганство и др.); лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления (ст. 32 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик), а также обвиняемых, к которым в качестве меры пресечения применено заключение под стражу (ст. 33 Основ).

С принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года в систему мест лишения свободы входят:

а) Исправительно-трудовые колонии (ИТК) — места для содержания осужденных к лишению свободы после того, как приговор вступил в законную силу, и трудовые колонии для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (часть 3 ст. 23 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

б) Тюремь — места лишения свободы для обвиняемых, к которым в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, и для лиц осужденных, приговор о которых не вступил еще в законную силу (ст. 33 Основ).

В тюрьмах содержатся также лица, осужденные к лишению свободы и отбывающие наказание в тюрьме на весь срок или часть его согласно приговору суда, за совершенные тяжкие преступления, а также особо опасные рецидивисты³.

в) Транзитно-пересыльные отделения для заключенных, этапиремых из одной местности в другую.

г) Специальные психиатрические больницы МВД — для заключенных, страдающих психическими болезнями.

Осуществляя надзор за местами лишения свободы, прокурор должен исходить из того, что:

а) они обязаны действовать в строгом соответствии с законом

¹ В. С. Тадевосян. Прокурорский надзор в СССР. М., 1956, стр. 267.

² В. Г. Лебединский, Ю. А. Каленов. Прокурорский надзор в СССР, Госюриздат, 1957, стр. 214.

³ Постановление № 4 Пленума Верховного суда СССР от 9 июня 1961 г. «Советская юстиция» № 4, июль 1961 г., стр. 13.

и обеспечить отбытие осужденными наказания согласно приговору суда;

б) исправление и перевоспитание заключенных основано на неуклонном соблюдении установленного в исправительно-трудовом учреждении режима, на обязательном участии их в общественно-полезном труде, на общеобразовательном и профессиональном обучении и политико-воспитательной работе;

в) в работе исправительно-трудовых учреждений важную роль играет общественность.

Основные задачи прокурорского надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы, права и обязанности прокурора изложены в статьях 113 и 117 Конституции СССР, в главе пятой Положения о прокурорском надзоре в СССР, в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года¹.

Точное соблюдение законов администрацией мест лишения свободы является одной из основных гарантий успешного выполнения возложенной на них задачи — исправления и перевоспитания осужденных. Этому должна соответствовать деятельность органов прокуратуры при осуществлении надзора за местами лишения свободы.

К методам прокурорского надзора за соблюдением законности в местах содержания заключенных статья 35 Положения о прокурорском надзоре в СССР относит:

1) посещение мест лишения свободы в любое время с беспрепятственным доступом во все помещения;

2) ознакомление с документами, на основании которых данное лицо подвергнуто лишению свободы;

3) личный опрос заключенных;

4) проверку соответствия закону приказов и распоряжений администрации мест лишения свободы, определяющих условия и режим содержания заключенных;

5) получение личных объяснений представителей администрации мест лишения свободы по поводу нарушения законности содержания заключенных.

Таким путем прокурор, посещая места лишения свободы, вскрывает и устраняет в них факты нарушения законности, иначе говоря, личное посещение прокурором мест лишения свободы и личная проверка состояния законности лежит в основе надзора за местами лишения свободы; в этом именно и заключается характерная особенность данной отрасли прокурорского надзора.

Меры, принимаемые прокурором к устранению вскрытых нарушений закона, облекаются в определенную правовую форму. Прокурор обязан либо сам в пределах компетенции, либо через вышестоящего прокурора принять исчерпывающие меры к ликвидации нарушений закона и к наказанию лиц, виновных в этих нарушениях.

Основным видом мест лишения свободы являются исправительно-трудовые колонии, которые предназначены для осужденных, достигших совершеннолетия. Правовым основанием для содержания этих заключенных является приговор суда, вступивший в законную силу.

В исправительно-трудовых колониях существует четыре вида режима: общий, усиленный, строгий и особый режим². Основные положения режима реализуются в конкретных правилах о передвижении

¹ Советское исправительно-трудовое право. Госюриздат, 1960, стр. 4—8.

² Постановление Пленума Верховного суда СССР от 19/VI 1961 г. «Социалистическая законность», 1961, № 7, стр. 19.

заклученных внутри мест лишения свободы, о свиданиях, передачах, прогулке, переписке, о мерах поощрения, дисциплинарных взысканиях и др.

В соответствии с нормами исправительно-трудового права труд для всех способных к нему заключенных является обязательным. Лица, злостно уклоняющиеся от работы и намеренно не выполняющие норм выработки, а также систематически отказывающиеся работать, рассматриваются как умышленные нарушители режима.

Условия работы заключенных определяются законодательством о труде. Лица, добросовестно относящиеся к труду и примерно ведущие себя, поощряются, к нарушителям же режима, установленного в ИТК, применяются взыскания. К заключенным не могут применяться меры, имеющие своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ст. 20 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик). Лица, злостно нарушающие режим в ИТК и не реагирующие на меры воспитательно-дисциплинарного характера, подлежат по определению суда переводу в тюрьму.

Заклученные, доказавшие примерным поведением и честным отношением к труду, что они отказались от прошлой своей деятельности, могут быть представлены администрацией мест заключения к условно-досрочному, или досрочному освобождению от наказания или же к замене назначенного наказания более мягким¹.

В соответствии со ст. 33 Положения о прокурорском надзоре в СССР проверку соблюдения законности в местах лишения свободы прокурор обязан производить регулярно. Готовясь к надзорной проверке, он должен ознакомиться с имеющимися в прокуратуре материалами по обследуемым колониям и тюрьмам, изучить акты предыдущих проверок, учесть данные наблюдательной комиссии, выяснить ее претензии к администрации мест лишения свободы по вопросу о соблюдении социалистической законности, о режиме, условиях содержания заключенных, о состоянии трудового воспитания и др. В случае необходимости прокурор может пригласить для участия в проверке члена наблюдательной комиссии.

Перед посещением объектов необходимо наметить основные вопросы, подлежащие проверке. К ним относятся:

- а) обоснованность водворения в места лишения свободы и законность содержания заключенных;
- б) правильность определения режима;
- в) соблюдение правил изоляции заключенных в соответствии с характером совершенных ими преступлений;
- г) обоснованность дисциплинарной практики — законность наложения на заключенных взысканий;
- д) своевременность освобождения заключенных из мест лишения свободы;
- е) правильное и своевременное разрешение администрацией жалоб и заявлений заключенных;
- ж) законность приказов и распоряжений администрации и др.

Ознакомившись с общим положением на объекте, прокурор проверяет, как выполнены предложения об устранении нарушений закона по акту предыдущей проверки.

Проверка законности приказов и обоснованности распоряжений

¹ Осуществляя надзор за условно-досрочным освобождением, прокурор руководствуется решениями Пленума Верховного суда СССР по данному вопросу. Бюллетень Верховного суда, 1961, № 3, стр. 11.

администрации является одним из важных вопросов надзорной деятельности прокурора.

Изучая законность и обоснованность приказов в местах лишения свободы, прокурор опрашивает выборочным порядком заключенных, проверяет, как соблюдаются права заключенных (предоставление свиданий, состояние переписки с родными, порядок получения и отправления денежных переводов и др.). Таким же путем проверяется соблюдение законов об охране труда, технике безопасности, порядок начисления и своевременность выдачи зарплаты, правильность удержаний из нее и др.

Прокурор обязательно должен выяснить, имеют ли заключенные реальную возможность подавать жалобы и заявления, принимают ли их устные жалобы должностные лица мест лишения свободы, своевременно ли административные лица отвечают на жалобы как заключенных и их родственников, так и соответствующих организаций.

В случае необходимости и учитывая просьбы заключенных, прокурор может организовать прием их в одном из служебных помещений проверяемого объекта.

По материалам личных дел заключенных прокурор выясняет законность и обоснованность содержания заключенных в местах лишения свободы; наличие среди заключенных лиц, впервые осужденных за менее опасные преступления, причем в необходимых случаях ставит в порядке надзора вопрос о пересмотре приговора; правильность содержания заключенных в данном месте лишения свободы с учетом характера совершенных ими преступлений и количества судимостей; правильность исчисления срока наказания и своевременность освобождения из-под стражи по отбытии этого срока; правильность применения амнистии, акта помилования и др.

По результатам надзорной проверки прокурор составляет акт, в котором отражает вскрытые нарушения закона и формулирует конкретные предложения, направленные на их устранение. К основным формам реагирования прокурора на нарушения законности в местах лишения свободы относятся:

а) представление в адрес начальника УВД области или МВД республики;

б) докладная записка прокурору области, края, республики;

в) вручение начальнику ИТК или тюрьмы акта проверки с перечислением выявленных нарушений и с конкретными предложениями об их устранении. Выполнение предложений прокурора для должностных лиц мест лишения свободы является обязательным;

г) постановка вопроса о пересмотре приговора суда при наличии в деле указаний на необоснованность осуждения к лишению свободы;

д) протест на незаконный приказ начальника ИТК или тюрьмы;

е) постановление о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц мест лишения свободы за нарушения закона;

ж) постановление о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц ИТК, тюрем и др., совершивших уголовное преступление;

з) представление в советские и партийные органы о состоянии законности в поднадзорных объектах мест лишения свободы города, области, республики (ст. 3, 4, 33, 34, 35, 37 и др. Положения о прокурорском надзоре в СССР).

Особое место в деятельности прокурора занимает надзор за тюрьмами. При посещении тюрьмы прокурор в соответствии со ст. 32—37 Положения о прокурорском надзоре в СССР обязан проверить законность содержания заключенных, законность освобождения их в связи с прекращением дел, соблюдение сроков расследования органами дознания и следствия и сроков рассмотрения судами дел, своевременность этапирования заключенных в исправительно-трудовые колонии для отбытия наказания после вступления приговора в законную силу.

Ознакомившись по документам с общим положением в тюрьме, прокурор посещает камеры. При этом существенное значение имеет личный опрос заключенных, особенно подавших жалобы.

На основании материалов, имеющих в личных делах заключенных, прокурор проверяет законность применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, соблюдение сроков содержания под стражей по следственным делам, соблюдение сроков рассмотрения судами дел.

При установлении факта незаконного содержания в тюрьме прокурор немедленно принимает меры к освобождению заключенного из под стражи в соответствии со ст. 34 Положения о прокурорском надзоре в СССР и ст. 165 УПК УССР и привлечению к ответственности лиц, виновных в нарушении закона.

В случае выявления лиц, содержащихся под стражей с нарушением установленных законом сроков, прокурор должен потребовать от следственного органа, за которым числится заключенный, немедленного выполнения ст. 156 УПК УССР. Списки арестованных с указанием кем и когда они взяты под стражу, а также списки числящихся за судом лиц, дела о которых закончены расследованием, но не рассмотрены в установленные законом сроки, прокурор направляет соответствующему прокурору области и председателю областного суда для принятия надлежащих мер.

Если обнаружатся факты несвоевременного этапирования из тюрьмы в ИТК заключенных, приговоры о которых вступили в законную силу, прокурор ставит вопрос перед начальником УВД области, края о применении соответствующих мер к виновным задержания этапирования.

Находя при проверке личных дел заключенных незаконным и необоснованным приговор о назначении меры наказания, связанной с лишением свободы, прокурор ставит вопрос перед уголовно-судебным отделом областной прокуратуры об опротестовании этого приговора. В случае необоснованности перевода заключенного из ИТК в тюрьму прокурор возбуждает вопрос об опротестовании определения суда.

Такие нарушения, как неосновательное водворение заключенных в карцер, несоблюдение условий содержания их и др., устраняются по предложению прокурора на месте. При наличии к тому оснований прокурор на месте же решает вопрос о привлечении к ответственности лиц, виновных в этих нарушениях, а изданные с нарушением закона приказы, распоряжения и инструкции опротестовывает в общем порядке.

На основании обобщения материалов проверки прокурор в письменной форме предлагает начальнику тюрьмы устранить в определенные сроки отмеченные недостатки. При наличии существенного нарушения закона прокурор вносит соответствующее представление началь-

нику УВД области, края и др., а также в вышестоящие советские и партийные органы.

Надзор за транзитно-пересыльными отделениями для заключенных, а также за психиатрическими больницами МВД осуществляется на тех же основаниях с учетом специфики этих объектов.

Важное место в надзоре за местами лишения свободы имеет проверка исполнения законов о досрочном, условно-досрочном освобождении от наказания и замене наказания более мягким. Согласно ст. 44 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик к заключенным, доказавшим свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду, может быть применено судом условно-досрочное освобождение или заменена неотбытая часть наказания более мягким, при условии если они отбыли фактически не менее половины назначенного судом срока наказания, а осужденные за особо опасные государственные преступления, а также за другие тяжкие преступления отбыли не менее двух третей назначенного срока наказания.

Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием к особо опасным рецидивистам, как указано в ст. 44 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, не применяется.

Иной порядок досрочного, условно-досрочного освобождения от наказания и замены назначенного наказания более мягким установлен ст. 45 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик для лиц, осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет. В соответствии с этой статьей к заключенным, доказавшим свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду и отбывшим не менее одной трети срока наказания, может быть применено судом: условно-досрочное освобождение по достижении осужденным в процессе отбывания наказания восемнадцатилетнего возраста; досрочное освобождение до достижения осужденным восемнадцатилетнего возраста; замена назначенного наказания более мягким.

Наряду с досрочным и условно-досрочным освобождением от наказания осужденных, доказавших свое исправление, возможно досрочное освобождение из мест заключения лиц, заболевших тяжелым неизлечимым недугом. Перечень заболеваний, при наличии которых администрация места заключения обязана направлять материалы в суд для решения вопроса о досрочном освобождении, установлен соответствующими приказами министра здравоохранения СССР.

Дела об условно-досрочном, досрочном освобождении от наказания, о замене наказания более мягким рассматриваются судами в соответствии со ст. 407 УПК УССР, а дела о досрочном освобождении по болезни — в порядке ст. 408 УПК УССР. Прокурор обязан принимать участие в рассмотрении судами этих дел, давать заключения, обеспечивать надзор за законностью определений судов.

Главным при решении вопроса об условно-досрочном освобождении является не только отбытие требуемой по закону части срока наказания, но также примерное поведение и честное отношение осужденного к труду, свидетельствующее о его исправлении. Вывод о примерном поведении и честном отношении осужденного к труду должен быть основан не только на характеристике за период, непосредственно предшествующий наступлению срока, по отбытии которого возможно

условно-досрочное освобождение, но и на данных за все время отбытия осужденным наказания или, по крайней мере, в течение значительной части этого срока¹.

В практике встречаются случаи, когда администрация мест лишения свободы, исходя из узковедомственных хозяйственных интересов или по производственным соображениям, задерживает представление к условно-досрочному освобождению заключенных, отбывших установленный законом срок наказания, честно относящихся к труду и примерно ведущих себя. Прокурор обязан выявлять такие факты и принимать меры к их устранению.

При осуществлении надзора за исполнением законов о досрочном, условно-досрочном освобождении и замене наказания более мягким прокурор должен также учитывать наиболее характерные ошибки, допускаемые администрацией мест лишения свободы и некоторыми судами по делам этой категории, отмеченные Постановлением Пленума Верховного суда СССР². К этим ошибкам относится в частности некритический подход некоторых судов к рассмотрению представленных материалов об условно-досрочном освобождении. Вместо того, чтобы главное внимание при рассмотрении дела направить на то, доказал ли осужденный свое исправление, суды проверяют преимущественно отбыл ли он требуемую часть срока наказания, ошибочно считая это обстоятельство решающим.

Иногда администрация мест лишения свободы направляет, а суды принимают к производству представления, содержащие лишь общие данные о личности осужденного, по которым нельзя сделать правильный вывод о его исправлении.

В практике встречаются и такие случаи, когда некоторые суды в нарушение закона, исключая возможность условно-досрочного освобождения особо опасных рецидивистов, принимают к рассмотрению материалы и даже выносят определения об условно-досрочном освобождении таких осужденных³.

Наряду с этим иногда имеет место необоснованный отказ в условно-досрочном освобождении. Некоторые суды в качестве оснований такого отказа ссылаются на непредусмотренные законом обстоятельства, как-то: кратковременное пребывание в местах лишения свободы, отрицание своей вины в совершении преступления, за которое осужденный отбывает наказание, и др.

Таким образом, надзор за соблюдением законов о досрочном, условно-досрочном освобождении от наказания и замена наказания более мягким включает в себя наблюдение прокурора:

- а) за законностью и обоснованностью представления заключенных к условно-досрочному и досрочному освобождению от наказания администрацией мест лишения свободы;
- б) за законностью и обоснованностью отказа в представлении заключенных к условно-досрочному и досрочному освобождению;
- в) за правильностью применения амнистии и акта помилования;
- г) за правильностью исчисления отбытого срока наказания;
- д) за своевременностью направления на освидетельствование компетентными медицинскими комиссиями заключенных, заболевших душевной болезнью или неизлечимым недугом;

¹ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 19/VI 1961 г.

² «О судебной практике по условно-досрочному освобождению осужденных от наказания». Бюллетень Верховного суда, 1961, № 3, стр. 11.

³ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 19/VI 1961 г., стр. 12.

е) за законностью и обоснованностью определений судов по делам о досрочном и условно-досрочном освобождении заключенных от наказания;

ж) за соблюдением установленного законом порядка рассмотрения судами этих дел.

Необоснованные определения судов прокурор обязан опротестовать. Неопротестованные определения судов о досрочном освобождении подлежат немедленному исполнению.

Доктор юридических наук А. Л. РИВЛИН

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОГО ПРАВОСУДИЯ

(В свете нового законодательства Союза ССР и союзных республик
о судоустройстве и уголовном судопроизводстве)

1

Вопрос о понятии и системе принципов советского правосудия, особенно правосудия по уголовным делам, является одним из наиболее дискуссионных в советской правовой литературе. При этом обсуждению в литературе подвергается главным образом вопрос о принципах уголовного процесса, меньше всего — о принципах гражданского процесса и почти совершенно не исследуется вопрос о принципах правосудия, как особого вида государственной деятельности.

Между тем, задача, на наш взгляд, должна заключаться в первую очередь в том, чтобы определить общие принципы советского правосудия, находящие свое выражение при рассмотрении и разрешении и уголовных и гражданских дел.

Разумеется, принципы советского правосудия имеют ряд особенностей при применении их в различных видах его. Эти особенности и дают основание говорить о принципах уголовного процесса и о принципах гражданского процесса и подвергать их самостоятельному изучению. Но это не исключает, а предполагает возможность и необходимость исследования общего понятия и системы принципов советского правосудия, как особой и единой по своим задачам и целям деятельности Советского государства.

Такое изучение особенно необходимо под углом зрения нового законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве и уголовном судопроизводстве, дающего ряд новых оснований для освещения указанной проблемы.

По вопросу о том, что следует понимать под принципами советского уголовного процесса, а следовательно и правосудия, в правовой литературе намечилось несколько точек зрения. Под принципами советского уголовного процесса ряд авторов понимает основные положения, на которых построен весь уголовный процесс и которые определяют всю его систему, формы и институты¹. Другие видят в принципах про-

¹ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс, 1946, стр. 72. М. С. Строгович. Советский уголовный процесс, 1946, стр. 72. (В своем «Курсе уголовного процесса» автор иначе определяет принципы процесса, см. дальше). Как основы судопроизводства рассматривает принципы А. Ф. Клейман («Советский гражданский процесс», 1954, стр. 44). См. также М. М. Гродзинский. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. Здесь речь идет об основных, исходных положениях советского процесса, влекущих безусловную отмену приговора (Горюриздат, 1953, стр. 107).

цесса руководящие или правовые идеи, источником которых является марксистско-ленинское учение о советском суде¹. Наконец, некоторые авторы определяют принципы процесса как установленные в законе требования, как правовые положения, лежащие в основе деятельности советских следственных и судебных органов, иначе говоря, рассматривают принципы процесса как правовые нормы².

Не входя в подробное рассмотрение указанных точек зрения, следует раньше всего отвергнуть отождествление принципов процесса, а следовательно, и принципов правосудия с руководящими или правовыми идеями. Совершенно бесспорно, что идеи, вытекающие из марксистско-ленинской теории и определяющие все виды деятельности Советского государства, определяют и деятельность органов советского правосудия, содержание и характер принципов, лежащих в основе этой деятельности.

Однако сами по себе они не являются принципами советского правосудия. Так, идеи ленинской национальной политики определяют закрепленный в Конституции СССР принцип национального языка судопроизводства, но сами эти идеи не являются принципами советского правосудия.

Более правильным является определение принципов советского уголовного процесса как основных положений, определяющих весь его строй, всю его систему. Самый термин «принципы» означает основные руководящие начала, на которых что-то строится, что-то создается.

Однако указанное определение является слишком общим, не отражающим специфики правосудия. Это определение можно применить к любой отрасли советской государственной деятельности, а не только к правосудию. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы отыскать специфику принципов правосудия, их особенность, лишь им присущую.

Советское правосудие теснейшим образом связано с правом. Сущность его выражается в обеспечении путем убеждения и принуждения в их взаимной связи выполнения норм права. При этом самая форма осуществления данной задачи является правовой, специально предусмотренной законом, как основан на законе и порядок образования органов советского правосудия. Все это приводит к выводу, что принципы правосудия, лежащие в его основе, носят правовой характер, являются не чем иным, как нормами права. В силу этого правильной следует признать точку зрения, представляющую принципы советского уголовного процесса, а следовательно, и принципы советского правосудия как нормы права.

Следует сказать, что если ранее некоторые принципы правосудия не находили своего прямого выражения в законе, то ныне все они в том или ином виде выражены в новом законодательстве о судостроительстве и судопроизводстве Союза ССР и союзных республик.

¹ М. А. Савицкий, К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса, «Советское государство и право», 1950, № 4. Как правовые идеи принципы процесса определены и М. С. Строговичем в его статье «Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса». «Советское государство и право», 1952, № 2.

² Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд. Московского университета, 1956, стр. 83. И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства. Госюриздат, 1956, стр. 7. П. С. Элькин, Уголовно-процессуальное право, Сборник «40 лет советского права», т. II, Изд. Ленинградского университета, 1957, стр. 602.

Таким образом, первый признак, характеризующий принципы советского правосудия, следует видеть в их правовой природе, в том, что они представляют собой определенные правовые положения, закреплённые в правовых нормах.

Но для того чтобы являться принципами правосудия, эти правовые положения, правовые нормы должны обладать особыми, лишь им свойственными качествами, отличающими их от других правовых норм, регулирующих организацию и деятельность органов советского правосудия. Такими качествами указанных правовых норм является то, что они предусматривают наиболее общие и наиболее важные стороны организации и деятельности органов советского правосудия и при этом являются первоначальными, т. е. не вытекают из других норм, а наоборот, сами определяют содержание и характер этих норм, регулирующих различные стороны советского правосудия.

В этом и заключается принципиальный характер указанных норм, лежащих в основе советского правосудия и являющихся исходными в деятельности советских судебных органов.

В советской процессуальной литературе можно встретить попытки значительного расширения понятия принципов процесса, а, следовательно, и принципов советского правосудия. Так, к числу принципов советского правосудия относят осуществление правосудия судебными органами¹. Но осуществление правосудия судом является не принципом правосудия, а одним и при этом первым элементом его, ибо нет правосудия без суда, как специально на то уполномоченного государственного органа.

Принципами процесса считают предусмотренное ст. 113 Конституции СССР осуществление Генеральным прокурором СССР надзора за точным выполнением советских законов и предусмотренное ст. 104 Конституции СССР осуществление Верховным судом СССР надзора за деятельностью судебных органов². Однако ст. 113 Конституции СССР определяет функции прокуратуры и при этом никаких общих сторон в деятельности органов советского правосудия не регулирует, а ст. 104 Конституции говорит лишь об одной стороне деятельности Верховного суда СССР, притом по новому Положению о Верховном суде СССР от 12 февраля 1957 г. значительно ограниченной, и потому никак не может рассматриваться как один из принципов правосудия.

Без всяких к тому оснований к числу принципов советского уголовного процесса, а, следовательно, и к числу принципов правосудия, относят оценку доказательств по внутреннему убеждению судей, хотя такая оценка вытекает из более широкого требования, предусмотренного ст. 112 Конституции СССР, — независимости судей и подчинения их только закону. Принципами правосудия по уголовным делам считают неприкосновенность жилища, тайну переписки и другие права граждан, предусмотренные нормами Конституции СССР, хотя эти нормы определяют отдельные акты деятельности следственных и судебных органов и никаких более общих сторон их деятельности не регулируют³.

¹ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд. Московского университета, 1956, стр. 87.

² Советский уголовный процесс. Учебник. Госюриздат, 1956, стр. 44, 52.

³ А. Л. Цыпкин. Система принципов советского уголовного процесса. Научные труды Саратовского юридического института, вып. I, 1957, стр. 136. М. Я. Савицкий. О системе принципов советского уголовного процесса. «Советское государство и право», 1950, № 1. См. также «Отчет о дискуссии по вопросу о системе принципов советского уголовного процесса», «Социалистическая законность», 1952, № 6.

Наряду с этим следует отметить и противоположную тенденцию — необоснованное сужение понятия принципов процесса и правосудия. Так, в литературе высказан взгляд, согласно которому принципами советского правосудия являются лишь правовые положения, закрепленные в Конституции СССР, все же иные положения, хотя и регулирующие общие стороны деятельности органов советского правосудия, принципами его считаться не могут. Например, состязательность, устность, непосредственность судебного разбирательства, поскольку они не нашли своего законодательного выражения в Конституции, рассматриваются некоторыми авторами лишь как условия осуществления советского правосудия¹.

Не может быть сомнений в ошибочности такой точки зрения. Принципами советского правосудия являются и такие основные правовые положения, которые не зафиксированы в Конституции. Конституция не имела своей задачей исчерпать все законодательство о правосудии, в том числе и все принципы его. Конституция предусмотрела лишь такие правовые положения, которым законодатель нашел нужным придать конституционное значение. Но не только нормы Конституции как в области правосудия, так и в иных областях государственной деятельности, имеют принципиальное значение, выступают в качестве принципов. Наряду с этим принципы могут содержаться и в иных нормах, если они отвечают тем требованиям, какие предъявляются к принципам вообще и к принципам правосудия в частности. К числу таких относится, несомненно, ряд норм, предусмотренных в Основах законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и в Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г.

Изложенное дает основание понимать под принципами советского правосудия такие выраженные в законе положения, которые регламентируют наиболее общие и наиболее важные стороны организации и деятельности органов советского правосудия, являются первоначальными по своему характеру и определяют другие нормы, регулирующие советское правосудие.

Само собой разумеется, что во всех принципах находит свое наибольшее выражение социалистический демократизм советского правосудия, что все они в максимальной степени призваны обеспечивать осуществление его задач.

2

Исходя из указанного понятия принципов советского правосудия, необходимо к числу последних отнести следующие правовые положения, предусмотренные как Конституцией СССР, так и Основами законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик и Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик:

1. Образование всех судов на началах выборности (ст. 105—109 Конституции СССР и ст. 7 Основ законодательства о судостроительстве).

2. Коллегиальное рассмотрение дел во всех судах с участием в первой инстанции народных заседателей (ст. 103 Конституции СССР, ст. 8 Основ законодательства о судостроительстве и ст. 9 Основ уголовного судопроизводства).

3. Независимость судей и народных заседателей и подчинение их только закону (ст. 112 Конституции СССР, ст. 9 Основ законодательства о судостроительстве и ст. 10 Основ уголовного судопроизводства).

¹ См. названный учебник уголовного процесса, стр. 40, 54, 222 и след.

4. Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления (принцип публичности, ст. 3 Основ уголовного судопроизводства).

5. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела (принцип объективной истины) и запрещение перелгать обязанность доказаниа на обвиняемого (презумпция невинности) (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства).

6. Национальный язык судопроизводства (ст. 110 Конституции СССР, ст. 10 Основ законодательства о судоустройстве и ст. III Основ уголовного судопроизводства).

7. Осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом (ст. 5 Основ законодательства о судоустройстве и ст. 8 Основ уголовного судопроизводства).

8. Открытое разбирательство дел во всех судах (гласность судебного разбирательства) (ст. 111 Конституции СССР, ст. 11 Основ законодательства о судоустройстве и ст. 12 Основ уголовного судопроизводства).

9. Равенство прав участников судебного разбирательства (состязательность процесса) (ст. 38 Основ уголовного судопроизводства).

10. Обеспечение обвиняемому права на защиту (ст. 111 Конституции СССР, ст. 12 Основ законодательства о судоустройстве и ст. 19 Основ уголовного судопроизводства).

11. Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства (ст. 37 Основ уголовного судопроизводства).

Все перечисленные принципы закреплены в законе, все они регулируют важнейшие и наиболее общие стороны организации и деятельности органов советского правосудия и определяют содержание и характер других норм.

Большинство указанных принципов, получивших достаточно полное и правильное освещение в советской правовой литературе, не нуждается в анализе. Лишь некоторые из них, а именно — принципы публичности, объективной истины, презумпции невинности, состязательности продолжают оставаться дискуссионными. При этом и они достаточно полно, под углом различных точек зрения освещены в литературе. Мы поэтому ограничиваемся здесь лишь некоторыми соображениями, связанными с новым уголовно-процессуальным законодательством, с тем, как указанные принципы нашли в нем свое выражение.

Как сказано выше, принцип публичности находит свое выражение в ст. 3 Основ уголовного судопроизводства, обязывающей суд, прокурора, следователя, орган дознания возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления и принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к наказанию их. В этом принципе находит свое выражение государственное начало в правосудии, он определяет все действия, совершаемые следственными и судебными органами и предусмотренные соответствующими нормами процессуального законодательства.

Принцип публичности находится в прямой связи с задачами уголовного судопроизводства, предусмотренными ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, требующей, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию.

Как ни очевиден и по своему содержанию и по своему значению для уголовного судопроизводства указанный принцип, некоторые процессуалисты, и в первую очередь проф. М. А. Чельцов, отрицают наличие его в советском процессе. Возражая против публичности, как само-

стоятельного принципа советского уголовного процесса, М. А. Чельцов, как и в ряде других своих возражений против некоторых принципов советского процесса, обращается к буржуазному процессу и из сопоставления с последним черпает свои возражения. «В теории буржуазного процесса, — пишет он, — подчеркивание публичного интереса в деятельности органов преследования служило цели маскировки подлинного смысла отступления прокурора и суда от требований закона под предлогом отсутствия нарушения данным преступлением публичных интересов». Непонятно, однако, какое это имеет значение для понимания и применения принципов публичности в советском процессе, где этот принцип не служил целям какой бы то ни было маскировки и где он имеет совершенно иное значение.

«В советском уголовном процессуальном праве, — пишет далее М. А. Чельцов, — принципу социалистической законности не может быть противопоставлено (курсив мой. — А. Р.) самостоятельное начало публичности»¹. Но кто же из советских процессуалистов противопоставляет принцип публичности принципу законности? У ряда авторов речь идет о взаимосвязи, о сочетании принципов публичности и законности, а не о противопоставлении одного из этих принципов другому, о том, что деятельность суда, прокурора, следователя, органов дознания, предусмотренная ст. 3 Основ, должна базироваться на законе.

Следует при этом отметить, что и законодатель четко разграничивает принцип публичности и требование законности в деятельности судебных и следственных органов, посвящая им различные статьи, а именно ст. 3 Основ уголовного судопроизводства, говорящую о публичности процесса, и ст. 6 Основ законодательства о судостроительстве, предусматривающую осуществление правосудия в точном соответствии с законом.

С точки зрения проф. Чельцова публичность процесса поглощается законностью и не может поэтому представлять собой самостоятельное начало в отправлении правосудия. Но если стать на такую точку зрения, то придется признать, что все принципы поглощаются законностью, ибо все они предусмотрены законом, нормами права и строгое соблюдение каждого из принципов правосудия и есть не что иное, как высшее выражение законности в правосудии. Именно поэтому законность в правосудии не следует рассматривать как отдельный принцип его, ставить в один ряд с принципами процесса, ибо это значило бы установить в качестве одного из принципов правосудия требование соблюдения принципов правосудия, что явно несообразно.

Все это не только не умаляет значения социалистической законности в осуществлении правосудия, а напротив, повышает его, в том числе и значение ее для принципов правосудия, для их реального осуществления. Таким образом, исключать публичность из числа принципов советского правосудия и отождествлять данный принцип с социалистической законностью нет никаких оснований.

Необходимо отметить, что принцип публичности находит свое выражение и в правосудии по гражданским делам. Он выражается в действующих гражданско-процессуальных кодексах союзных республик, предусматривающих в определенных случаях право и обязанность

¹ М. А. Чельцов. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. Сборник «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР». Госюриздат, 1959, стр. 72—73.

прокурора возбудить гражданское дело и обязанность судебных органов разрешить дело, не ограничиваясь объяснениями и материалами, представленными сторонами (ст. 3 и 7 ГПК УССР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Принцип объективной истины нашел свое выражение, как указано выше, в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства, предусматривающей всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, перечисленных в следующей, ст. 15 Основ.

Закон не содержит нормы, которая бы прямо предписывала установление по каждому делу объективной истины. Закон предусматривает иное требование — идти по тому единственному пути, который должен привести к установлению истины по делу. Предусмотренное ст. 14 Основ всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела обеспечивает правильное отражение в выводах следствия и суда искомым фактов по делу, фактов объективной действительности, приводит к установлению истины по делу. Такое требование закона нельзя понимать иначе, как требование установления по каждому делу объективной истины, что и находит свое выражение в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства.

И этот принцип подвергается оспариванию в литературе. Некоторые авторы полагают, что установление по делу объективной истины не является принципом правосудия, а лишь целью его. Они настойчиво доказывают, что для включения данного принципа в систему принципов процесса нет никаких оснований¹.

Ошибочность такой точки зрения кажется нам несомненной. Разумеется, установить истину является целью в каждом уголовном и гражданском деле. Это находит свое конечное выражение в приговоре или решении суда. Но это отнюдь не исключает того, что такое достижение истины является и принципом правосудия. Это делается очевидным, если обратиться к решениям, выносимым следственными и судебными органами в процессе их деятельности. Решения эти должны соответствовать объективной действительности, отражать те или иные стороны ее. Так, предусмотренные соответствующими статьями УПК УССР и УПК других союзных республик постановления о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о назначении экспертизы, обвинительное заключение, постановление суда о направлении дела на исследование и др. должны основываться на определенных фактах, исходить из них; эти факты в том или ином виде должны находить свое отражение во всех указанных актах. Иначе говоря, во всех этих актах должна устанавливаться объективная истина в том ее конкретном содержании, в котором это требуется характером данных актов. Акты эти будут ничтожными, если объективная действительность не найдет в них правильного отражения. Следовательно, достижение объективной истины является одним из руководящих начал, определяющих на протяжении всего производства по уголовному делу многие, если не все, действия следственных и судебных органов, как и те нормы, которые предусматривают эти действия. Это говорит о том, что требование установления истины является не только целью, но и принципом процесса.

Возражая против объективной истины как принципа уголовного судопроизводства и рассматривая достижение ее в деле лишь как

¹ См., например, И. Тыричев, Содержание объективной истины в советском уголовном процессе. Изд. Львовского университета, 1960, стр. 5—7. М. Л. Шифман. Рецензия на работу М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», «Советское государство и право», 1956, № 4, стр. 13.

цель процесса, названные авторы (И. Тыричев, М. Шифман и др.) ссылаются на высказывания В. И. Ленина о том, что основные положения, т. е. принципы и цели — это разные вещи, что принципы не являются целью, а цель не является принципом.

Приведем полностью эти высказывания Ленина. В речи на III Конгрессе Коминтерна, возражая Террачини, В. И. Ленин говорил: «В своей жизни я встречался и разговаривал с немногими анархистами, но все же видел их достаточно. Мне подчас удавалось сговариваться с ними насчет целей, но никогда по части принципов. Принципы — это не цель, не программа, не тактика и не теория. Тактика и теория — это не принципы. Что отличает нас от анархистов в смысле принципов? Принципы коммунизма заключаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но это не его цель... Основные положения и цели — две разные вещи: ведь, в целях с нами будут согласны и анархисты, потому что и они стоят за уничтожение эксплуатации и классовых различий»¹.

Из приведенных цитат не трудно видеть, что вопрос о целях и принципах В. И. Ленин освещал в связи с программой и тактикой коммунистов, в связи с различиями в точках зрения по этим вопросам между коммунистами и анархистами. Указанные же авторы придают этим высказываниям универсальное значение и механически переносят их в область уголовного процесса.

С принципом объективной истины связана и презумпция невиновности. Как известно, под презумпцией невиновности в процессуальной литературе понимается положение, согласно которому обвиняемый считается невиновным пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке.

В такой формулировке презумпция невиновности не нашла своего выражения в Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, как и в УПК союзных республик.

Значит ли это, что основная сущность, основная идея, содержащаяся в презумпции невиновности в указанной ее формулировке, не получила своего выражения в новом уголовно-процессуальном законодательстве? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Основное содержание презумпции невиновности заключается в том, что виновность каждого гражданина, привлеченного к уголовной ответственности, должна быть доказана теми, кто это обвинение предъявил, и что нельзя возлагать на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность.

Это положение, имеющее, несомненно, принципиальный характер, всегда было свойственно советскому уголовному процессу, хотя и не находило своего прямого выражения в законе. В настоящее время оно получило свое прямое выражение в Основах уголовного судопроизводства, главным образом, в ст. 14 его, в тесной связи с принципом объективной истины.

Требую от суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, среди которых важнейшее место занимает предусмотренная ст. 15 Основ виновность обвиняемого в совершении преступления, ст. 14 Основ тем самым требует от них доказанности этой виновности.

Не ограничиваясь этим, законодатель в той же ст. 14 Основ предусмотрел, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дозна-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 445.

ние не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого, разумеется, главным образом, обязанность доказывания своей невиновности. Как иначе можно понять это требование закона, как не обязанность указанных органов доказать виновность привлеченного лица?

В этом и заключается основная сущность презумпции невиновности, проводящей резкую грань между обвиняемым, в отношении которого могут быть приняты любые меры принуждения (заключение под стражу, отстранение от должности, арест его имущества и др.), кроме наказания, и виновным, в отношении которого только и может быть применено наказание судом.

Ст. 14 Основ предусматривает, разумеется, не только презумпцию невиновности. Она гораздо шире по своему содержанию. Суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, обязаны, как указано в ст. 14 Основ, выявлять и обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, смягчающие его вину. Но виновность обвиняемого является важнейшим предметом доказывания в уголовном деле, и выявление обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, смягчающих его ответственность, не является совершенно самостоятельным предметом доказывания. Оно находится в теснейшей связи с доказыванием предъявленного обвинения, с доказыванием виновности привлеченного к уголовной ответственности. Именно поэтому обязанность доказывания виновности выступает как важнейший элемент в деятельности следственных и судебных органов, предусмотренный ст. 15 Основ.

Нельзя не отметить, что М. А. Чельцов, резко выступая против презумпции невиновности в советском уголовном процессе, указывает при этом, что ст. 14 Основ уголовного судопроизводства «выражает только отсутствие в нашем процессуальном праве презумпции виновности»¹.

Но если в нашем процессуальном праве отсутствует презумпция виновности, т. е. если привлеченный к уголовной ответственности не предполагается виновным, то ведь это значит, что он предполагается невиновным и виновность его должна быть доказана, иначе говоря, в нашем процессуальном праве имеется презумпция невиновности. Только так и можно истолковать указанное утверждение проф. Чельцова.

Можно, конечно, отказаться от приведенной выше декларативной формулы презумпции невиновности, встретившей возражение на сессии Верховного Совета СССР, на которой принимались Основы², и не нашедшей в них своего прямого выражения. Но нельзя отказаться от установленных в законе правил, определяющих процессуальное положение обвиняемого в советском уголовном процессе, и от связанных с ними обязанностей следственных и судебных органов, нашедших свое

¹ М. А. Чельцов. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. В сборнике «Вопросы» судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР», Госюриздат, 1959, стр. 69. (Курсив автора).

² Противники презумпции невиновности в подтверждение своей точки зрения обычно приводят речь депутата Б. С. Шаркова, выступившего против презумпции невиновности в заседании Верховного Совета СССР, на котором принимались Основы уголовного судопроизводства. Но по данному вопросу выступали и другие депутаты. Так, депутат А. Ф. Горкин в своем выступлении указал: «Важные положения включены в проект Основ уголовного судопроизводства. В первую очередь следует указать на вытекающий из смысла и духа нашего законодательства принцип, согласно которому доказывание обвинения лежит на обязанности обвинителя и обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (вторая сессия). Стенографический отчет. Изд. Верховного Совета СССР, 1959, стр. 609.

выражение в ст. 14, как и в ряде других статей Основ уголовного судопроизводства, выражающих сущность того понятия, которое принято определять как презумпцию невиновности.

Нельзя отрешаться и от другого. В 1948 году Генеральная ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, поддержанную СССР, в ст. 10 которой провозглашен принцип презумпции невиновности.

В 1954 году на Международной конференции юристов-демократов в Вене представитель СССР заявил, что презумпция невиновности является одним из принципов советского уголовного процесса.

В 1960 году, после принятия Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, на семинаре ООН, посвященном защите прав человека, вновь нашла свое подтверждение презумпция невиновности в уголовном процессе. В работах семинара принял участие и представитель СССР.

Было бы по меньшей мере политической непоследовательностью признавать презумпцию невиновности, когда речь о ней идет за рубежом, и не признавать ее в уголовном процессе СССР.

Спорным в литературе оказался и принцип состязательности в советском уголовном процессе. Мы говорим «оказался», так как до принятия Основ на протяжении всей истории советского уголовного процесса принцип этот ни в теории, ни в законодательстве, ни в судебной практике не вызывал сомнения¹. Чем же следует объяснить, что некоторые советские процессуалисты в последнее время пришли к выводу, что состязательность не свойственна советскому уголовному процессу?

В Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, как известно, не употребляется термин «стороны», как это было в ранее действовавших уголовно-процессуальных кодексах. В Основах введен термин «участники процесса», что придало им иное значение, нежели то, какое придавала им ранее теория советского уголовного процесса. Это, главным образом, и рассматривается некоторыми советскими процессуалистами как отказ законодателя от состязательности, как совершенно новая структура советского уголовного процесса².

Указанные авторы обосновывают свои точки зрения по этому вопросу еще и тем, что состязательность свойственна буржуазному процессу, который изображается буржуазными теоретиками как правовой спор между государством и обвиняемым, разрешаемый объективным, беспристрастным судьей, и что перенесение состязательности в советский процесс является не чем иным, как попыткой перенесения в него буржуазных конструкций. Этот момент особенно подчеркивает М. А. Чельцов в названных статьях.

¹ Следует отметить, что лишь М. А. Чельцов в 1947 году, не считая состязательность принципом процесса, рассматривал ее как форму одной из стадий уголовного процесса (М. Чельцов. Система основных принципов советского уголовного процесса. «Ученые записки ВЮИОН», вып. VII, 1947, стр. 144). В своем учебнике уголовного процесса 1951 г. автор рассматривает состязательность как один из основных принципов советского процесса (стр. 84). В настоящее время М. А. Чельцов полностью отрицает наличие состязательности в советском уголовном процессе, о чем см. ниже. Непостоянство взглядов М. А. Чельцова по данному вопросу не может не обратить на себя внимания.

² См. С. А. Голунский. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Сборник «О новом общесоюзном законодательстве по уголовному праву, процессу и судостроительству». Госюриздат, 1959, стр. 58—59, 61. М. А. Чельцов. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую процессуальную науку. «Ученые записки ВЮЗИ», вып. IV, 1958 г., стр. 66—67. Его же. «Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период разветвленного строительства коммунизма» в указанном выше сборнике, стр. 63—64.

Но кто же из советских процессуалистов предлагал или предлагает перенести в советский процесс принцип состязательности в его трактовке буржуазными юристами? ¹ И разве в таком виде он действовал более 40 лет в советском процессе, как действует и в настоящее время?

Здесь нельзя не указать, что отрицание тех или иных советских правовых институтов, их критика под тем углом зрения, что аналогичные институты в своем внешнем или терминологическом выражении действуют в буржуазном праве и в буржуазных правовых теориях, являются мало убедительными. Если стать на точку зрения такого отрицания, такой критики, то от многих институтов советского процесса, как и других институтов советского права, пришлось бы отказаться, признать их буржуазными.

Нельзя забывать и другое. Советская правовая теория, как и практика, не отказывается от прогрессивных правовых институтов, созданных в буржуазном обществе, соответственно их перерабатывая. Достаточно вспомнить известное указание В. И. Ленина в связи с кодификацией гражданского законодательства: «Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно» ².

По поводу же состязательности В. И. Ленин писал: «Гласное и состязательное разбирательство на судах вопроса о высоте аренды приносило бы громадную пользу даже независимо от решения судов» ³.

Совершенно очевидно, что Ленин рассматривал состязательность в буржуазном процессе как прогрессивное начало. Отрицать поэтому состязательность в советском процессе только потому, что она имеет место в буржуазном процессе, малоубедительный, плохой метод отстаивания своей точки зрения ⁴. Все дело здесь заключается в том, что состязательность в советском процессе принципиально отличается от состязательности в буржуазном процессе.

В основе состязательности в советском уголовном процессе лежит требование, согласно которому тот, кто предъявляет обвинение, не может быть судьей по этому же обвинению. Тот, кто обвиняет, не может судить. Иначе говоря, состязательность разграничивает, разделяет функции обвинения и функции решения дела. Это совершенно не исключает того, что суд в советском процессе по своей инициативе собирает необходимые доказательства для разрешения дела, что он не ограничивается доказательствами, представленными «сторонами». В этом находит свое выражение принцип публичности в советском процессе, сочетаемый с принципом состязательности. Но только указанное разделение функций в советском уголовном процессе обеспечивает достижение истины в каждом уголовном деле, полное, всестороннее и объективное исследование и разрешение уголовного дела.

Некоторые советские процессуалисты наряду с указанным основным признаком состязательности выдвигают и другие ее признаки. Так, Н. Н. Полянский в качестве таких признаков указывает: состязание сторон, право обвиняемого иметь защитника, процессуальное рав-

¹ Нельзя не отметить, что С. А. Голунский, возражая против принципа состязательности в советском процессе, вместе с тем указывает, что «никто из советских процессуалистов не призывает к полному воплощению в советском уголовном процессе принципа состязательности в том самом виде, в каком он сформирован буржуазными юристами». С. А. Голунский. Новые Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. «Советское государство и право», 1959, № 2, стр. 52.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 176.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 124.

⁴ Следует отметить, что Основы гражданского судопроизводства СССР и союзных республик сохраняют понятие сторон, предусматривая их деятельность на принципе состязательности.

поправке сторон, исполнение состязания сторон активной деятельностью суда. Из этих элементов и составляется, по его мнению, принцип состязательности в советском процессе¹. М. С. Строгович соединяет принцип состязательности с принципом обеспечения обвиняемому права на защиту, вводя в самое определение состязательности этот последний момент².

Между тем, все указанные признаки вытекают из основного содержания состязательности — разделения функции обвинения и функции решения дела, — без которого они не могли бы найти своего реального выражения. Так, состязание сторон, которое по мнению ряда авторов является основным признаком состязательности, может иметь место только при указанном разделении функций обвинения и решения дела. При этом нельзя не отметить, что в отдельных случаях состязания вообще может и не быть. Так, обвиняемый может полностью признать себя виновным, согласиться с выдвинутым против него обвинением, ни в чем его не оспаривать. Однако состязательность все же будет налицо, ибо обвинение будет исходить не от суда, а от специально уполномоченного на то органа. Право обвиняемого на защиту получает свое реальное обеспечение лишь при указанном разделении функций, т. е. при условии, что обвинение будет исходить не от тех, кто судит, ибо трудно, если вообще не безнадежно, защищаться перед теми, кто предъявил окончательно сформулированное обвинение, в правильности которого он, убежден.

Не следует бояться признать, что указанный основной признак состязательности советский законодатель позаимствовал из буржуазного процесса, видя в нем прогрессивное начало. Марксизм-ленинизм никогда не отказывался от всего прогрессивного, что завоевано человеческим обществом. Но в буржуазном уголовном процессе разделение функций обвинения и решения дела является выражением формальной, лживой буржуазной демократии, призванной прикрывать то положение, что и суд и прокурор, представляя интересы эксплуататорских классов, осуществляют задачи подавления трудящихся. Перед ними вовсе не стоит задача установления объективной истины, особенно в делах, в которых осуществляется расправа с подлинно демократическими элементами. В советском процессе состязательность в указанном ее понимании призвана обеспечить установление по каждому делу объективной истины, обеспечить охрану прав и законных интересов личности, выражая собой подлинный демократизм советского уголовного процесса.

Находит ли свое выражение принцип состязательности в указанном его понимании в новом процессуальном законодательстве или не находит и, как утверждает С. А. Голунский, суду в выполнении поставленных перед ним задач «помогают обвинитель, защитник и другие участники судебного разбирательства, перечисленные в ст. 38 Основ»³, т. е. и подсудимый, и потерпевший, и гражданский истец и гражданский ответчик, образуя некое весьма своеобразное процессуальное единство.

¹ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд. Московского университета, 1956, стр. 103. См. также И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, стр. 31.

² М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Изд. Академии наук СССР, 1958, стр. 84.

³ С. А. Голунский. Новые Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. «Советское государство и право», 1959, № 2, стр. 52.

Ответ на поставленный вопрос не вызывает затруднений. Разделение функций обвинения и решения дела и вытекающие из такого разделения другие процессуальные положения находят свое прямое выражение в новом уголовно-процессуальном законодательстве в гораздо большей мере, нежели в ранее действовавшем.

Ст. 7 Основ уголовного судопроизводства устанавливает, что правосудие по уголовным делам осуществляется лишь судом, что только суд может признать гражданина виновным в совершении преступления и подвергнуть его наказанию.

Ст. 20 Основ уголовного судопроизводства определяет общие функции прокуратуры в уголовном судостроительстве, как функции надзора за точным исполнением законов, а ст. 40 Основ, предусматривая участие прокурора в судебном разбирательстве, определяет его функции в виде поддержания перед судом государственного обвинения.

В этих статьях четко и ясно проведено разделение функции обвинения, осуществляемого прокуратурой, и функции решения дела, осуществляемого судом.

Такое разделение, разумеется, не меняет и не умаляет роль прокурора как представителя органа надзора за законностью во всех стадиях уголовного процесса, в том числе и за законностью деятельности судебных органов. Но при этом ни при каких условиях прокуратуре не присваивается право решения дела и назначения виновному наказания.

Основы уголовного судопроизводства в ст. 38 предусматривают равенство прав участников судебного разбирательства, равенство именно в той стадии процесса, где дело получает свое разрешение. Среди этих участников назван и обвинитель, каким является и прокурор. Почему же прокурор в этой стадии процесса приравнивается законом в своих процессуальных правах к другим участникам? Потому, что не он и не другие участники процесса решают дело, а решает суд, потому что прокурор — обвинитель и другие участники процесса могут стоять, и весьма часто стоят, на различных точках зрения по поводу того, как следует разрешить данное дело, точках зрения не обязательных для суда. Для обоснования своих точек зрения они и должны пользоваться равными процессуальными правами, равным процессуальным оружием. Были бы совершенно излишними и просто непонятными специальные главы уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, предусматривающих судебные прения, если бы исключалась возможность такого различия в точках зрения участников судебного разбирательства. Эта возможность спора, состязания между участниками процесса и определила в советском процессе название данного принципа как принципа состязательности. В указанной ст. 38 Основ этот принцип получает свое наиболее яркое выражение, хотя выражение это скорее внешнее, ибо в основе данного принципа лежит разделение функций обвинения и решения дела.

Можно назвать и ряд других статей Основ уголовного судопроизводства, как и статей уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, в которых принцип состязательности в указанном его понимании находит свое выражение. Но и изложенного, кажется нам, достаточно для того, чтобы прийти к выводу, что новое уголовно-процессуальное законодательство в полной мере сохраняет один из важнейших демократических принципов советского уголовного процесса — принцип состязательности.

Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и изданные в соответствии с ними уголовно-процессуальные кодексы

союзных республик заключают много заслуживающих изучения новых моментов, направленных на дальнейшее совершенствование советского уголовного процесса. Но не в ликвидации, не в упразднении таких принципов советского процесса, как публичность, установление объективной истины, презумпция невиновности и состязательность, следует усматривать то новое, что содержится в них.

3.

В советской процессуальной литературе известен ряд попыток построения системы принципов советского уголовного процесса. К сожалению, попытки эти нельзя признать удачными.

Всякая систематизация представляет собой объединение тех или иных явлений и предметов путем установления наиболее существенных связей между ними. Такая систематизация должна привести к определенному единству объективно связанных между собой явлений, как и заключать известное их упорядочение (классификацию).

Все это относится и к построению системы принципов советского правосудия, в частности, системы принципов правосудия по уголовным делам. Построение такой системы принципов важно не само по себе. Отражая объективные и притом наиболее существенные связи между принципами, система их должна служить научным и практическим интересам, а не представлять собой лишь результат определенной логической операции, как бы формально правильно эта операция не выглядела. При этом при построении принципов советского правосудия связь между ними следует искать не в каких-либо признаках или общих задачах, лежащих вне той области, которой эти принципы служат, а в них самих, в их отношении к правосудию.

К сожалению, попытки построения системы принципов советского уголовного процесса не отвечают указанным требованиям. Так, М. А. Чельцов, строя систему принципов советского уголовного процесса, исходил из «верховного и руководящего принципа всей правовой системы», который находит свое выражение в двух руководящих идеях, представляющих собой «интересы социалистической революции» и «социалистическое правосознание». Вытекающими из них «верховными принципами процесса, определяющими построение его системы, являются, — писал автор, — принцип процессуальной целесообразности и принцип процессуального демократизма». На основе этих верховных принципов М. А. Чельцов строил систему частных принципов советского уголовного процесса¹.

Связь между принципами процесса, послужившую основанием для построения системы их, М. А. Чельцов видел в подчинении их более общим принципам, лежащим вне тех явлений, которые принципы эти должны и выражать и определять.

На основе иных связей строил систему принципов советского уголовного процесса Н. Н. Полянский. Среди этих принципов он различал: 1) общеправовые, «то есть такие, которые характеризуют не только процессуальное право, но вообще все советское право», 2) соб-

¹ М. Чельцов. Система основных принципов советского уголовного процесса. «Ученые записки ВИЮН», 1947, вып. VI. Это построение системы принципов подверглось критике в статье М. Я. Савицкого. «К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса». «Советское государство и право», 1950, № 1.

ственно процессуальные, в частности уголовно-процессуальные, 3) среди них: «принципы,... указанные в Конституции, и... все остальные»¹.

Тем самым связи для построения этой системы принципов оказались самые различные — общеправовые, процессуальные, формальные.

М. Я. Савицкий в названной статье строил систему принципов, исходя из весьма общих и подчас весьма неопределенных требований. Таковы: соответствие всей системы принципов существу процесса, познавательное их значение, внутреннее единство и проч.

Систему принципов правосудия, как и самые принципы, не следует придумывать, создавать искусственно. Ф. Энгельс писал: «Принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат... Не природа, не человечество сообразуется с принципами, а наоборот принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»².

Это говорит о том, что при построении системы принципов советского правосудия связь между ними следует искать, как отмечено выше, в них самих, в их отношении к правосудию и к его основным элементам, к тем задачам, которым правосудие призвано служить. Только при этом условии можно прийти к построению правильной системы принципов правосудия, как к некоему единству тесно связанных между собой основных начал организации и деятельности советских судебных органов. При этом построении системы принципов советского правосудия должно не начинаться учение о них, как это полагает Н. Н. Полянский, а заканчиваться³.

Правосудие, как особый вид государственной деятельности, представляет собой сложное явление. Но для целей построения системы принципов его достаточно указать на основные элементы, сущность которых не нуждается в данном случае в каком-либо подробном исследовании.

Элементами советского правосудия являются: 1) суд, как единственный орган, осуществляющий правосудие; 2) содержание правосудия, т. е. непосредственная деятельность суда для выполнения возложенных на правосудие задач; 3) особая процессуальная форма, в которой эта деятельность осуществляется.

Каждый из указанных элементов имеет свои особенности, но все они тесно связаны между собой и лишь в своей совокупности образуют правосудие, как особый вид государственной деятельности.

Задача систематизации принципов правосудия в соответствии с изложенным должна выразиться раньше всего в том, чтобы определить, в связи с каким элементом правосудия находится каждый из указанных принципов, какой из этих элементов в его наиболее общих и важных сторонах он регулирует.

С этой точки зрения все принципы правосудия делятся на три группы в соответствии с указанными тремя элементами его.

1. Принципами, связанными с первым из указанных элементов правосудия — судом, — являются: образование всех судов на началах выборности, коллегиальный состав их и участие народных заседателей в суде первой инстанции, независимость судей и подчинение их только закону. Принципы эти связаны не только с указанным элементом правосудия, но, определяя его важнейшие черты, они связаны и между собой. Только выборные судьи могут быть действительно независимыми.

¹ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса, 1956, стр. 84—86.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 34.

³ Н. Н. Полянский. Назв. соч., стр. 84.

Независимость обеспечивается и коллегиальностью состава суда, как и участием в нем народных заседателей.

2. Принципами, связанными со вторым элементом правосудия — содержанием его, — являются: принцип объективной истины и связанная с ним презумпция невиновности. Достижение объективной истины является непосредственной задачей правосудия в каждом деле, оно составляет основное содержание всей деятельности судебных органов и связано, как указано выше, с презумпцией невиновности.

3. Принципами, связанными с третьим элементом правосудия — его процессуальной формой, — являются: публичность советского процесса, национальный язык судопроизводства, осуществление правосудия на началах равенства граждан перед судом и законом, открытое рассмотрение дел во всех судах, равенство прав участников судебного разбирательства (состязательность), обеспечение обвиняемому права на защиту, непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства.

Все принципы этой группы определяют важнейшие стороны той процессуальной формы, в которой осуществляется правосудие. Дополняя друг друга, они никогда не выступают изолированно, а действуют всегда во взаимной связи. Связи эти многосторонние и многообразные, исследование их заняло бы много места, для целей же настоящей работы в таком исследовании и нет, на наш взгляд, необходимости.

Таким образом, принципы правосудия в силу самой сущности каждого из них связаны с отдельными элементами правосудия, определяя соответственно наиболее важные их стороны. В то же время в пределах каждой группы принципы эти тесно связаны между собой.

Но дело не только в этом. Принципы каждой группы, связанные между собой, тесно связаны с принципами всех других групп. Так, принципы первой группы связаны с принципами второй группы. Связь эта выражается в том, что выборность судей, участие в рассмотрении дел народных заседателей, независимость тех и других, коллегиальность являются одной из гарантий установления в деле объективной истины и связанной с ней презумпции невиновности. Принципы третьей группы — публичность процесса, национальный язык судопроизводства, гласность процесса, состязательность и др. — представляют собой ту процессуальную форму деятельности суда, с помощью которой устанавливается истина в каждом деле и в этом находит свое выражение связь между принципами второй и третьей группы. При этом следует отметить, что между принципами отдельных групп нет непроходимой грани. Так, участие в рассмотрении дел народных заседателей, коллегиальность, независимость судей, подчинение их только закону при отправлении правосудия являются и принципами, определяющими форму деятельности судебных органов.

Наконец, все принципы, независимо от того, к какой группе они относятся, с каким элементом правосудия они связаны, объединены общими задачами правосудия, осуществлению которых все они призваны служить.

Так устанавливается всеобщая связь принципов советского правосудия, определяющая систему их. В этой системе находят свое выражение те объективные и наиболее существенные, обусловленные самим правосудием связи, которые объединяют принципы советского правосудия в единое целое.

Кандидат юридических наук С. А. АЛЬПЕРТ

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В СОВЕТСКОМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

1.

Принятие новых уголовно-процессуальных кодексов союзных республик настоятельно требует теоретического освещения вопросов, которые имеют существенное значение для правильной деятельности органов расследования, прокурора и суда. К ним, в частности, относится вопрос о принципах советского уголовного процесса, о сфере их действия в различных стадиях, в том числе в стадии предварительного следствия.

В этой стадии находят свое выражение присущие всему советскому процессу принципы законности, публичности, права обвиняемого на защиту, национального языка в судопроизводстве, принципы непосредственности и устности, а также объективной истины.

Для советских юристов бесспорно положение, что истина, отыскиваемая в уголовном процессе, по своей природе объективна, что она отражает реальные факты объективной действительности.

Объективная истина в советском уголовном процессе чаще всего трактуется в юридической литературе как соответствие того вывода, к которому пришел суд, тому, что было в действительности¹.

Однако это определение является недостаточно полным, поскольку оно не раскрывает всего содержания истины, на отыскание которой направлены усилия органов расследования, прокурора и суда. Установить по делу объективную истину — это значит не только установить обстоятельства дела так, как они имели место в действительности, но и дать этим обстоятельствам правильную общественно-политическую и правовую оценку. На такое понимание сущности истины, отыскиваемой в советском уголовном процессе, впервые в нашей литературе указал А. Л. Ривлин. «Когда речь идет о познании истины в суде, — пишет он, — то явления объективной действительности, составляющие содержание этой истины, устанавливаются... в их правовой и связанной с нею общественно-политической сущности, и разделить это познание на познание собственно явлений и на познание сущности их, как и выделить из понятия истины, устанавливаемой в суде, правовую и общест-

¹ См. работы М. С. Строговича. «Уголовный процесс», 1946, стр. 73; «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», 1955, стр. 19, 51; «Курс советского уголовного процесса», 1958, стр. 118. См. также И. Тирічев, «Зміст об'єктивної істини в радянському кримінальному процесі», Львів, 1960, стр. 11.

венно-политическую сущность фактов, составляющих ее содержание, совершенно невозможно»¹.

Указанный взгляд на сущность объективной истины в советском уголовном процессе разделяется рядом авторов².

Принцип объективной истины в своем конкретном выражении означает, что вопрос о доказанности обвинения, предъявленного данному лицу, должен быть каждый раз разрешен с достоверностью. Применительно к судебной деятельности это значит, что суд обязан «принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства» (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства, ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР). Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого доказана (ст. 43 Основ, ст. 327 УПК УССР, ст. 309 УПК РСФСР).

Могут ли органы предварительного следствия отыскать объективную истину, или же она устанавливается только судом в приговоре? Вопрос этот, имеющий важное теоретическое и практическое значение, по-разному решается в юридической литературе. Одни авторы, исходя из того, что вопрос о признании обвиняемого виновным разрешается судом, делают отсюда вывод, что только суд может установить истину по делу; что же касается органов предварительного следствия, то их выводы о виновности обвиняемого не являются достоверными и лишь выражают высокую степень вероятности. «...Между истиной, отыскиваемой при предварительном исследовании дела, — пишет А. Л. Ривлин, — и истиной, устанавливаемой на суде, есть определенные различия, выражающиеся в степени доказанности этой истины. Предварительное расследование призвано установить вероятность виновности обвиняемого, такую вероятность, которая позволяет передать дело на рассмотрение его в суд по существу. Судебное разбирательство устанавливает не вероятность виновности, а достоверность ее, которая (достоверность) только и может стать основанием судебного приговора»³.

Аналогичной является точка зрения М. А. Чельцова-Бебутова: «Следователь не решает вопроса о виновности, а только о достаточности данных для направления дела в суд. Поэтому он может принять это решение и при не вполне установленной виновности привлеченного, при наличии сомнения в ней... Но совершенно иначе стоит вопрос об осуждении подсудимого. Здесь недостаточно, чтобы суд считал его вину вероятной, подозревал ее, догадывался о ней. Необходимо, чтобы суд был убежден в виновности подсудимого»⁴.

С таким решением рассматриваемого вопроса никак нельзя согласиться. Прежде всего вызывает возражение положение А. Л. Ривлина о различии между истиной, отыскиваемой на предварительном следст-

¹ А. Ривлин. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе, «Социалистическая законность», 1950, № 11. А. Л. Ривлин, Пересмотр приговоров в СССР, М., 1958, стр. 26.

² См. А. А. Пионтковский. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики. Сборник «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 6, М., 1955, стр. 10—11. Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 117. А. Трусов. Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 29.

³ А. Л. Ривлин. Предмет допроса в советском уголовном процессе, «Ученые записки» Харьковского юридического института, 1940, вып. II, стр. 108.

⁴ М. А. Чельцов-Бебутов. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе, М., 1947, стр. 40.

вии, и истиной, устанавливаемой судом. Коль скоро истина, устанавливаемая в советском уголовном процессе, по своей природе объективна, то тем самым исключается возможность существования двух истин. Правильно замечает по этому поводу И. Д. Перлов: «Не может существовать одна истина для следователя и прокурора и другая — для суда. Истина может быть только одна»¹.

Возражения вызывает также взгляд, что различие между истиной на предварительном расследовании и истиной в суде заключается лишь «в степени доказанности этой истины», что на предварительном следствии речь может идти о «вероятной» виновности обвиняемого, в то время как в приговоре суда виновность эта должна быть установлена с «достоверностью».

Вероятность вывода о виновности обвиняемого не исключает возможности иного решения данного вопроса, поэтому нельзя согласиться с тем, что вероятность — это тоже истина, вполне допустимая, но лишь для стадии предварительного расследования.

Ошибочным является утверждение М. А. Чельцова-Бебутова о том, что следователь может принять решение о направлении дела в суд и при наличии сомнения в виновности обвиняемого. В указанных случаях в точном соответствии с законом (пункт 2 ст. 213 УПК УССР, пункт 2 ст. 208 УПК РСФСР) следователь должен дело производством прекратить. Всякое иное решение данного вопроса привело бы к неосновательному привлечению к ответственности граждан, что явилось бы недопустимым нарушением социалистической законности.

Как справедливо отмечает В. З. Лукашевич, «советский суд и органы расследования должны прекратить уголовное преследование каждого обвиняемого, если, несмотря на все их усилия, у них не устранены сомнения в виновности последнего, так как противоположное решение означало бы, что в советском уголовном процессе возможно осуждение граждан на основе сомнительных доказательств в их виновности»².

Из сказанного вовсе не следует, что отрицается в какой-то мере значение вероятных выводов следователя; напротив, такие вероятные выводы имеют весьма существенное практическое значение, поскольку с ними связано построение следственных версий³.

Отыскание истины — это сложный процесс. Он связан с построением различных версий и тщательной их проверкой. Следователь должен проверить все вытекающие из обстоятельств дела версии и решить, какая из них подтверждена всеми доказательствами, собранными по делу. Версия эта, проверенная и обоснованная, формулируется следователем при окончании следствия как вывод не вероятный, а единственно возможный, единственно обоснованный, иными словами — как вывод, по убеждению следователя, достоверный.

Указанное положение подчеркивается практикой Верховного суда СССР. Так, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 31 января 1951 года по делу Белова опубликовано под следующим тезисом: «Если в процессе расследования возникает две взаимно исключающие версии, органы расследования обязаны

¹ И. Д. Перлов. Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 27.

² В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во Ленинградского университета, 1959, стр. 71.

³ О значении следственных версий в отыскании истины, см. статью А. М. Ларина «Переход от вероятности к достоверности при проверке версий на предварительном следствии», «Советская криминалистика на службе следствия», вып. XII, М., 1959, стр. 25—42.

на основе тщательного исследования обстоятельств дела прийти к обоснованному выводу о правильности одной из этих версий»¹.

Особенности процесса доказывания в стадии предварительного следствия правильно отмечает А. А. Пионтковский: «Процесс расследования преступлений в целом есть процесс перехода от «вероятности» к «достоверности» в вопросе о виновности лица в совершении инкриминируемого ему преступления. Для предъявления обвинения необходимо установить в достаточной мере обоснованную вероятность совершения обвиняемым преступления. Установление достоверности совершения обвиняемым преступления означает, что основные задачи следствия по делу уже разрешены, что имеется основание для предания обвиняемого суду»².

Стало быть, при окончании предварительного следствия, когда следователь приступает к составлению обвинительного заключения, он должен быть убежден, что его вывод о виновности является достоверным, истинным.

Советский следователь, вооруженный марксистско-ленинской теорией, используя достижения советской криминалистики и строго соблюдая требования закона, имеет все возможности для достижения объективной истины. Об этом свидетельствует повседневная практика советского суда, который в подавляющем большинстве случаев признает правильными те выводы, к которым пришли следственные органы.

Таким образом, на предварительном следствии и судебном разбирательстве речь идет не о различных истинах и не о различных степенях познания ее, а об объективной истине в едином ее понимании и содержании. Различие здесь не в характере истины, как правильно указывает А. А. Пионтковский, а в том процессуальном значении, которое имеет установление ее для органов предварительного следствия, с одной стороны, и для суда — с другой: для первых это основание для направления дела в суд, а для второго — основание для вынесения приговора. Разумеется, окончательный вывод о виновности обвиняемого делает суд, который своим приговором провозгласит истину, но от этого характер вывода, сделанного следователем о виновности обвиняемого, ничуть не изменится, если суд с ним согласится.

Важным средством отыскания объективной истины в ходе предварительного следствия является широкое привлечение общественности при расследовании преступлений. Как справедливо указывает А. Н. Васильев, участие общественности в расследовании преступлений является органической, составной частью всей следственной работы, одним из решающих средств улучшения раскрываемости преступлений, прогрессивным методом расследования³. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик (ст. 23 УПК УССР, ст. 128 УПК РСФСР) особо подчеркивают обязанность следователя широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

2.

Достижение объективной истины на предварительном следствии и в суде обеспечивается прежде всего путем неуклонного выполнения

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1951, № 5, стр. 12.

² А. А. Пионтковский. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. VI, М., 1955, стр. 17.

³ А. Н. Васильев. Участие общественности в расследовании преступлений «Вестник МГУ», серия X, Право, 1961, № 1, стр. 17.

требований закона (ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР) о всестороннем, полном и объективном исследовании каждого уголовного дела.

Всесторонность и полнота расследования означают, что следователь обязан собрать и исследовать все необходимые по делу доказательства, тщательно проверить все версии о событии преступления и лице, его совершившем. Поэтому следователь не вправе отказать подозреваемому, обвиняемому и его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям в производстве тех или иных следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых заявлено ходатайство, имеют значение для дела (ст. 129 УПК УССР, ст. 131 УПК РСФСР).

Вопрос о всесторонности и полноте расследования неразрывно связан с вопросом о предмете доказывания в советском уголовном процессе. Исходными при определении предмета доказывания как на предварительном следствии, так и в суде являются указания закона. Так, существенное значение для определения предмета доказывания имеют положения Общей части Уголовного кодекса (ст. 8, 9, 12, 15, 16, 40, 41 и др. УК УССР; ст. 8, 9, 11, 13, 14, 38, 39 и др. УК РСФСР), а также признаки отдельных составов преступлений, описанные в диспозициях Особенной части УК. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, указаны также в уголовно-процессуальном законе (ст. 23, 64, 324 и др. УПК УССР; ст. 21, 68, 303 и др. УПК РСФСР). Что же касается круга конкретных обстоятельств, составляющих предмет доказывания в отдельных уголовных делах, то его определяет прежде всего следователь, учитывая обстоятельства данного дела.

Как показывает следственная и судебная практика, в результате сужения предмета доказывания ряд существенных обстоятельств дела остается невыясненным, не подвергаются проверке все объективно возможные версии, что неизбежно приводит к неполноте и односторонности предварительного следствия.

Овнанян был признан виновным в том, что из низменных побуждений убил Заргаряна.

Рассмотрев протест Генерального прокурора СССР, Пленум Верховного суда СССР установил, что органы предварительного расследования, предъявляя Овнаняну обвинение в убийстве Заргаряна, а суд, признавая его в этом виновным, исходили из предположений, не подкрепленных объективными данными и основанных на односторонней оценке взаимоотношений между обвиняемым и потерпевшим.

Материалами предварительного и судебного следствия было установлено, что Овнанян, работавший заведующим бензоколонкой, и Заргарян — весовщиком при бензоколонке, систематически расхищали бензин в крупных размерах. Связанные между собой преступным сговором и общностью преступных интересов, Овнанян и Заргарян находились в приятельских взаимоотношениях. Впоследствии, однако, эти отношения испортились.

Верховный суд Армянской ССР пришел к выводу, что обвиняемый убил Заргаряна главным образом потому, что опасался быть изблеченным Заргаряном в хищении бензина.

Пленум Верховного суда СССР признал этот вывод малоубедительным: «Угроза Заргаряна разоблачить не могла представляться Овнаняну реальной, так как, разоблачая его в хищении бензина, Заргарян неизбежно разоблачил бы и себя, поскольку хищения бензина совершались ими обоими, по обоюдной договоренности».

В то же время Пленум установил существенную неполноту предварительного следствия. Из материалов дела видно, что в ночь, когда

было совершено убийство, Заргарян в помещении бензоколонки устроил ужин, на котором в числе других присутствовала Роза С., с которой Заргарян находился в интимных взаимоотношениях. Об этом догадывался муж Розы С. гр-нин Е. Помимо этого, из дела видно, что Роза С., кроме Заргаряна, сожительствовала еще и с Липаритом С., который угрожал расправиться с тем, кто «с ней будет гулять».

Таким образом, как указал Пленум, «...органы предварительного расследования, помимо версии о причастности к убийству Овняняна, располагали другими возможными версиями. Вместо тщательного исследования всех возможных версий убийства Заргаряна органы предварительного следствия занялись разработкой и исследованием лишь одной возможной версии, а именно о причастности Овняняна к убийству, оставив без внимания все другие...» Ввиду этого Пленум Верховного суда СССР своим постановлением от 25 июня 1958 года приговор отменил и дело передал на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования¹.

Неполное и одностороннее расследование дела препятствует отысканию истины. Указание В. И. Ленина о том, что истина складывается из совокупности всех сторон явления, действительности и их взаимоотношений², в полной мере относится и к отысканию истины в советском уголовном процессе. Там, где органы следствия и суд не вскрывают подлинную суть события, являющегося предметом их расследования и рассмотрения, нельзя говорить о достижении истины по делу.

Иллюстрацией этого может служить дело Казакова, который приговором народного суда был осужден за то, что ударом ножа в сердце убил гр-на Соломина.

Рассмотрев дело в порядке надзора, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 111 сентября 1954 года отметила, что предварительное и судебное следствие по делу проведены неудовлетворительно. «Зафиксировав лишь отдельные внешние факты, определившие вывод об убийстве, органы следствия и суд не вскрыли подлинных мотивов убийства, не выяснили взаимоотношений Казакова и Соломина и причин, повлекших убийство. Выяснение этих обстоятельств имеет существенное значение как для решения вопроса о степени вины Казакова, так и для квалификации преступления».

Верховный суд СССР установил, что в деле имеются данные об оскорбительных и глубоко аморальных выпадах Соломина против Казакова и его жены Ахрименко. Органы предварительного следствия, так же как и суд, не проверили показаний Ахрименко, что Соломин часто смеялся над Казаковым, будто бы он, Соломин, находился в близких отношениях с нею, Ахрименко. «Органы следствия, — сказано далее в определении, — не выяснив этих обстоятельств, пошли по пути необоснованного изобличения жены Казакова — Ахрименко в соучастии в убийстве, что в значительной степени извратило перспективу по делу и помешало его всестороннему исследованию».

Таким образом, органы предварительного следствия и суд не подвергли всестороннему выяснению вопросы, имеющие существенное значение для данного дела; обстоятельства дела были исследованы поверхностно, без раскрытия их внутренней связи с предъявленным обви-

¹ «Бюллетень Верховного суда СССР», 1959, № 1, стр. 12—16. См. также дело Милахиных («Судебная практика Верховного суда СССР», 1948, вып. II, стр. 28); дело Киселева и Худякова («Судебная практика Верховного суда СССР», 1956, № 1, стр. 19); дело Савина («Радянське право», 1960, № 4, стр. 122—123).

² В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 169.

нением, что и помешало отысканию истины. Поэтому приговор был отменен и дело направлено на дополнительное расследование¹.

В тесной связи с требованием всесторонности, полноты и объективности расследования находится вопрос об объединении дел в одно производство. Статья 26 УПК УССР (ст. 26 УПК РСФСР) устанавливает, что в одном производстве могут быть соединены дела по обвинению нескольких лиц в соучастии в совершении одного или нескольких преступлений или по обвинению одного лица в совершении нескольких преступлений, а равно дела о заранее необещанном укрывательстве преступника и укрывательстве преступления и недонесении о преступлении. Этими указаниями закона руководствуются органы следствия и тогда, когда решают вопрос о возможности выделения материалов дела в отдельное производство.

По смыслу пункта 5 ст. 246 УПК УССР (пункт 5 ст. 232 УПК РСФСР), а также в соответствии с указаниями Верховного суда СССР², соединение дел в одно производство либо их разъединение может быть произведено лишь в стадии предварительного расследования. Поэтому следователь должен с особой тщательностью решать вопрос о выделении материалов дела в самостоятельное производство, ибо ошибочное решение этого вопроса неизбежно влечет за собой возвращение дела на доследование, прежде всего и главным образом ввиду неполноты следствия.

Приговором Краснодарского краевого суда Самсык, Серой и Баранов были признаны виновными в том, что, работая в артели «Кизи-пром» в качестве заведующих лесоучастками, они, войдя в связь с главным бухгалтером артели Поджилианом и при попустительстве председателя артели Назарова, дело в отношении которого было выделено в особое производство, расхитили свыше 55 тысяч рублей, принадлежащих артели.

Рассмотрев дело в порядке надзора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отметила, что Поджилиан, как было установлено на предварительном следствии, по сговору с Назаровым, обязывал Серого, Самсыка и Баранова подписывать кассовые ордера на получение из кассы наличных денег, а на самом деле указанным лицам деньги из кассы не выдавались. «При этих условиях, — говорится в определении коллегии от 4 ноября 1949 года, — надлежит признать, что следователь необоснованно выделил материалы в отношении Назарова и Поджилиана, так как это помешало раскрытию истины и исказило перспективу дела»³.

По делу Попова и других Верховный суд СССР отменил приговор и возвратил дело на доследование, в частности, по тем мотивам, что «следственными органами и судом искусственно выделены в отдельное производство материалы на других обвиняемых по делу, хотя многие из них связаны единством намерения и выделение на них дела не освещает и не раскрывает всех преступных действий в том виде, как они должны проходить по настоящему делу»⁴.

В юридической литературе, так же как и в деятельности органов следствия, иногда возникает вопрос: можно ли в целях сокращения

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955, № 2, стр. 5. Разрядка моя. — С. А.

² См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Киселя, делу Дементьева и др. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1951, № 6, стр. 22—23.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1950, № 1, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 28.

сроков расследования расчленять сложные дела с большим количеством эпизодов и обвиняемых на ряд менее сложных по «эпизодам и лицам»? Г. М. Миньковский полагает, что подобная практика недопустима, так как неизбежно приводит к нарушению требований закона о полноте и всесторонности расследования¹.

С таким категорическим решением данного вопроса вряд ли можно согласиться. Разумеется, нельзя сокращать сроки следствия в ущерб его качеству, но было бы неправильно забывать о быстроте расследования, как важнейшем факторе, обеспечивающем качественное расследование и успешную борьбу с преступностью. Это положение непосредственно подчеркнуто в ст. 2 УПК УССР (ст. 2 УПК РСФСР), требующей быстроты и полноты расследования, как важнейших задач уголовного судопроизводства.

Если последовательно проводить точку зрения Г. М. Миньковского, то нельзя выделять из следственного производства материалы в отношении лиц, скрывшихся от органов следствия, и заканчивать расследование в отношении других соучастников преступления. Между тем, выделение материалов дела в указанных случаях зачастую неизбежно, повсеместно практикуется и полностью оправдано.

Точно так же и в других случаях, вызываемых необходимостью, допустимо и целесообразно выделение уголовного дела, если это «не может отрицательно отразиться на всесторонности, полноте и объективности исследования и разрешения дела» (часть 2 ст. 26 УПК УССР, часть 2 ст. 26 УПК РСФСР).

Так именно и ориентирует Генеральный прокурор СССР работников следственного аппарата. В приказе № 63 от 19 марта 1952 года Генеральный прокурор СССР потребовал не допускать практики создания громоздких уголовных дел с большим количеством обвиняемых и с этой целью предложил заканчивать в указанных случаях дела по отдельным группам обвиняемых, непосредственно связанных между собой по преступной деятельности. Такая практика правильно исходит из того, что задача раскрытия преступления не может быть успешно решена в отрыве от качества и сроков расследования.

Важнейшим условием отыскания истины по делу является объективность расследования, неразрывно связанная с его полнотой и всесторонностью. Объективность расследования состоит в том, что следователь обязан выявить как те обстоятельства, которые уличают, так и те, что оправдывают обвиняемого, а также обстоятельства, которые отягчают и смягчают его вину (ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР).

Объективность расследования обеспечивается всем строем советского уголовного процесса, в котором обвиняемый является субъектом права на защиту, а деятельность следователя проверяется прокурором, а затем и судом. То обстоятельство, что вся деятельность следователя по расследованию уголовного дела, а также выводы, сформулированные в обвинительном заключении, станут предметом гласного судебного разбирательства, является одним из важных условий, обеспечивающих объективность расследования.

Необъективность расследования чаще всего проявляется в так называемом обвинительном уклоне—в собирании лишь тех доказательств, которые уличают обвиняемого, при игнорировании доказательств, его оправдывающих или смягчающих степень и характер ответственности.

Всякое необоснованное отклонение органами следствия ходатайств обвиняемого о проверке обстоятельств, имеющих значение для реше-

¹ Г. М. Миньковский. Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 49.

ния вопроса о его виновности, рассматривается судебной практикой как проявление необъективного и потому неполного расследования дела.

В этом отношении заслуживает внимания дело по обвинению Мансумова, признанного виновным в том, что он, работая председателем колхоза, при составлении справки о состоянии животноводства колхоза на 1 августа 1950 года указал количество скота на 63 головы больше, чем было в наличии.

Как на предварительном следствии, так и в суде Мансумов виновным себя не признал и утверждал, что в справке количество имевшегося в колхозе скота им указано правильно; что же касается исправлений, имеющих в справке, то они произведены работниками райсельхозотдела с целью завышения плана животноводства по району в целом. Поэтому Мансумов просил затребовать подлинник представленной им справки для обозрения, однако это ходатайство обвиняемого как органами предварительного следствия, так и судом было отклонено.

Рассмотрев дело в порядке надзора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала, что «элементарные правила ведения расследования по уголовным делам требуют приобщения к делу документа, в неправильном составлении которого обвиняется то или иное лицо, в данном случае — Мансумов». Признав, что предварительное следствие и судебное разбирательство были проведены необъективно, чем было существенно нарушено право обвиняемого на защиту, коллегия своим определением от 26 марта 1952 года приговор в отношении Мансумова отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования¹.

Предварительное следствие должно быть объективным на всем его протяжении и, в том числе, при его окончании — при составлении обвинительного заключения. На это прямо указывает ст. 223 УПК УССР (ст. 205 УПК РСФСР), согласно которой следователь обязан в обвинительном заключении изложить не только обстоятельства, подтверждающие наличие преступления и виновность обвиняемого, но и показания обвиняемого по существу предъявленного ему обвинения, доводы, приведенные им в свою защиту, и результаты их проверки, а также обстоятельства, которые усиливают и смягчают его вину.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает ряд гарантий, обеспечивающих объективность расследования. Таковы: указания закона на обязанность следователя мотивировать свои решения (ст. 75, 123, 124, 129, 130, 131, 136, 147, 148, 165, 196, 203, 210, 214, 218, 221 УПК УССР; ст. 80, 92, 101, 137, 138, 143; 153; 167; 168, 174, 175, 195, 198, 200, 204, 209 УПК РСФСР); правила, регулирующие порядок отвода следователя, а также обжалования его действий (ст. 9, 12, 43, 48, 49, 50, 51, 52, 60, 106, 115, 215 УПК УССР; ст. 7, 8, 9, 46, 51, 52, 53, 54, 55, 64; 129; 130; 209 УПК РСФСР).

Существенной гарантией объективного и всестороннего исследования дела является допущение уголовно-процессуальным законом защитника к участию в деле в стадии предварительного следствия (ст. 22 Основ уголовного судопроизводства). Знакомясь в конце следствия с материалами дела и возбуждая в этой связи ходатайства о их дополнении, защитник содействует устранению возможных пробелов следствия и нарушений закона. Еще больше возможностей для активного участия в следствии и обеспечения его объективности и всесторонности имеет защитник в случаях, когда закон (ч. 2 ст. 44 УПК УССР, ч. 2

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952, № 7, стр. 14—15.

ст. 47 УПК РСФСР) допускает его к участию в деле с момента предъявления обвинения.

Допущение защитника к участию в предварительном следствии является новым свидетельством подлинного демократизма советского уголовного процесса и выражает заботу законодателя обеспечить необходимые условия отыскания истины по делу.

3

Отыскание объективной истины в советском уголовном процессе обеспечивается последовательным осуществлением принципов, положенных в его основу, и в том числе принципа непосредственности¹.

Большинство советских процессуалистов определяет принцип непосредственности как требование, в силу которого суд должен основывать свои выводы по делу на доказательствах, лично им рассмотренных, и притом на доказательствах первоначальных, кроме тех случаев, когда первоначальное доказательство по тем или иным причинам для суда недоступно.

Другой точки зрения придерживаются Н. Н. Полянский и Н. Я. Кашаникова, полагающие, что основным моментом, определяющим принцип непосредственности, является лежащая на суде обязанность лично ознакомиться с имеющимися в деле доказательствами².

Разумеется, личное восприятие судьями доказательств по делу является одной из характерных черт принципа непосредственности, но отнюдь не исчерпывающей его содержание. Основным в рассматриваемом принципе является положение, согласно которому суд должен всемерно стремиться к получению первоначальных доказательств, допуская их замену производными лишь тогда, когда первоначальные доказательства в силу тех или иных обстоятельств недоступны для суда.

Нет единства взглядов и по вопросу о том, действует ли принцип непосредственности в стадии предварительного расследования. Так, М. С. Строгович полагает, что «принцип устности и непосредственности... не находят применения на предварительном следствии, так как эти принципы по своему содержанию рассчитаны на деятельность суда, на рассмотрение дела судом...»³. М. А. Чельцов также указывал, что «...в стадии предварительного производства нет характерных для судебного разбирательства гласности, непосредственности и устности»⁴.

Отрицает действие принципа непосредственности на предварительном следствии и М. Л. Якуб⁵.

Эти утверждения об отсутствии на предварительном следствии принципа непосредственности вызывают возражения.

Доказательства оценивают по своему внутреннему убеждению не только суд и прокурор, но также следователь и лицо, производящее

¹ О связи принципа объективной истины с принципами законности, публичности и обеспечения обвиняемому права на защиту см. «Ученые записки» Харьковского юридического института, вып. 9, Харьков, 1957, стр. 49—60.

² Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 224. Советский уголовный процесс. Учебник под редакцией проф. Д. С. Карева, М., 1956, стр. 224.

³ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 286.

⁴ «Ученые записки ВЮОН», вып. VI, М., 1947, стр. 139. Следует отметить, что М. А. Чельцов позже в учебнике «Советский уголовный процесс», 1951 г., изменил свой взгляд по этому вопросу и пишет: «Непосредственность и устность, которые являются обязательными принципами судебного разбирательства, имеют место и в предварительном следствии, но с ограничениями, которые вытекают из задач предварительного следствия как стадии процесса, лишь подготовляющей материал для судебного разбирательства» (стр. 237).

⁵ М. Л. Якуб, Демократические Основы советского уголовно-процессуального права, Изд-во МГУ, 1960, стр. 168—169.

дознание (ст. 67 УПК УССР, ст. 71 УПК РСФСР). Поскольку же формирование внутреннего убеждения основано на непосредственном восприятии доказательств, взятых из их первоисточника, никак нельзя отрицать наличие принципа непосредственности в предварительном следствии.

Принципы советского уголовного процесса получают в каждой его стадии своеобразное выражение, определяемое ее задачами и условиями; различна также и сфера действия каждого из принципов в различных стадиях. Это в полной мере относится и к принципу непосредственности, область применения которого в предварительном следствии является более узкой, чем в стадии судебного разбирательства. Но, как правильно отмечал В. Я. Лившиц, основное требование принципа непосредственности — обязанность опираться в своих выводах прежде всего на доказательства первоначальные — в полной мере сохраняет свою силу не только для суда, но и для следователя¹. Подтверждением тому служит практика Верховного суда СССР.

Приговором Житомирского областного суда Власюк был осужден по совокупности совершенных им преступлений по ст. 56—17 УК УССР и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Власюк был признан виновным в том, что в апреле 1947 года организовал вооруженную банду, в состав которой вошли Мельник, Панкрашкин, Шатковский, Гимберг и Слюсарчук И. Эта банда в течение апреля 1947 года совершила ряд нападений на граждан, у которых под угрозой оружия забрала носильные вещи и продукты питания.

В апреле—мае 1947 года бандитская группа была раскрыта и участники ее были осуждены, за исключением Власюка и Слюсарчука И., которые скрылись от следствия и суда. В октябре 1947 года Власюк вместе со Слюсарчуком И., Слюсарчуком Г. и Холодом ограбили магазин сельпо. За это преступление все соучастники, кроме Власюка, были 20 февраля 1948 года осуждены, а Власюк вторично скрылся от следствия и суда и только впоследствии был арестован и осужден.

Рассмотрев дело Власюка в порядке надзора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила, что органами предварительного следствия и судом были нарушены принципы устности и непосредственности. «Органы предварительного следствия по существу расследование по делу не производили, ограничившись приобщением к делу копий протоколов допросов и выписки из протокола судебного заседания от 20 февраля 1948 года. Лица, которые, как видно из копий протоколов допросов, избличают Власюка, по его делу не допрошены и очные ставки между ними и Власюком не проведены. Ходатайство Власюка о проведении очных ставок с Холодом, Слюсарчуком Г., Слюсарчуком И., Козаченко и другими неосновательно следственными органами отклонено». Находя, что выводы следственных органов и суда основаны на непроверенных копиях протоколов допросов из других дел, коллегия своим определением отменила приговор и возвратила дело на дополнительное расследование².

Задачи и условия предварительного следствия диктуют необходимость и даже неизбежность отдельных исключений из принципа непосредственности. Но уголовно-процессуальный закон и следственная

¹ В. Я. Лившиц, Принцип непосредственности в советском уголовном процессе, М.—Л., 1949, стр. 107.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1956, № 5, стр. 14—15.

практика стремятся свести эти исключения к минимуму и тем самым усилить действие принципа непосредственности в данной стадии процесса.

В отличие от судебного разбирательства, где действует правило о неизменности состава суда по каждому данному делу (ст. 258 УПК УССР, ст. 241 УПК РСФСР), в стадии предварительного расследования закон допускает передачу дела от органов дознания следователю (ст. 109 УПК УССР, ст. 119 УПК РСФСР). Дело может быть также передано от одного следователя другому (пункт 7 ст. 19 Положения о прокурорском надзоре в СССР, пункт 6 ст. 227 УПК УССР, пункт «ж» ст. 211 УПК РСФСР), причем следователь вправе не повторять действий своего предшественника. Разумеется, указанное положение в известной степени ограничивает сферу действия принципа непосредственности на предварительном следствии, но ограничения эти вытекают из условий деятельности следственных органов и в ряде случаев неизбежны. В то же время следует отметить, что Генеральный прокурор СССР в приказе № 63 от 19 марта 1952 года указал на нецелесообразность передачи дел от одного следователя другому, кроме случаев особой необходимости.

Практике известны случаи, когда следствие по делу, в целях обеспечения его быстроты, поручается нескольким следователям. Эта практика в настоящее время предусмотрена законом (ст. 119 УПК УССР, ст. 129, часть 3 УПК РСФСР). Конечно, и в этом случае имеется известное отступление от принципа непосредственности, поскольку доказательства собираются не одним, а несколькими следователями. Однако значимость этого отступления от принципа непосредственности ослабляется тем, что каждый из следователей, входящих в состав данной группы (бригады), действует под руководством одного следователя, принявшего дело к своему производству. О результатах каждого своего действия следователи должны ставить в известность руководителя группы, который вправе, если признает это необходимым, повторно произвести то или иное следственное действие и таким путем лично проверить правильность вывода, сделанного следователем. Кроме того, обвинительное заключение, подводящее итог следствию, составляется руководителем группы (бригады), который лично знакомится со всеми материалами дела и дает им свою оценку.

Важное значение при производстве следствия получила практика так называемых отдельных поручений, которая известна советскому уголовному процессу уже в первые годы его существования. Еще «Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий», изданная НКЮ РСФСР в октябре 1920 года, предусматривала, что «в случае необходимости произвести какое-либо следственное действие вне своего района, исполнение такого возлагается на подлежащего следователя по особому требованию следователя, производящего следствие...» (§ 16). Эта практика, закрепленная действующим законодательством (ст. 118 УПК УССР, ст. 132, часть 3 УПК РСФСР), также является известным отступлением от принципа непосредственности. Но это отступление, равно как и указанные выше, объясняется специфическими условиями предварительного следствия, вполне целесообразно и оправдано и не исключает наличия этого принципа в рассматриваемой стадии процесса.

Последовательное осуществление принципа непосредственности, как и других процессуальных принципов, действующих на предварительном следствии, создает все условия для быстрого и полного раскрытия преступления и изобличения преступника, для установления объективной истины по делу.

Кандидат юридических наук М. И. БАЖАНОВ

ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЯ ПО НОВОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ УССР

Принятие нового Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР настоятельно требует освещения важнейших вопросов предварительного расследования уголовных дел. Настоящая статья ставит своей задачей рассмотреть исходные положения производства дознания, как одной из форм расследования по новому законодательству. При этом имеется в виду расследование, производимое милицией, являющейся, как известно, основным органом дознания в советском уголовном процессе.

* * *

Две формы предварительного расследования уголовных дел — дознание и предварительное следствие — всегда были известны советскому законодательству. Признавая принципиальное единство этих форм расследования, УПК УССР 1922 г. и УПК УССР 1927 г. (УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.), устанавливали и определенные различия между ними. При этом основной формой расследования преступлений закон считал предварительное следствие и рассматривал дознание лишь как деятельность первоначальную, предшествующую следствию, либо заменяющую полностью предварительное следствие по несложным делам. В последующие же годы по причинам, останавливаться на которых в данном случае нет надобности, установленные законом различия между дознанием и предварительным следствием по существу стерлись, и милиция превратилась в орган, который наряду со следователями прокуратуры фактически производил следствие по уголовным делам.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. признали, что предварительное следствие является основной формой расследования уголовных дел и тем положили предел существовавшему положению вещей. При обсуждении проекта «Основ уголовного судопроизводства» на сессии Верховного Совета Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко отметил, что «освобождение милиции от несвойственной ей функции предварительного следствия... позволит ей направить свои усилия на предупреждение преступлений, принятие необходимых оперативно-розыскных мер для раскрытия преступлений и розыска преступников»¹.

Продолжая эту линию Основ, новые кодексы устанавливают обязательное производство предварительного следствия по подавляющему

¹ «Известия» от 27 декабря 1958 г.

большинству уголовных дел (ст. 111 УПК УССР, ст. 126 УПК РСФСР). Существенное расширение круга дел, по которым обязательно предварительное следствие, определяется тем, что для следователя функция расследования уголовных дел является основной и единственной его функцией, в то время как дознание представляет собой производную деятельность от основной присущей милиции функции охраны общественного порядка и безопасности¹.

Строгое соблюдение подследственности уголовных дел — непреложное требование уголовно-процессуального закона. Прокурор, возбудив дело, по которому обязательно предварительное следствие, обязан передать его следователю для производства следствия, органам же дознания в этом случае может быть поручено лишь производство отдельных следственных действий. Но передать такое дело для производства расследования органам дознания прокурор не вправе. Поэтому представляется необоснованной рекомендация, допускающая фактически возможность передачи дела, по которому обязательно предварительное следствие (если дело это возбуждено прокурором), органам дознания для производства неотложных следственных действий².

Немаловажное значение имеет вопрос о критерии, который положен новым уголовно-процессуальным кодексом в основу разграничения компетенции органов предварительного следствия и дознания. После принятия Основ уголовного судопроизводства вопрос этот оживленно обсуждался на страницах юридической печати. Так, А. Н. Васильев полагал, что «компетенция органов дознания по расследованию дел в полном объеме будет заключаться, во-первых, в расследовании преступлений, наказание за которые предусмотрено законом не свыше одного года лишения свободы, во-вторых, в расследовании преступлений, влекущих наказание свыше года лишения свободы, но в раскрытии которых решающая роль принадлежит оперативно-розыскным действиям и не требуется углубленное исследование материалов, сложная и длительная работа по систематизации и оценке доказательств»³.

Г. М. Миньковский считал основным критерием для отнесения дел к компетенции органов милиции «простоту фактулы, типичную для определенных категорий дел (хулиганство, нарушение паспортного режима, незаконное хранение оружия и т. п.), дающую в подавляющем большинстве случаев милиции возможность вести дело без ущерба для своей основной задачи по охране общественного порядка... Вспомогательными критериями в ряде случаев будет санкция и характер дела»⁴.

И. Д. Перлов предлагал решить вопрос о подследственности с учетом совокупности следующих четырех признаков — «сложность дела,

¹ Это положение впервые было отмечено М. С. Строговичем в его книге «Уголовный процесс». М., 1946, стр. 268; его же «Курс советского уголовного процесса». М., 1958, стр. 280. Также: В. М. Савицкий. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М., 1959, стр. 37, Г. Н. Александров. Насущные вопросы предварительного следствия и дознания. В книге: «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР». М., 1959, стр. 290.

² Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1960, стр. 161. В дальнейшем ссылки на это издание обозначаются «Комментарий».

³ Дознание в советском уголовном процессе. Журнал «Советское государство и право», 1959, № 6, стр. 103.

⁴ Важный этап в развитии советского права («Новое общесоюзное законодательство в области уголовного права, судостроительства и судопроизводства»). Труды научной сессии ВЮИОН. М., 1960, стр. 110. В дальнейшем ссылка на это издание обозначается «Труды».

опасность преступления, предельная санкция уголовного закона и специфика оперативно-розыскной работы милиции»¹.

Анализ природы дел о преступлениях, расследование которых по новому Уголовно-процессуальному кодексу в полном объеме отнесено к компетенции органов дознания, приводит к выводу, что ведению этих органов подлежат дела о преступлениях, с которыми милиция сталкивается при выполнении функции охраны общественного порядка и безопасности (например, хулиганство, незаконное ношение оружия, и др.). В большинстве своем эти дела относительно менее сложны и касаются относительно менее опасных преступлений.

Рассмотрение предельных санкций установленных новым Уголовным кодексом УССР (УК РСФСР 1960 г.) за преступления, которые расследуются в полном объеме органами милиции, свидетельствует о том, что санкции эти весьма различны. Так, например, за кражу личного имущества граждан возможно применение наказания до десяти лет лишения свободы, спекуляцию — до шести лет, порубку леса — до пяти лет, хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ без отягчающих обстоятельств — до семи лет, подделку проездных билетов — до двух лет, переуступку жилой площади — до одного года (ст. 140, 154, 160, 223, 153, 152 УК УССР и соответствующие статьи УК РСФСР). Отсюда видно, что предел санкции статей Уголовного кодекса не является тем критерием, которым руководствовался законодатель, разграничивая компетенцию органов следствия и дознания.

Непосредственные задачи органов дознания указаны в ст. 29 Основ Уголовного судопроизводства и ст. 103 ч. I УПК УССР (ст. 118 ч. I УПК РСФСР). «На органы дознания, — говорится в этих статьях, — возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших». Органы дознания, в частности милиция, призваны также предупреждать и пресекать совершение преступлений. Ст. 118 УПК РСФСР прямо возлагает на органы дознания принятие необходимых мер для предупреждения и пресечения преступлений. В УПК УССР эта обязанность сформулирована в ст. 23, которая требует при ведении расследования по уголовным делам выяснять условия, способствующие совершению преступления, и принимать меры к их устранению. Следует при этом особо подчеркнуть, что органы дознания, как и следственные органы, обязаны в силу закона широко использовать помощь общественности для предотвращения и раскрытия преступлений и для розыска преступников.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс различает два вида дознания: 1) дознание по делам, по которым предварительное следствие является обязательным, и 2) дознание по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно. В первом случае дознание предшествует следствию и представляет собой начальный этап расследования уголовного дела. Во втором же случае органы дознания полностью расследуют дело и материалы такого дознания являются основанием для рассмотрения дела в суде.

Эти виды дознания различаются между собой своим процессуальным порядком, каждый из которых обеспечивает по определенной категории дел выполнение органами дознания их задач по расследованию преступлений.

Порядок производства дознания по делам, по которым обязательно предварительное следствие, подробно регулируется новым УПК,

¹ «Труды», стр. 206—207.

который иначе, чем УПК УССР 1927 г. (УПК РСФСР 1923 г.) разрешает ряд возникающих при этом вопросов.

Принципиальное значение имеет здесь следующее: «При наличии признаков преступления, по которому предварительное следствие обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей» (ст. 29 Основ уголовного судопроизводства, ст. 104 УПК УССР, ст. 119 УПК РСФСР).

Прежде всего следует обратить внимание на указание о том, что органы дознания при производстве расследования действуют по правилам, установленным в уголовно-процессуальном законе, т. е. по правилам, закрепленным новым Уголовно-процессуальным кодексом. Это означает, что данные, установленные путем производства дознания, имеют доказательственное значение и могут быть положены в основу решения дела как в ходе предварительного следствия, так и судебного разбирательства. Поэтому органы дознания должны очень серьезно подходить к производству указанных в ст. 104 УПК УССР действий, строго соблюдая при этом требования закона.

Основы уголовного судопроизводства и новый Уголовно-процессуальный кодекс называют действия органов дознания неотложными, т. е. такими, промедление или отказ в производстве которых может привести к отрицательным результатам (уничтожение следов преступления, уклонение преступника от следствия и суда) и затруднить, а иногда и исключить возможность раскрытия преступления и изобличения преступника.

Следовательно, неотложные действия — это действия, которые должны быть проведены незамедлительно. Характер их таков, что они теснейшим образом связаны с принятием оперативно-розыскных мер. Так, например, обнаружение следов преступника при осмотре места происшествия дает возможность применить служебно-розыскную собаку. В то же время, если собака приведет к определенному жилью, возникает необходимость производства обыска или допроса жильцов в целях отыскания преступника, а в случае его обнаружения должно последовать задержание подозреваемого.

Все неотложные следственные действия, как правильно отметил М. А. Чельцов, могут быть отнесены к двум основным видам:

- 1) действия по выявлению и сохранению следов преступления;
- 2) действия, имеющие своей задачей воспрепятствовать лицу, подозреваемому в совершении преступления, уклониться от следствия и суда¹.

Следует заметить, что, как указывает «Комментарий» к Основам, «перечень неотложных следственных действий, которые вправе производить органы дознания, содержит в некоторых случаях собирательные термины. Так, очевидно, что указание на производство допросов подразумевает и производство таких смежных действий, как очные ставки, опознание; указания на производство осмотров — и таких смежных с осмотром следственных действий, как собирание образцов для

¹ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 230—231. Проф. Чельцов называет эти действия первичными. В литературе по криминалистике они именуются часто первоначальными следственными действиями. После принятия Основ и УПК, где эти действия называются неотложными, следует пользоваться терминологией закона.

сравнительного исследования, воспроизведение обстановки и обстоятельств события»¹.

К первому виду неотложных следственных действий относятся осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, допрос потерпевших и свидетелей, воспроизведение обстановки и обстоятельства события. Ко второму виду — задержание подозреваемого и его допрос. Ввиду того, что новый УПК впервые в нашем законодательстве четко определил процессуальное положение подозреваемого и порядок его допроса, в настоящей статье и будут рассмотрены именно эти последние следственные действия.

* * *

Задержанием, как известно, является краткосрочный арест лица, подозреваемого в совершении преступления, производимый в строго указанных в законе случаях органами дознания или следователем без предварительной санкции прокурора (ст. 32 Основ уголовного судопроизводства, ст. 106 и 115 УПК УССР, ст. 122 и 127 УПК РСФСР).

Задержание возможно лишь при наличии указанных в законе условий и оснований. Единственным условием задержания является подозрение в совершении такого преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. В качестве оснований задержания закон называет следующие:

- 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;
- 3) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления;
- 4) при наличии иных данных, служащих основанием подозревать лицо в совершении преступления, если это лицо покушалось на побег или когда не установлена личность подозреваемого.

Характер указанных оснований задержания свидетельствует о том, что эта мера может применяться лишь в случаях, не терпящих отлагательства, почему Основы и УПК относят задержание к числу неотложных следственных действий. Перечень оснований задержания, установленный в законе, является исчерпывающим и расширению ни в коем случае не подлежит. Перечень этот в то же время обладает четкостью, необходимой для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить эффективное пресечение преступлений, а с другой — гарантировать гражданина от неосновательного задержания. В этом отношении особо важное значение имеет требование закона сообщить в течение 24 часов о имевшем место задержании прокурору, который обязан проверить законность и обоснованность задержания и либо дать санкцию на заключение под стражу, либо освободить задержанного (ст. 106 УПК УССР, ст. 122 УПК РСФСР).

Лицо, задержанное по одному из приведенных выше оснований, становится подозреваемым по делу. Вопрос о подозреваемом в течение многих лет оставался спорным. Но если до принятия Основ уголовного судопроизводства спор велся главным образом о том, имеется ли подозреваемый в нашем уголовном процессе², то после издания Основ, когда они признали подозреваемого самостоятельным субъектом процессуальной деятельности, а его показания одним из средств доказывания, спор ведется уже в другом плане, а именно, отно-

¹ «Комментарий», стр. 163.

² См. сводку мнений: В. А. Стрёмовский. Предварительное расследование в советском уголовном процессе, М., 1958, стр. 120—121.

сительно круга лиц, которые могут быть признаны подозреваемыми по делу.

Несмотря на четкие указания закона, делаются попытки расширить понятие подозреваемого, сделав его по существу неопределенным, в то время как «вопрос о подозреваемом... это вопрос большой практической важности, затрагивающий интересы личности, гражданина»¹. Так, высказано мнение, что «подозреваемым считается лицо: а) задержанное в порядке ст. 32 Основ; б) лицо, к которому мера пресечения применена до предъявления обвинения (ст. 33 Основ); в) лицо, о совершении преступления которым имеются прямые указания в материалах, послуживших основанием к возбуждению уголовного дела»².

Л. М. Карнеева определяет подозреваемого как лицо, «в отношении которого собраны данные, дающие основание подозревать его в совершении преступления, но недостаточные для предъявления обвинения». С точки зрения Л. М. Карнеевой подозреваемый появляется в деле не только тогда, когда он задержан в порядке ст. 32 Основ или когда к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения в порядке ст. 33 Основ, но и тогда, когда «вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по преступлению, связанным с действиями определенных, уже известных следователем лиц, либо когда имеется протокол допроса, из которого видно, что допрашиваемому задавались вопросы для получения у него объяснений по поводу его личной деятельности в связи с расследуемым преступлением»³.

Приведенное мнение находится в резком противоречии с новым Уголовно-процессуальным кодексом. Исходя из четкого указания статей 32 и 33 Основ уголовного судопроизводства, УПК УССР и УПК РСФСР, определяют подозреваемого как лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, или лицо, в отношении которого избрана мера пресечения до предъявления обвинения (ст. 73 УПК УССР, ст. 52 УПК РСФСР). Все остальные лица, как это прямо вытекает из закона, не могут считаться подозреваемыми и, следовательно, правами подозреваемых не обладают.

Подвергая обстоятельной критике попытки расширить понятие подозреваемого в уголовном деле, М. С. Строгович справедливо отмечает, что «совершенно недопустимым и противоречащим требованиям социалистической законности было бы такое положение, когда следователи и работники органов дознания могли бы допрашивать в качестве подозреваемых любых лиц лишь на том основании, что в поступившем материале, или в показании свидетеля, или в ином документе содержится какое-то указание на этих лиц». Если пойти по этому пути, то «подозреваемые прямо хлынут в производство по уголовным делам и вытеснят обвиняемых», а ведь «доброе имя советского гражданина должно быть ограждено от неосновательных подозрений не меньше, чем от неосновательных обвинений»⁴.

¹ М. С. Строгович. О подозреваемом. Журнал «Социалистическая законность», 1961, № 2, стр. 36.

² «Комментарий», стр. 92.

³ Л. М. Карнеева. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 12. М., 1959, стр. 92; Ее же. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Журнал «Социалистическая законность», 1959, № 4, стр. 35—36; Аналогично высказывание Т. Добровольской и Г. Миньковского в статье «Процессуальне становище підозрюваного під час попереднього слідства і дознання». Журнал «Радянське право», 1960, № 6, стр. 30—31.

⁴ М. С. Строгович. О подозреваемом. Журнал «Социалистическая законность», 1961, № 2, стр. 35, 37.

То обстоятельство, что следователь или орган дознания при расследовании могут подозревать в совершении преступления ряд лиц, не делает последних подозреваемыми с точки зрения УПК. В процессуальное положение подозреваемого эти лица могут быть поставлены только при их задержании или избрании меры пресечения до предъявления обвинения. Ограничивая возможность задержания сроком не более трех суток (ст. 32 Основ), а избрание меры пресечения до предъявления обвинения сроком не более 10 суток (ст. 33 Основ), закон тем самым не допускает нахождения гражданина в положении подозреваемого длительного времени. По истечении указанных сроков лицу должно быть предъявлено обвинение и оно становится обвиняемым по делу, либо оно перестает быть подозреваемым и освобождается от задержания или меры пресечения и может быть допрошено по делу лишь как свидетель.

Признавая подозреваемого самостоятельным субъектом процессуальной деятельности, новый Уголовно-процессуальный кодекс вслед за Основами наделяет подозреваемого рядом процессуальных прав. Права эти подозреваемый имеет при производстве как дознания, так и предварительного следствия.

Важнейшее право подозреваемого — это право знать в совершении какого преступления он подозревается. В связи с этим при его допросе ему должно быть объявлено, в чем он подозревается, и об этом делается отметка в протоколе допроса (ст. 107 УПК УССР, ст. 123 УПК РСФСР).

Подозреваемому, далее, предоставлено право давать показания и объяснения и требовать немедленного допроса в случае задержания или избрания меры пресечения в виде содержания под стражей. Закон обязывает орган дознания или следователя допросить в таких случаях подозреваемого немедленно, а если это невозможно, то не позднее двадцати четырех часов с момента задержания (ст. 107 УПК УССР, ст. 123 УПК РСФСР). При этом само собой ясно, что подозреваемый не может быть принуждаем к даче показаний и на него запрещается перелagать обязанность доказывания (ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР)¹.

Подозреваемый вправе заявлять различного рода ходатайства (ст. 73 и 106 УПК УССР, ст. 52 УПК РСФСР). Следователь или лицо, производящее дознание, обязаны удовлетворить ходатайство, если обстоятельство, об установлении которых просит подозреваемый, имеют значение для дела. Статья 66 УПК УССР (ст. 70 УПК РСФСР) говорит о праве подозреваемого представлять доказательства. Отказ в принятии такого доказательства должен быть мотивирован следователем или лицом, производящим дознание в специальном постановлении (ст. 129 УПК УССР, ст. 131 УПК РСФСР).

В тех случаях когда экспертиза проведена до привлечения лица в качестве обвиняемого, материалы экспертизы должны быть предъявлены подозреваемому (ч. 3 ст. 202 УПК УССР). Часть 2 ст. 193 УПК РСФСР прямо не говорит о таком предъявлении материалов экспертизы подозреваемому, однако должна быть истолкована в таком же смысле.

¹ В этих статьях Уголовно-процессуального кодекса говорится лишь об обвиняемом. Но ввиду того, что допрос подозреваемого производится по правилам допроса обвиняемого, ст. 22 УПК УССР (ст. 20 УПК РСФСР) должна быть распространена и на подозреваемого. На это обстоятельство впервые в нашей литературе обратили внимание Т. Добровольская и Г. Миньковский. Журнал «Радянське право», 1960, № 6, названная статья, стр. 34—35.

Подозреваемому предоставлено право заявить отвод следователю или лицу, производящему дознание (ст. 60 УПК УССР, ст. 64 УПК РСФСР). Статья 60 УПК УССР, в отличие от статьи 64 УПК РСФСР, прямо не говорит об этом. Однако, ввиду того, что ст. 73 и 106 УПК УССР предоставляют подозреваемому право заявлять ходатайства и содержания таких ходатайств ничем не ограничивают, следует признать, что таким ходатайством может быть и заявление об отводе, основания и порядок разрешения которого и указаны в ст. 60 УПК УССР. Заявление подозреваемого об отводе должно быть немедленно передано прокурору, который в течение 24 часов (в РСФСР в течение 3 суток — ст. 130) обязан разрешить вопрос об обоснованности отвода.

Наконец, закон предоставляет подозреваемому право обжаловать действия следователя и лица, производящего дознание, прокурору (ст. 73 и 106 УПК УССР, ст. 52 УПК РСФСР). Прокурор обязан в течение трех дней рассмотреть такую жалобу и о принятом решении сообщить подозреваемому (ст. 110 УПК УССР, ст. 218 и 219 УПК РСФСР).

Подозреваемому должны быть обязательно разъяснены его права, о чем отмечается в протоколе задержания или постановлении об избрании меры пресечения (ст. 73 УПК УССР). Статья 123 УПК РСФСР требует, чтобы права, которые предоставлены подозреваемому, были разъяснены перед допросом последнего. Эти положения Уголовно-процессуального кодекса являются дальнейшей конкретизацией общей нормы, сформулированной в ст. 27 Основ уголовного судопроизводства (ст. 53 УПК УССР, ст. 58 УПК РСФСР), согласно которой лицо, производящее дознание, и следователь обязаны разъяснить лицам, участвующим в деле, их права и обеспечить возможность осуществления этих прав.

В случае избрания в отношении подозреваемого такой меры пресечения, как содержание под стражей, орган дознания и следователь обязаны: 1) передать на попечение соответствующих лиц или учреждений не достигших 16-летнего возраста детей подозреваемого, если в результате ареста последнего дети остаются без надзора; 2) принять меры по охране имущества и жилища подозреваемого, если они остаются в результате ареста без соответствующего присмотра (ст. 159 и 160 УПК УССР, ст. 98 УПК РСФСР). Кроме того, ст. 161 УПК УССР требует от органа дознания и следователя сообщить супругу или иному родственнику, а также по месту работы об аресте и месте пребывания подозреваемого.

Новый кодекс подробно регулирует порядок допроса подозреваемого. Признавая показания подозреваемого одним из средств доказывания (ст. 65 ч. 2 УПК УССР, ст. 69 ч. 2 УПК РСФСР), закон устанавливает прежде всего самый предмет допроса подозреваемого. Согласно ст. 73 УПК УССР (ст. 76 УПК РСФСР) подозреваемый допрашивается по поводу обстоятельств, связанных с его задержанием или применением к нему меры пресечения, а равно по поводу иных обстоятельств дела. Под этими обстоятельствами следует понимать различного рода факты, которые подлежат доказыванию по данному уголовному делу на основании ст. 64 УПК УССР (ст. 68 УПК РСФСР).

Допрос подозреваемого, как это прямо указывает ст. 107 УПК УССР (ст. 123 УПК РСФСР), производится по правилам, установленным для допроса обвиняемого, т. е. без предупреждения об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Совершенно недопустим допрос подозреваемых лиц в качестве свидетелей по делу, как это имело место в практике органов дознания и предвари-

тельного следствия до принятия нового УПК. Соблюдение процессуального порядка допроса подозреваемого имеет большое значение, так как показания подозреваемого могут быть наряду с другими средствами доказывания положены в основу выводов по делу.

* * *

Ранее действовавшее законодательство не определяло сроков производства дознания по тем делам, по которым было обязательно предварительное следствие. Новый УПК устанавливает, что дознание по таким делам должно быть окончено в срок не более 10 суток с момента возбуждения уголовного дела (ст. 108 ч. 1 УПК УССР, ст. 121 ч. 1 УПК РСФСР). Какого бы то ни было продления этого срока закон не допускает. Выполнив неотложные следственные действия, орган дознания в течение указанного десятидневного срока обязан передать дело через прокурора следователю. Если неотложные следственные действия выполнены органом дознания до истечения этого срока, то, как устанавливает ч. 3 ст. 119 УПК РСФСР, дело может быть направлено прокурору тотчас же по выполнении этих действий.

По истечении десятидневного срока подлежит передаче прокурору также дело, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление. Передав такое дело прокурору, органы дознания обязаны продолжать принимать все необходимые меры для установления преступника, уведомляя следователя о результатах этих мер (ч. 4 ст. 104 УПК УССР, ч. 4 ст. 119 УПК РСФСР).

Передавая дело для производства предварительного следствия, орган дознания выносит о том специальное постановление (ст. 109 ч. 1 УПК УССР, ст. 124 ч. 1 УПК РСФСР). Последнее аналогично по своему содержанию постановлению, которое ранее выносили органы милиции в порядке ст. 103 УПК УССР 1927 г. (ст. 106 УПК РСФСР 1923 г.).

Возникает вопрос о праве органа дознания прекратить возбужденное им уголовное дело, по которому обязательно производство предварительного следствия. Если закон предписывает по таким делам обязательно производство предварительного следствия, то и прекращать эти дела могут лишь органы предварительного следствия или прокурор. Такой вывод следует и из ст. 109 УПК УССР (ст. 124 УПК РСФСР), предусматривающей прекращение органом дознания лишь таких дел, по которым предварительное следствие не является обязательным. По этим основаниям, не вытекающим из закона, является мнение, что такие дела могут прекращать органы дознания в случаях, «когда установлено отсутствие события преступления или в деянии отсутствует состав преступления»¹.

В новом Уголовно-процессуальном кодексе нет положений, содержащихся в ст. 107 УПК УССР 1927 г. (ст. 109 УПК РСФСР 1923 г.) и широко применявшихся в практике. Статья эта, как известно, давала право следователю, получившему дело от органов дознания, ограничиваться лишь производством указанных в ней действий (предъявление обвинения и допрос обвиняемого, предъявление материалов дела для ознакомления обвиняемому, избрание меры пресечения, составление обвинительного заключения). Основываясь на этой норме, многие прокуроры фактически требовали от органов дознания проведения расследования по делу в полном объеме, когда же такое дело поступало затем к следователю, последний в большинстве случаев ограничивался тем, что выполнял, а чаще всего дублировал указанные в ст. 107 УПК следственные действия, если органы дознания успели их уже произ-

¹ «Комментарий», стр. 164.

вести. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 г. ни при каких условиях не допускает подобного рода практики, строго ограничивая полномочия органов дознания лишь производством неотложных следственных действий.

Строжайшее соблюдение норм нового УПК при производстве дознания по делам, по которым обязательно предварительное следствие, требует значительного усиления прокурорского надзора. Для того чтобы прокурор мог осуществлять контроль и руководство органами дознания, закон (ч. 2 ст. 103 УПК УССР, ч. 2 ст. 119 УПК РСФСР) обязывает их немедленно уведомить прокурора об обнаруженном преступлении и началом дознания. В этих же целях орган дознания должен не позднее суток направить прокурору копию постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 100 УПК УССР). Часть 2 ст. 112 УПК РСФСР предписывает направлять копию такого постановления прокурору немедленно после его вынесения.

В связи с новым порядком дознания по делам, по которым обязательно предварительное следствие, большое значение в раскрытии преступлений, их пресечении и предупреждении приобретает взаимодействие между органами милиции и следователями прокуратуры. В докладе Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР о проекте Основ уголовного судопроизводства специально указывалось, что «важнейшая роль в работе по раскрытию преступлений и обнаружению лиц, их совершивших, принадлежит органам милиции и органам следствия. Для слаженной работы этих двух органов необходимо прежде всего четко разграничить их полномочия и вместе с тем установить надлежащий контакт в их деятельности по раскрытию преступлений»¹.

Правовой основой установления такого контакта являются соответствующие положения Основ уголовного судопроизводства и нового Уголовно-процессуального кодекса. Так, в ст. 30 Основ (ст. 114 УПК УССР, ст. 127 УПК РСФСР) сказано, что «следователь по расследуемым им делам вправе давать органам дознания поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий. Такие поручения и указания следователя являются для органов дознания обязательными». Развивая это положение, часть 3 ст. 104 УПК УССР (ч. 4 ст. 119 УПК РСФСР) устанавливает, что после вступления следователя в дело органы дознания по поручению следователя обязаны проводить розыскные и следственные действия.

* * *

В порядок производства дознания по делам, где предварительное следствие не является обязательным, новым УПК, также внесены существенные изменения и уточнения. Прежде всего значительно сужен круг дел, по которым закон ограничивается производством дознания. Кроме того, подвергся определенным изменениям самый порядок дознания по этим делам.

В ранее действовавшем законодательстве было установлено, что по делам, где необязательно предварительное следствие, дознание производится по правилам этого последнего. Однако в ряде случаев на производство отдельных следственных действий органы милиции должны были испрашивать разрешение прокурора (ст. 95 УПК УССР 1927 г., ст. 101 УПК РСФСР 1923 г.). Со временем же, особенно после того как в органах милиции были учреждены должности следователей и организованы следственные отделы, ограничения, указанные в ст. 95

¹ «Известия» от 26 декабря 1958 г.

УПК УССР 1927 г., утратили свое значение и дознание велось в таких же формах, как и предварительное следствие.

Основы уголовного судопроизводства 1958 г. решили вопрос о процессуальных формах дознания по делам, по которым предварительное следствие не является обязательным, лишь в общих чертах, указав, что материалы дознания являются основанием для рассмотрения дела в суде, куда они поступают после утверждения их прокурором (ст. 24 Основ). Тем самым союзным республикам было предоставлено право подробно решить эти вопросы в своих кодексах.

В связи с этим в литературе возникла оживленная дискуссия. Одни авторы предлагали установить упрощенный порядок дознания по такого рода делам. Так, А. Н. Васильев считал возможным отказаться при производстве дознания от вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения, ознакомления обвиняемого с материалами окончательного дознания и составления обвинительного заключения¹. Такое же мнение было высказано и Г. Н. Александровым в статье «Насущные вопросы предварительного следствия и дознания»². Г. М. Миньковский полагал, что в «случаях, когда обвинение состоит из одного эпизода, может оказаться достаточным в протоколе допроса отразить факт разъяснения обвиняемому существа обвинения», а в случаях задержания на месте происшествия по делам о малозначительных преступлениях ограничиться составлением протокола с указанием характера события и фамилий очевидцев, которые должны быть непосредственно вызваны в суд³.

Указанные предложения шли по пути упрощения форм дознания по сравнению со сложившейся практикой и нормами УПК УССР 1927 г. (УПК РСФСР 1923 г.). Принятие этих предложений могло повлечь за собой нарушение прав и интересов граждан, нарушение социалистической законности. Поэтому многие практические и научные работники подвергли справедливой критике всякие попытки упрощения форм дознания в нашем уголовном процессе⁴.

Новые уголовно-процессуальные кодексы УССР и РСФСР сохранили для дознания те же процессуальные формы, что и для предварительного следствия. Вслед за Основами уголовного судопроизводства установлено, что материалы дознания являются основанием для рассмотрения дела в суде (ч. 1 ст. 105 УПК УССР, ч. 3 ст. 120 УПК РСФСР). Это означает, что доказательства, собранные в ходе дознания, имеют по делу такое же значение, как и доказательства, добытые при производстве предварительного следствия. Часть 2 ст. 105 УПК УССР (ч. 2 ст. 120 УПК РСФСР) предусматривает, что при производстве дознания по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, орган дознания руководствуется всеми правилами, уста-

¹ Цит. статья, стр. 105, Его же. Дознание и предварительное следствие. Журнал «Социалистическая законность», 1959, № 3, стр. 16—17; Его же. Выступление на сессии ВИОН, «Труды», стр. 186.

² К книге: «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 294—295.

³ Вопросы дознания и предварительного следствия в свете Основ уголовного судопроизводства. «Труды», стр. 111—112. Следует отметить, что пункт 4 ст. 116 УПК Казахской ССР при задержании лица на месте преступления по ряду малозначительных дел предоставляет органу дознания право ограничиться составлением протокола задержания, допросом очевидцев и производством других необходимых действий, после чего такое дело с обвинительным заключением в трехдневный срок направляется прокурору.

⁴ См., например, И. Михайлов. Проти спрощення процесуальних форм органів дізнання. Журнал «Радянське право», 1959, № 4; Выступление на сессии ВИОН г.т. Перлова, Рошина, Гусева. «Труды».

новленными для предварительного следствия, за исключениями, исчерпывающе указанными в законе. Это означает, что все процессуальные формы, в которых происходит предварительное следствие, применимы и к деятельности органов дознания по тем делам, где предварительное следствие не является обязательным. Поэтому по таким делам орган дознания обязан предъявить обвинение обвиняемому, вынести о том специальное постановление, и ознакомить обвиняемого с материалами оконченного дознания.

Дознание оканчивается составлением обвинительного заключения или постановления о прекращении дела. Лицо, производящее дознание, вправе приостановить дело при наличии к тому оснований (ст. 109 УПК УССР, ст. 124 УПК РСФСР). Дело с обвинительным заключением направляется прокурору, в случае же прекращения или приостановления дела, орган дознания обязан в суточный срок уведомить о том прокурора, направив ему копию соответствующего постановления. Срок производства дознания устанавливается ст. 108 УПК УССР (ст. 121 УПК РСФСР) в один месяц. Продление этого срока в пределах до одного месяца производится прокурором области, а в РСФСР — наблюдающим прокурором. Дальнейшее продление срока производства такого дознания возможно лишь в исключительных случаях в порядке ст. 120 УПК УССР (ст. 133 УПК РСФСР).

Вместе с тем закон (ст. 105 УПК УССР, ст. 120 УПК РСФСР) устанавливает следующие особенности производства дознания по сравнению с предварительным следствием:

- 1) при производстве дознания защитник не участвует;
- 2) потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители не ознакомляются с материалами дела, а лишь уведомляются об окончании дознания и о направлении дела прокурору;
- 3) правила, установленные ст. 114 ч. 2 УПК УССР (ст. 127 ч. 2 УПК РСФСР), на органы дознания не распространяются.

Устанавливая эти особенности производства дознания, УПК УССР строго следовал положениям, сформулированным в Основах уголовного судопроизводства. Так, Основы, решая вопрос о допуске защитника в уголовный процесс, говорят в ст. 22 об участии защитника в предварительном следствии. Статьи 24, 25 и 26 Основ предоставляют право потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику, а также их представителям знакомиться с материалами дела по окончании предварительного следствия.

Часть 2 ст. 114 УПК УССР (ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР) воспроизводит часть 2 ст. 30 Основ уголовного судопроизводства, которая, как известно, предоставила следователю широкую процессуальную самостоятельность, очертив круг тех вопросов, по которым следователь вправе, получив письменные указания прокурора, не согласиться с ними и представить дело со своими соображениями вышестоящему прокурору. Последний может либо отменить указания прокурора, либо передать дело для производства другому следователю. В развитие ст. 30 Основ Генеральный прокурор СССР издал специальный приказ, в котором подчеркнул, что «следователь несет полную ответственность за законность и обоснованность своих решений»¹.

¹ Журнал «Социалистическая законность», 1960, № 7, стр. 50—51; О процессуальной самостоятельности следователя, см. М. М. Гродзинский. Процессуальное положение следователя. Журнал «Социалистическая законность», 1959, № 6; Л. Н. Гусев. Процессуальное положение следователя в советском уголовном процессе. В книге «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959; Г. Р. Гольст. Процессуальная самостоятельность следователя, его права и обязанности. Журнал «Советское государство и право», 1960, № 5.

Органы дознания не обладают такой процессуальной самостоятельностью и потому любые указания прокурора, данные в установленной законом форме, для них всегда обязательны (ст. 31 Основ). В связи с этим ст. 105 УПК УССР (ст. 120 УПК РСФСР) определяет, что при несогласии с указаниями прокурора орган дознания вправе обжаловать их вышестоящему прокурору, не приостанавливая выполнения этих указаний.

* * *

Рассмотренные в этой статье вопросы далеко не исчерпывают всех возникающих при производстве дознания проблем, исследование которых является одной из очередных задач науки уголовно-процессуального права.

Профессор М. М. ГРОДЗИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В БОРЬБЕ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС УССР

К числу многих примечательных явлений наших дней относится активное участие советской общественности в борьбе с правонарушениями, широкое и эффективное применение к правонарушителям мер общественного воздействия. Это находится в полном соответствии с принятой XXII съездом партии Программой КПСС, которая в особом разделе «Дальнейшее повышение роли общественных организаций. Государство и коммунизм» указывает, что «в период развернутого строительства коммунизма повышается роль общественных организаций» и что следует «расширять деятельность этих организаций по укреплению общественного порядка, особенно народных дружин, товарищеских судов»¹.

Деятельность народных дружин, взятие правонарушителей на поруки общественными организациями и коллективами трудящихся, деятельность товарищеских судов и комиссий по делам несовершеннолетних — все эти получившие широкое развитие формы участия общественности в борьбе с правонарушениями повлекли за собой определенные изменения соответствующих положений уголовно-процессуального права и вызвали к жизни некоторые новые положения, ранее законодательству неизвестные.

1. Предметная (родовая) подсудность является, по общему правилу, стабильной, так как закон четко и твердо определяет круг дел, рассматриваемых каждым отдельным звеном советской судебной системы. Но наряду с этим советский уголовный процесс знает, хотя, и в ограниченных пределах, подсудность, которая может быть названа факультативной и которая характеризуется тем, что отдельные уголовные дела могут быть разрешены либо одним, либо другим судом. Так, согласно 2 части ст. 34 УПК УССР областной суд может в известных случаях принять к своему производству дело, подсудное народному суду, а 2 часть ст. 35 УПК предоставляет Верховному суду принимать к своему рассмотрению в качестве суда первой инстанции любое дело, подсудное нижестоящим судам. Такое же право УПК РСФСР предоставляет каждому вышестоящему суду в отношении дел, подсудных судам нижестоящим (ст. 40).

¹ Программа и Устав КПСС. Госполитиздат, М., 1962, стр. 179, 183.

При наличии условий, указанных в законе, уголовное дело может быть не возбуждено, а уже возбужденное может быть прекращено с передачей материалов в товарищеский суд или в комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 8, 9 УПК УССР, ст. 7, 8, 10 УПК РСФСР). С другой стороны, товарищеский суд, признав при рассмотрении находящегося в его производстве дела, что правонарушитель должен быть привлечен к уголовной ответственности, сообщает об этом лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или суду для расследования и рассмотрения дела в общем порядке. Тем самым существенно расширяются пределы факультативной предметной подсудности, поскольку отдельные уголовные дела могут быть рассмотрены либо народным судом, либо судом товарищеским или же комиссией по делам несовершеннолетних.

В связи с этим возникает вопрос о дальнейшем движении дела, переданного из товарищеского суда в народный или наоборот — из народного суда в суд товарищеский.

Орган дознания, следователь, прокурор или суд, получив материалы из товарищеского суда, разрешают на общих основаниях вопрос о привлечении правонарушителя к уголовной ответственности (2 ч. ст. 8 УПК УССР). Поэтому такое сообщение товарищеского суда является лишь поводом к возбуждению уголовного дела и, следовательно, не влечет за собой обязательного рассмотрения этого дела народным судом. Но совсем иное положение создается там, где дело направлено в товарищеский суд лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом. Такое решение указанных органов о передаче дела на рассмотрение общественности является обязательным для товарищеского суда, который должен принять дело к своему производству и рассмотреть его в порядке, для товарищеского суда установленном. Стать на иную точку зрения, признать за товарищеским судом право отказаться от рассмотрения дела и возвратить его тому же лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или суду, от которых дело было получено, значило бы допустить споры, пререкания между указанными органами с одной стороны и товарищеским судом — с другой, создать возможность волокиты в производстве дел и совершенно ненужной, непроизводительной траты времени, сил и государственных средств.

2. Участие общественности в борьбе с правонарушениями повлекло за собой появление новых, прежнему законодательству неизвестных, оснований к отказу от возбуждения уголовного дела и новых оснований прекращения дела, которое уже было возбуждено.

Если малозначительное преступление совершено впервые и будет признано, что исправление виновного может быть достигнуто мерами общественного воздействия, то допускается отказ от возбуждения уголовного дела, а возбужденное дело может быть прекращено с передачей материалов на рассмотрение товарищеского суда (ст. 8 УПК УССР). Далее, допускается отказ от возбуждения дела, а равно прекращения дела с передачей его в комиссию по делам несовершеннолетних в тех случаях, когда исправление виновного возможно без применения мер уголовного наказания (ст. 9 УПК УССР). Наконец, уголовное дело может быть не возбуждено, а уже возбужденное может быть прекращено в связи с передачей правонарушителя на поруки общественной организации или коллективу трудящихся для перевоспитания и исправления (ст. 10 УПК УССР).

Институт передачи правонарушителя на поруки имеет уже свою историю, еще непродолжительную, но очень яркую. Он возник до изда-

ния новых уголовно-процессуальных кодексов союзных республик и тотчас же получил широкое применение на практике. Тогда же встал вопрос о правовой его природе.

Неудачная попытка раскрыть правовую сущность передачи правонарушителя на поруки принадлежит доктору юридических наук И. Д. Перлову, по мнению которого передача на поруки является мерой уголовного наказания и потому может быть применена только судом и только при вынесении обвинительного приговора¹.

Если бы передача правонарушителя на поруки представляла собой наказание, то она, как и всякая иная мера уголовного наказания, применялась бы, конечно, только по судебному приговору, которым подсудимый признан виновным в совершении определенного преступления. Однако видеть в передаче на поруки меру уголовного наказания нет решительно никаких оснований. Наказание, имея своей целью исправление и перевоспитание осужденных, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, в то же время является карой (ст. 20. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 22 УК УССР, ст. 20 УК РСФСР), передача же на поруки, как это совершенно очевидно, никаких элементов кары в себе не содержит. Наказание — это мера государственного принуждения, тогда как передача на поруки представляет собой меру общественного воздействия.

Передача правонарушителя на поруки общественной организации или коллективу трудящихся для перевоспитания и исправления не является наказанием и именно поэтому применяется судом не в приговоре, а в связи с прекращением дела и назначается не только судом.

Закон точно определяет те условия, при которых возможна передача правонарушителя на поруки. Таковы: незначительная общественная опасность деяния и лица, его совершившего; отсутствие тяжких последствий; совершение правонарушения впервые; чистосердечное раскаяние (и значит, признание) правонарушителя; ходатайство общего собрания соответствующей общественной организации или коллектива трудящихся. Передача на поруки не допускается в тех случаях, когда правонарушитель не признает себя виновным либо повторно совершил умышленное преступление, либо был уже однажды передан на поруки в связи с совершением преступления (ст. 51 УК УССР, ст. 10, 11 УПК УССР).

Отказать в возбуждении уголовного дела, а также прекратить дело, уже возбужденное, с направлением материалов в товарищеский суд или в комиссию по делам несовершеннолетних, либо в связи с передачей правонарушителя на поруки вправе лицо, производящее дознание, и следователь с согласия прокурора, прокурор и суд. Установив, что имеется ходатайство общего собрания соответствующей общественной организации или коллектива трудящихся о передаче правонарушителя на поруки и что ходатайство это подлежит удовлетворению, лицо, производящее дознание, или следователь выносит мотивированное постановление об отказе от возбуждения дела или о прекращении производства по уголовному делу, ранее возбужденному. Постановление это требует утверждения прокурора.

Может случиться, что ходатайство общественной организации или коллектива трудящихся будет возбуждено после того, как дознание или предварительное следствие закончено и дело уже передано прокурору. В этом случае прокурор, если он найдет возможным удовлетворить

¹ И. Д. Перлов. Отдача на поруки. Журн. «Советская юстиция», 1959, № 9.

указанное ходатайство, прекращает дело в порядке ст. 228 и 229 УПК УССР.

Если ходатайство о передаче правонарушителя на поруки будет отклонено в стадии дознания или предварительного следствия, дело в общем порядке поступит с обвинительным заключением в суд и обвиняемый будет предан суду единоличным постановлением судьи (ч. 1 ст. 237 УПК УССР). В тех же случаях, когда судья найдет, что ходатайство о передаче правонарушителя на поруки подлежит удовлетворению, дело должно быть рассмотрено распорядительным заседанием суда, которое вынесет определение либо о предании обвиняемого суду либо о передаче обвиняемого на поруки и о прекращении в связи с этим производства по уголовному делу (п. 2 ст. 242, ст. 244 УПК УССР).

В таком же порядке должно быть рассмотрено ходатайство общественной организации или коллектива трудящихся о передаче правонарушителя на поруки в тех случаях, когда ходатайство это возбуждено после того, как дело от прокурора уже поступило в суд, но предание обвиняемого суду еще не состоялось.

Отклонение прокурора или распорядительным заседанием суда ходатайства о передаче обвиняемого на поруки не связывает суд в данном вопросе при рассмотрении дела в стадии судебного разбирательства. Поэтому если в деле имеется такое ходатайство, отклоненное в предшествующих стадиях процесса, суд обязан его рассмотреть и разрешить в том или ином смысле. Это же относится и к тем ходатайствам, которые были возбуждены общественной организацией или коллективом трудящихся после того как обвиняемый уже был предан суду.

Не вызывает сомнений право суда прекратить дело в ходе судебного следствия и вынести определение о передаче правонарушителя на поруки, либо прекратить дело и направить имеющиеся в нем материалы на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних. Но может ли сделать это суд в совещательной комнате, куда он удалился для постановления приговора? Статья 282 УПК УССР говорит общим образом о прекращении дела во время судебного разбирательства и потому положение это полностью относится и к постановлению приговора, которое является одной из частей данной стадии процесса. К этому следует добавить, что возможность и целесообразность прекращения дела и назначения мер общественного воздействия вместо наказания может быть в ряде случаев выявлена наиболее очевидно и убедительно именно после того, как дело полностью рассмотрено и заслушаны судебные прения и последнее слово подсудимого.

Прекращение дела и направление его на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних возможно также в кассационном и надзорном производстве. Это же относится и к прекращению дела в связи с передачей правонарушителя на поруки тогда, когда в деле имеется ходатайство общественной организации или коллектива трудящихся, которое было отклонено в предшествующих стадиях процесса или же было возбуждено после того как дело было уже разрешено судом первой инстанции. Во всех указанных случаях применение мер общественного воздействия вместо мер уголовного наказания является новым, прежнему законодательству неизвестным, основанием к отмене приговора в кассационном порядке и в порядке судебного надзора.

Говоря об основаниях прекращения дела в кассационной инстанции, закон (ст. 373 УПК УССР) ссылается на ст. 6, 7, 8 и 10 кодекса и не

упоминает о ст. 9-й. Получается, что кассационная (а, следовательно и надзорная) инстанция вправе прекратить дело в связи с направлением материалов в товарищеский суд или в связи с передачей правонарушителя на поруки, но не может сделать это по основаниям, указанным в ст. 9, т. е. в связи с направлением материалов в комиссию по делам несовершеннолетних. В то же время право это предоставлено лицу, производящему дознание, и следователю с согласия прокурора, а также суду первой инстанции в распорядительном заседании и в судебном разбирательстве. Ясно, что нет решительно никаких оснований ограничивать полномочия вышестоящего суда в данной области и суживать его права по сравнению с теми правами, какие предоставлены суду нижестоящему. Поэтому отсутствие в ст. 373 УПК ссылки на ст. 9 следует рассматривать только как чисто реакционный пробел, который, если в том возникает необходимость, будет легко восполнен судебной практикой.

Находя нужным не возбуждать уголовное дело или же прекратить дело, которое было ранее возбуждено, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд должны выяснить мнение потерпевшего по данному вопросу. Согласие потерпевшего не требуется, но он должен быть извещен о том, что дело не будет возбуждено или же, что оно прекращено, и имеет право обжаловать соответствующее постановление или определение (ст. 12 УПК УССР).

Жалоба потерпевшего на вынесенное с согласия прокурора постановление лица, производящего дознание, или следователя, равно как и жалоба на постановление прокурора об отказе в возбуждении дела либо о прекращении дела, подлежит рассмотрению вышестоящего прокурора, определение же суда может быть обжаловано потерпевшим в вышестоящий суд. Это положение, содержащееся в ст. 12 УПК УССР, полностью распространяется на определения, выносимые судом как в распорядительном заседании, так и в стадии судебного разбирательства, и частная жалоба потерпевшего, принесенная на такое определение, будет рассмотрена на общих основаниях (ст. 252, 282, 354, 383 УПК УССР). Но, как было указано выше, прекращение дела с передачей материалов в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних или же в связи с передачей правонарушителя на поруки может иметь место также и в кассационном и надзорном производстве. Определение или постановление вышестоящего суда, конечно, не может быть обжаловано потерпевшим и для него поэтому остается только одна возможность добиваться отмены прекращения дела — это обращение к соответствующему должностному лицу, имеющему право принесения протеста в порядке судебного надзора.

3. Участие общественности в борьбе с правонарушениями вызвало появление в законе наряду с новыми основаниями прекращения дела также и новых оснований возобновления дела, прекращенного производством.

Такое возобновление уголовного дела исключается при передаче материалов на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних, но оно может встретиться там, где дело прекращено в связи с передачей правонарушителя на поруки общественной организации или коллективу трудящихся для перевоспитания и исправления. Передача на поруки не может по самой сути своей продолжаться неопределенное время и закон, учитывая это, ограничивает продолжительность данной меры общественного воздействия одним годом. При успешном истечении этого срока ранее вынесенное постановление или определение об отказе в возбуждении дела или о прекра-

шении дела остается в силе и тем самым разрешается окончательно вопрос о деянии, совершенном правонарушителем. Если же переданный на поруки правонарушитель не оправдал в течение года доверия коллектива, нарушил свое обещание исправиться и не подчиняется нормам социалистического общества или же оставил работу, чтобы таким путем уклониться от общественного воздействия, то общественная организация или коллектив трудящихся может отказаться от поручительства и правонарушитель может быть привлечен к уголовной ответственности (ст. 13 УПК УССР). В последнем случае производство по делу, в возбуждении которого было ранее отказано, начинается в общем порядке, а дело, которое было прекращено, возобновляется.

Согласно ст. 8 УПК РСФСР дело возобновляется постановлением прокурора или определением распорядительного заседания суда. Порядок этот вполне приемлем тогда, когда речь идет о возобновлении дела, которое ранее было прекращено лицом, производящим дознание, или следователем с согласия прокурора, либо прокурором или же судом в распорядительном заседании либо в стадии судебного разбирательства. Но затруднения возникнут там, где появится необходимость возобновить дело, которое было прекращено в кассационной или надзорной инстанции. В этом случае допустить возобновление дела определением распорядительного заседания значит по сути предоставить суду первой инстанции право аннулировать, отменить ранее вынесенное определение или постановление вышестоящего суда, что в корне противоречит установленному в советском уголовном процессе порядку отмены определений и постановлений кассационных и надзорных инстанций. Поэтому более правильным и удачным является решение данного вопроса, принятое УПК Украинской ССР, который в ст. 13 указывает, что дело, ранее прекращенное производством, возобновляется постановлением прокурора, либо в порядке судебного надзора.

4. Доказывание, заключающееся в собирании, закреплении, рассмотрении и оценке доказательств, составляет основное содержание всей процессуальной деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. В настоящее время в доказывании, и тем самым в известной мере в процессуальной деятельности, принимает участие общественность. Участие это выражается в том, что общественные организации, коллективы трудящихся, а также отдельные граждане, действующие в общественных интересах, сообщают лицу, производящему дознание, следователю, прокурору и суду сведения о том, где, когда и каким образом могут быть выявлены и собраны средства доказывания, имеющие значение для дела, необходимые для всестороннего, полного и объективного его исследования. Это характерное для наших дней явление первоначально возникло на практике и затем получило свое выражение в уголовно-процессуальном законодательстве (2 ч. ст. 66 УПК УССР, ч. 2, ст. 70 УПК РСФСР). В предварительном расследовании, где собирание доказательств занимает наиболее видное место сравнительно с другими стадиями процесса, такое участие общественности в доказывании является особенно ценным, как об этом свидетельствует следственная практика¹.

Советские органы расследования, прокуратура и суд обязаны не только раскрыть совершившееся преступление и изобличить всех причастных к нему лиц, но выяснить также ту обстановку, в которой

¹ А. Васильев. Участие общественности в расследовании преступлений. Журн. «Социалистическая законность», 1959, № 10. С. П. Митричев. Привлечение общественности к расследованию преступлений. Журн. «Советское государство и право», 1959, № 10. Е. Макашов. И. Герштейн. Участь громадськості у розкритті особливо небезпечних злочинів. Журн. «Радянське право», 1960, № 5.

было совершено преступление, те условия и обстоятельства, которые ему способствовали. На это указал Пленум Верховного суда СССР еще в своем постановлении № 5 от 28 мая 1954 г.: «При рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности суды должны на основе тщательного исследования обстоятельств дела выяснить причины, способствовавшие хищениям, и доводить частными определениями до сведения соответствующих органов о выявленных недостатках (плохая постановка учета, охраны имущества и т. п.) для их устранения, а в необходимых случаях выносить частные определения о привлечении виновных к дисциплинарной или уголовной ответственности»¹.

Пленум Верховного суда СССР говорил только о выяснении обстановки, в которой были совершены хищения государственного или общественного имущества. Но с таким же основанием положение это может и должно быть отнесено ко всем вообще уголовным делам. Поэтому закон требует, чтобы при производстве дознания, предварительного следствия и в судебном разбирательстве были каждый раз выяснены и условия, способствовавшие совершению преступления (ч. 1 ст. 23 УПК УССР, ст. 21 УПК РСФСР). Задача эта может быть наиболее успешно решена только с участием общественности, с помощью членов той общественной организации или коллектива трудящихся, где находился, работал виновный. Исходя из этого, Уголовно-процессуальный кодекс УССР (ч. 2 ст. 23) содержит в себе специальное указание о том, что суд, прокурор, следователь и органы дознания должны широко использовать помощь общественности для выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также для предотвращения и раскрытия преступлений и при розыске преступников.

5. Не ограничиваясь участием общественности в выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, законодатель предусматривает возможность обращения к помощи общественности там, где это необходимо для правильного исследования других моментов дела и, в частности, для получения правильной характеристики правонарушителя и совершенного им деяния. Согласно ч. 3, ст. 23 УПК УССР орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны в соответствующих случаях известить общественную организацию или коллектив трудящихся о том, что их членом совершено преступление или антиобщественный поступок, с тем, чтобы действия правонарушителя были обсуждены на общем собрании, после чего мнение общественности может быть учтено при решении вопроса об уголовной ответственности данного лица.

6. Институт общественных обвинителей и общественных защитников возник в советском уголовном процессе еще на заре его истории и был закреплен в многих законодательных актах, в том числе, в первых уголовно-процессуальных кодексах РСФСР и УССР 1922 г. (ст. 54, 57). В настоящее время институт этот создан по сути заново и представляет собой едва ли не самое яркое выражение участия общественности в борьбе за охрану и дальнейшее укрепление социалистической законности.

Задача общественного обвинителя и соответственно общественного защитника, участвующих в судебном разбирательстве, заключается в том, чтобы способствовать выяснению обстоятельств, характеризующих подсудимого и совершенное им деяние, довести до сведения суда мнение коллектива о правонарушителе, его характеристику и общественную оценку. Тем самым общественный обвинитель и обще-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1954, № 4, стр. 3.

ственный защитник содействует всестороннему, полному и объективному исследованию дела и правильному его разрешению. Одновременно участие общественного обвинителя и общественного защитника в деле усиливает, поднимает на высшую ступень воспитательное воздействие судебного разбирательства и выносимого судом приговора¹.

Для того, чтобы общественный обвинитель и общественный защитник успешно выполнили возложенные на них обязанности, им должна быть обеспечена реальная возможность активно участвовать в судебном разбирательстве. Поэтому закон наделяет общественного обвинителя и общественного защитника широкими процессуальными правами, в том числе правом излагать суду свои соображения по всем вопросам, возникающим в деле, включая вопрос о доказанности обвинения, о степени общественной опасности виновного и совершенного им деяния, о квалификации преступления и мере наказания. В частности, общественный защитник может изложить суду соображения о целесообразности смягчения наказания, об условном осуждении подсудимого, об освобождении его от наказания, о передаче его на поруки той общественной организации или тому коллективу трудящихся, по поручению и полномочию которого общественный защитник принимает участие в деле (ст. 265 УПК УССР, ст. 250 УПК РСФСР).

В связи с участием общественности в борьбе с правонарушениями по новому разрешены и некоторые другие вопросы советского уголовного процесса.

7. Как было уже сказано, передача правонарушителя на поруки общественной организации или коллективу трудящихся для перевоспитания и исправления допускается лишь тогда, когда правонарушитель признал совершение им данного деяния и чистосердечно в нем раскаялся. Признание обвиняемого (либо подозреваемого), как и всякое иное его показание, является одним из средств доказывания в советском уголовном процессе (2 ч. ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, 2 ч. ст. 65 УПК УССР, 2 ч. ст. 69 УПК РСФСР) и полностью сохраняет, конечно, эту свою процессуальную сущность в тех делах, в которых возникает вопрос о передаче правонарушителя на поруки. Поэтому в указанных случаях признание обвиняемого (подозреваемого) подлежит, как и всегда, оценке по внутреннему убеждению лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, в производстве которых находится дело. И только там, где это признание окажется правдивым и правдивым, а раскаяние правонарушителя искренним и действительно чистосердечным, он может быть передан на поруки общественной организации или коллективу трудящихся. Тем самым признание обвиняемого (подозреваемого), оставаясь средством доказывания, одновременно приобретает — в сочетании с чистосердечным раскаянием — новое значение, новую процессуальную сущность, именно становится одним из условий передачи правонарушителя на поруки общественной организации и коллективу трудящихся и притом условием непременно и всегда обязательным.

Бесспорным и непреложным являлось ранее правило, согласно которому определенное лицо может быть признано виновным не иначе, как обвинительным приговором суда. В настоящее время положение

¹ Д. С. Карев. Общественные обвинители и общественные защитники. Сборник «Советская общественность на страже социалистической законности». М., 1960. А. Л. Ривлин. Общественное обвинение в суде. Журн. «Советское государство и право», 1960, № 9. А. А. Поляк. Об участии общественных защитников в судебном процессе. Там же.

вещей существенно меняется. Как уже говорилось, лицо, производящее дознание, и следователь (с согласия прокурора), сам прокурор, а также суд вправе при наличии соответствующих условий прекратить уголовное дело и передать правонарушителя на поруки общественной организации или коллективу трудящихся. Но на поруки может быть передан только тот, кто действительно совершил преступление, кто виновен в его совершении, как это прямо и указывает закон (ст. 10 УПК УССР, ст. 9 УПК РСФСР). Отсюда следует, что признать доказанным наличие преступления и совершение его обвиняемым могут, в отличие от ранее существовавшего порядка, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, а также, суд в своем определении о прекращении дела в стадии предания суду или в стадии судебного разбирательства.

* * *

Расширение факультативной предметной подсудности, новые, неизвестные ранее действовавшему законодательству, основания прекращения уголовных дел и основания их возобновления, участие общественности в доказывании в различных стадиях процесса, в том числе в стадии судебного разбирательства, особое процессуальное значение признания обвиняемого (подозреваемого), новый порядок признания в некоторых случаях лица виновным в совершении преступления, — все эти изменения, внесенные в советский уголовный процесс являются вполне закономерными и целесообразными. Они вызваны к жизни широко развивающимся и имеющим чрезвычайно важное значение участием общественности в борьбе с правонарушениями, в борьбе за советскую законность и соблюдение правил социалистического общежития.

Ассистент Д. А. ПОСТОВОЙ

ОТНОШЕНИЕ ПРИГОВОРА К ОБВИНИТЕЛЬНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Предметом судебного разбирательства в советском уголовном процессе является обвинение, сформулированное в стадии предварительного расследования и изложенное в заключительном акте этой стадии — в обвинительном заключении.

Первоначально обвинение формулируется в постановлении следователя¹ о привлечении данного лица в качестве обвиняемого (ст. 131, 132 УПК УССР; ст. 143, 144 УПК РСФСР). Это обвинение может быть опровергнуто, подтверждено, изменено или дополнено на основании материалов дальнейшего расследования. Если первоначальное обвинение нашло подтверждение в ходе расследования, либо было изменено или дополнено в порядке, предусмотренном ст. 141 УПК УССР (ст. 154 УПК РСФСР), оно излагается в обвинительном заключении по окончании предварительного расследования.

Обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, может быть в свою очередь изменено прокурором при утверждении обвинительного заключения (ст. 231 УПК УССР; ст. 215 УПК РСФСР), а равно распорядительным заседанием в стадии предания суду (ст. 245 УПК УССР; ст. 227 УПК РСФСР).

Являясь актом, завершающим предварительное расследование и формулирующим его итоги, на основании которых обвиняемый подлежит преданию суду, обвинительное заключение является вместе с тем программой судебного разбирательства и как бы проектом будущего приговора. Это находит свое выражение в том, что обвинение, сформулированное в обвинительном заключении и признанное судом законным и обоснованным, полностью принимается приговором. В остальных случаях либо приговор принимает в измененном виде обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, либо дело направляется на доследование, либо выносится оправдательный приговор.

Измененное обвинение может быть положено в основу приговора лишь при том условии, что оно не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту (ст. 42 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 277 УПК УССР; ст. 254 УПК РСФСР). Если же изменение обвинения может повлечь за собой хотя бы одно из этих последствий, дело должно быть направлено на доследование для предъявления нового обвинения, допроса обви-

¹ Здесь и в дальнейшем под следователем разумеются также и органы дознания.

няемого, производства необходимых следственных действий и предания обвиняемого суду в общем порядке.

В отличие от этого, ранее действовавшее законодательство не ограничивало никакими условиями прав суда на изменение обвинения в сторону смягчения. Более того, обвинение могло быть изменено и в сторону неблагоприятную для подсудимого, если ни одна из сторон не возбуждала ходатайства о направлении дела на доследование (ст. 22 Основ уголовного судопроизводства 1924 г.; ст. 291 УПК УССР 1927 г.; ст. 313 УПК РСФСР 1923 г.). Эти нормы, как не обеспечивавшие интересов правосудия, неоднократно подвергались критике в советской литературе¹ и не применялись на практике уже задолго до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и новых УПК союзных республик.

Пленум Верховного суда СССР еще в постановлении от 7 июня 1939 года по делу Сергиенко сформулировал следующее общее положение: «В случае обнаружения в судебном заседании необходимости изменения формулировки обвинения, влекущего за собой более тяжкое наказание, суд должен был приостановить дело слушанием и направить его для предъявления нового обвинения и предания суду»².

Необходимость предъявления нового обвинения и производства дополнительного расследования в случаях изменения фактического содержания обвинения в сторону отягчения вызывается тем, что новые факты, отягчающие обвинение, всегда нуждаются в проверке и исследовании. Между тем такая проверка и исследование чрезвычайно затруднительны, а зачастую и вовсе невозможны в судебном разбирательстве. Это в полной мере относится и к тем случаям, когда при тех же фактических обстоятельствах обвинения необходимо применить закон о более тяжком преступлении.

Формулировка обвинения и квалификация преступления являются составными частями или элементами обвинения в материально-правовом смысле слова. Между тем УПК РСФСР 1923 года (ч. 1, ст. 313) под формулировкой обвинения понимал как изложение фактических обстоятельств обвинения, так и юридическую квалификацию преступления. Это и давало в ряде случаев повод к отождествлению понятий «формулировка обвинения» и «обвинение» в советской юридической литературе, что нельзя признать правильным³.

Редакция ст. 42 и 36 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года не оставляет сомнений в том, что закон четко разграничивает понятия формулировки обвинения и обвинения. Так, ст. 42 Основ говорит об изменении обвинения при рассмотрении дела по существу. Статья 35 Основ, регулируя права распорядительного заседания суда, также намечает границы допустимого в данной стадии процесса изменения обвинения. Считая возможным, в частности, изменение квалификации преступления распорядительным заседанием суда в сторону смягчения, закон не допускает при этом изменения формулировки обвинения. Отсюда следует, что Основы рассматривают

¹ Проф. М. С. Строгович. Уголовный процесс, 1946 г., стр. 114; М. И. Бажанов. Изменение формулировки обвинения в стадии судебного разбирательства «Социалистическая законность», 1953, № 3, стр. 32; Е го же: Изменение обвинения в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1954, стр. 39. Е. А. Матвиенко. Изменение обвинения и привлечение к уголовной ответственности новых лиц в суде первой инстанции. «Ученые записки» Белорусского госуниверситета им. В. И. Ленина, вып. 25, серия юридическая, Минск, 1955, стр. 167.

² Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР. М., 1948, стр. 252.

³ См., например, М. И. Бажанов. Изменение обвинения в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1954, стр. 36.

формулировку обвинения и квалификацию преступления как отдельные элементы обвинения. Эта же терминология воспринята и новыми УПК союзных республик (ст. 277 и 245 УПК УССР; ст. 254 и 227 УПК РСФСР).

Резюмируя свои соображения по вопросу об изменении обвинения на судебном следствии, проф. М. С. Строгович говорит о тех случаях, когда «обнаруживаются обстоятельства... влекущие изменение формулировки обвинения, то есть квалификации инкриминируемого подсудимому деяния»¹. Тем самым проф. Строгович отождествляет формулировку обвинения и квалификацию преступления.

Такое отождествление также нельзя признать правильным. Обвинение включает в себя: 1) формулировку обвинения, то есть краткое изложение фактических обстоятельств дела, содержащих в себе признаки того или иного состава преступления, и 2) квалификацию преступления, то есть ссылку на соответствующую статью уголовного закона, предусматривающую признаки преступления, указанные в формулировке обвинения. Каково же соотношение между этим элементом обвинения?

Совершенно очевидно, что квалификация преступления является логическим выводом из формулировки обвинения, вытекает из нее. Между тем, отождествление их ставит знак равенства между ними. В отличие от профессора Строговича доктор юридических наук И. Д. Перлов пишет: «Изменение формулировки обвинения, как следствие изменения квалификации преступления (разрядка моя.—Д. П.), необходимо тогда, когда первоначальное и последующее обвинение неоднородны»².

Не касаясь значения однородности и разнородности преступлений для решения вопроса о допустимости изменения обвинения, следует отметить, что в этом высказывании автора формулировка обвинения и квалификация преступления, как составные части обвинения, поставлены в зависимость прямо противоположную естественной. Если следовать логике автора, то пришлось бы всегда заранее определять квалификацию преступления, а затем «подгонять» под нее факты, входящие в формулировку обвинения. Несомненно, что этого не мог иметь в виду И. Д. Перлов.

Неточной является и формулировка проф. М. А. Чельцова об «изменении квалификации преступления, которое влечет за собой существенное изменение характера обвинения»³. Не изменение квалификации преступления, а изменение фактических обстоятельств дела влечет за собой изменение существа обвинения. При этом изменяется формулировка обвинения и, как следствие ее изменения,— квалификация преступления. Подчеркивая это положение, ч. 3, ст. 277 УПК УССР (ч. 3, ст. 254 УПК РСФСР) говорит, что «не допускается изменение обвинения в суде на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому обвиняемый предан суду».

Статья 232 УПК Казахской ССР 1959 г. также усматривает изменение существа обвинения в фактических его обстоятельствах. «Если данные судебного следствия указывают на необходимость изменить первоначально предъявленное обвинение на новое, предусматривающее более мягкое наказание, суд продолжает дело слушанием и может по-

¹ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Изд. Академии наук СССР, М., 1958, стр. 428.

² Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Госюриздат, 1960, стр. 213.

³ Проф. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 343.

становить приговор по новому обвинению при условии, если последнее охватывается фактическими данными первоначально предъявленного обвинения».

В ряде случаев изменение формулировки обвинения хотя и не влечет за собой изменения квалификации преступления, но может иногда оказать влияние на меру наказания в сторону ее усиления либо смягчения, как, например, в случаях резкого увеличения либо уменьшения приписываемой обвиняемому суммы растраты. Возможность наступления этих последствий и должна учитываться судом в каждом конкретном случае при решении вопроса о допустимости изменения формулировки обвинения.

Таким образом, основное значение при изменении обвинения имеют фактические обстоятельства дела и вытекающая из них формулировка обвинения. Лишь в виде исключения может иметь место изменение квалификации преступления при тех же фактических обстоятельствах. Необходимость исправления ошибок квалификации без изменения формулировки обвинения при рассмотрении дела по существу очень редко встречается в практике, так как по общему правилу изменение квалификации, в том числе и в сторону смягчения, является следствием изменения формулировки обвинения. Именно в этих случаях критерием возможности и допустимости изменения обвинения в целом и служит второе условие, содержащееся в ст. 42 Основ, а именно: недопущение нарушения права обвиняемого на защиту.

Изменение квалификации в сторону смягчения облегчает положение подсудимого в смысле грозящего ему наказания. Следовательно, препятствием к такому изменению обвинения может быть лишь нарушение права обвиняемого на защиту. Нарушение это, конечно, не может иметь места при неизменности фактических обстоятельств дела и вытекающей из них формулировки обвинения. Оно возможно лишь как следствие изменения фактических обстоятельств дела и вытекающей из них формулировки обвинения.

Совершенно правильно отмечал по этому поводу Н. М. Гореватый, что, «если изменение формулировки обвинения связано с новыми обстоятельствами обвинения, к защите против чего подсудимый не подготовлен, или которые нуждаются в расследовании, дело подлежит направлению на дополнительное расследование, хотя бы новая формулировка обвинения не была связана с применением более тяжкого наказания. Если же изменение формулировки обвинения не связано с новыми обстоятельствами обвинения, то нет необходимости направления дела для производства дополнительного расследования»¹. Именно так и решает данный вопрос советская судебная практика.

Никонов обвинялся в присвоении 90 515 рублей² кооперативных средств, но «суд признал Никонова виновным в расхищении 20 285 руб., а присвоение 70 230 руб. нашел недоказанным. В то же время суд установил, что недостача материальных ценностей на указанную сумму (90 515 руб.— Д. П.) образовалась не только вследствие их расхищения Никоновым, но и в связи с тем, что он халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей. Таким образом, суд изменил первоначальное обвинение и вынес в отношении Никонова приговор по новой формулировке обвинения». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело в кассационном порядке,

¹ Н. М. Гореватый. Подготовка и проведение судебного следствия. Госюриздат, 1955, стр. 103—104.

² В данном и последующих примерах размер похищенного указан в старом, то есть до 1 января 1961 года, масштабе цен.

признала, что суд нарушил ст. 311 УПК РСФСР 1923 года и в связи с этим приговор по делу отменила. Однако Президиум Верховного суда РСФСР нашел этот вывод коллегии необоснованным, так как «суд вправе выносить приговор по новой формулировке обвинения в тех случаях, когда изменение первоначального обвинения не влечет за собой более тяжкого наказания» и, добавив от себя, не нарушает права обвиняемого на защиту. На этом основании постановлением от 11 марта 1960 г. Президиум Верховного суда РСФСР определение коллегии отменил и направил дело на новое кассационное рассмотрение¹.

Таким образом, пределы компетенции суда, рассматривающего дело по существу, не ограничены правом изменить лишь квалификацию преступления в сторону смягчения при тех же фактических обстоятельствах. Суд вправе изменить в этом же направлении формулировку обвинения, независимо от того, влечет ли это изменение более мягкую квалификацию или не влечет. Недопустимо лишь существенное изменение фактической стороны обвинения.

Различные варианты изменения обвинения могут быть сведены к следующим:

1) включение в формулировку обвинения или исключение из нее некоторых фактов: а) не влекущих изменения квалификации преступления, но могущих оказать влияние на избрание подсудимому меры наказания; б) влекущих за собой изменение квалификации преступления в сторону ее усиления либо смягчения;

2) замена в формулировке обвинения некоторых фактов новыми, влекущими за собой изменение квалификации в сторону ее отягчения или смягчения;

3) замена первоначального обвинения в целом новым равнозначным по тяжести или более либо менее тяжким обвинением;

4) изменение квалификации преступления как в сторону усиления, так и в сторону смягчения, при той же формулировке обвинения.

Рассмотрим эти варианты изменения обвинения на примерах из практики судебных органов.

1. Изменение первоначальной формулировки обвинения может иметь место вследствие включения в нее новых дополнительных фактов, не вызывающих изменения квалификации, но влекущих за собой возможное усиление ответственности подсудимого в пределах санкции данной статьи уголовного закона. Недопустимость такого изменения в судебном разбирательстве неоднократно подчеркивалась в определениях Верховного суда СССР.

Так, в определении по делу Шаулова судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала: «Шаулову вменялось в вину то, что он от реализации вина извлек материальную выгоду: в 1949 г. — 9505 руб., в 1950 г. — 5661 руб. и в 1951 г. — 7236 руб., а всего за три года — 22 406 руб. Народный же суд в нарушение ст. 311 УПК РСФСР (1923 г. — Д. П.) признал, что Шаулов за указанные три года от реализации вина имел материальную выгоду в сумме 101 899 руб. Между тем такое обвинение не предъявлялось Шаулову по обвинительному заключению, более того, оно не вытекает из материалов дела»².

Аналогичные нарушения отмечены Президиумом Верховного суда УССР по делу Деркача³. Судебной коллегией по уголовным делам

¹ «Советская юстиция», 1960, № 7, стр. 30—31.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1953, № 6, стр. 15—17.

³ «Социалистическая законность», 1960, № 6, стр. 90.

Верховного суда СССР по делу Пашкова и Сотниковой¹, по делу Ткаченко и других².

Изменение формулировки обвинения в приведенных случаях имело место вследствие включения в нее новых фактов, которые не повлекли за собой изменения квалификации преступления. Однако эти новые факты на предварительном расследовании не исследовались и в судебном разбирательстве обвиняемый не мог против них защищаться, поскольку они ранее в вину ему не вменялись. Поэтому признание указанных фактов приговором не только ухудшает положение подсудимого, но и нарушает его право на защиту.

Таким же путем первоначальное обвинение может быть изменено и в сторону смягчения. Признание судом некоторых фактов первоначального обвинения недоказанными, исключение этих фактов из обвинения может повлечь за собой изменение формулировки обвинения в сторону смягчения без изменения квалификации преступления.

Так, приговором народного суда 2 участка Ленинского района г. Харькова от 30 ноября 1957 г. Братков был осужден по ст. 135—4 УК УССР 1926 года и ст. 97 УК УССР по обвинению в том, что, работая заведующим магазином № 24 ОРСа НОД—2 в г. Харькове, реализовал крахмал стоимостью 4 руб. 40 коп. за 1 кг по цене 6 руб. 80 коп. за 1 кг, а также смешивал сухофрукты стоимостью 15 руб. 90 коп. за 1 кг и 12 руб. 80 коп. за 1 кг и отпускал эту смесь в продажу по цене 15 руб. 90 коп. за килограмм. Кроме того, злоупотребляя служебным положением, Братков выдавал из магазина своим работникам продукты в кредит. На день ревизии было выдано таким путем продуктов на сумму 806 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Харьковского областного суда, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, пришла к выводу о недоказанности обвинения Браткова в реализации смеси сухофруктов по завышенной цене и в связи с этим приговор изменила, исключив из него указанное обвинение³. Очевидно, что такое изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту. Поэтому оно может быть произведено непосредственно судом без направления дела на доследование. Оно допустимо также и при пересмотре приговора вышестоящим судом как в кассационном порядке, так и в порядке судебного надзора.

Судебным следствием могут быть установлены такие новые факты, которые влекут за собой изменение не только формулировки обвинения, но и квалификации преступления как в сторону отягчения, так и в сторону смягчения.

Симонян был осужден за покушение на разбойное нападение при отягчающих обстоятельствах. Отменив приговор по делу, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала в своем определении: «Следственные органы квалифицировали преступление Симоняна по ст. 17 УК Грузинской ССР — ч. 2 ст. 1 Указа от 4 июня 1947 года. По этой же статье Симонян был предан суду на подготовительном заседании. Суд же при вынесении приговора осудил Симоняна по ч. 2 ст. 2 этого Указа, санкция которой предусматривает более тяжкую меру наказания, чем ч. 2 ст. 1 Указа. Между тем, указав, что по делу имеются обстоятельства, дающие основания для применения

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1951, № 12, стр. 8—9.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1954, № 2, стр. 26—28.

³ Архив Харьковского областного суда, дело № 2/65 за 1958 год.

ч. 2 ст. 2 названного Указа, суд в силу ст. 311 УПК Грузинской ССР должен был обратиться дело к доследованию»¹.

В ряде случаев включение судом новых фактов в формулировку обвинения может повлечь за собой изменение квалификации преступления в сторону смягчения. Так, приговором народного суда 2 участка Краснозаводского района г. Харькова Бессонов Владимир был осужден по ст. 146 УК УССР 1926 года за то, что 1 января 1958 г. в 22 часа вмешался в драку между Бельским Петром и Чернавиным Ефимом с одной стороны и своим братом Бессоновым Василием — с другой стороны, нанес удар Бельскому Петру, а его жену Бельскую Ольгу ударил столовым ножом в спину, причинив ей тяжкие телесные повреждения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, судебная коллегия по уголовным делам Харьковского областного суда нашла: «Судом установлено, что 1 января 1958 года семья Бессоновых находилась в вечернее время у себя дома и смотрела телепередачу. Около 22 часов к дому Бессоновых явились Чернавин и Бельский, которые были в нетрезвом состоянии, а также их жены, которые подозревали, что брат осужденного — Бессонов Василий завязал колючей проволокой дверь квартиры Чернавиных. Явившиеся начали стучать в двери квартиры Бессоновых, а когда мать осужденного — Бессонова Марфа открыла дверь, Бельский и Чернавин избили ее, причинив ей легкие телесные повреждения. Кроме того, указанные лица ворвались в комнату Бессоновых, вытащили оттуда Бессонова Василия во двор, где затеяли с ним скандал, а затем драку. Когда лежавший в постели Бессонов Владимир оделся и вышел во двор, чтобы прекратить драку, на него напала Бельская Ольга, которая нанесла ему оскорбления и вырвала из рук костыль, с помощью которого он ходит. После этого осужденный и нанес ей удар ножом, причинив тяжкие телесные повреждения.

Учитывая обстановку, в которой совершено это преступление, а также взаимоотношения, сложившиеся между всеми указанными выше лицами, коллегия считает, что осужденный действовал в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконными действиями, в том числе и насилием со стороны соучастников потерпевшей и самой потерпевшей над родственниками осужденного и его личностью. В связи с этим действия Бессонова Владимира надлежит квалифицировать по ст. 148 УК УССР»².

2. Обвинение может быть изменено в сторону отягчения либо смягчения путем замены в первоначальной формулировке некоторых фактов новыми, влекущими за собой усиление либо смягчение квалификации преступления.

Приговором народного суда 5 участка Краснозаводского района г. Харькова Жуйборода был осужден по ч. 2 ст. 70 УК УССР 1926 г. за то, что 13 мая 1958 г. в 16 часов во дворе дома № 4 по улице Елизаветинской в г. Харькове из хулиганских побуждений бросил тарелку и ударом этой тарелки по ноге гр-ки Давиденко причинил ей менее тяжкие телесные повреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Харьковского областного суда изменила приговор по кассационной жалобе осужденного по следующим основаниям: «Материалами дела установлено, что Жуйборода и Давиденко являются сособственниками домовладения, что на почве пользования помойной ямой между ними существуют неприязненные

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952, № 3, стр. 26—27.

² Архив Харьковского областного суда, дело № 2/577 за 1958 год.

взаимоотношения. 18 мая 1958 года, когда Давиденко несла помой, Жуйборода предупредил ее, чтобы она не лила их в его яму. Когда же, несмотря на предупреждение, Давиденко вылила помой, Жуйборода бросил в нее тарелку и ударом этой тарелки по ноге потерпевшей причинил ей менее тяжкие телесные повреждения. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что по делу ничем не подтвержден умысел Жуйбороды на явное неуважение к обществу при совершении описанных выше действий или хулиганский мотив этих действий, их надлежит квалифицировать как преступление против личности, то есть по статье 147 УК УССР¹.

В данном случае формулировка обвинения была изменена вследствие исключения из нее одного факта (наличие хулиганских побуждений) и включения в нее другого факта (неприятные взаимоотношения обвиняемого и потерпевшей).

3. Всегда имеется нарушение права обвиняемого на защиту там, где первоначальное обвинение опровергнуто в ходе судебного разбирательства и подсудимый в этой части подлежит оправданию, но вместе с тем судом установлены новые факты, образующие состав иного преступления, совершение которого не вменялось в вину подсудимому на предварительном расследовании.

Совершенно ясно и бесспорно, что замена первоначального обвинения более тяжким недопустима. Это вытекает из ст. 42 Основ. Но недопустима такая замена и тогда, когда новое обвинение является таким же тяжким, как и первоначальное, либо менее тяжким, но в то же время совершенно иным по своим фактическим обстоятельствам. Здесь всегда требуется производство предварительного расследования для обеспечения полноты исследования и права обвиняемого на защиту. Такое решение этого вопроса полностью подтверждается судебной практикой.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор по делу Дядькина в связи с тем, что по обвинительному заключению осужденному вменялось в вину разбойное нападение 1 апреля 1948 года на Талгарском тракте около г. Алма-Ата на учительницу школы Иванову, у которой грабителями было отобрано 400 рублей денег и сумка с продуктами. Приговором же суда Дядькин признан виновным в том, что «ночью 1 апреля 1948 г. на Талгарском тракте около г. Алма-Ата совершил разбойное нападение на мужа и жену Ивановых — членов колхоза «Луч Востока», у которых было отнято 400 рублей и вещей на 1600 рублей, хотя в судебном заседании никто из подсудимых и свидетелей не избличал Дядькина в разбойном нападении на супругов Ивановых. Таким образом, по приговору Дядькину инкриминируется совершенно иной факт нападения, чем по обвинительному заключению»².

Равным образом определением от 21 декабря 1948 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор по делу Саранцева по тем основаниям, что «в приговоре суд изменил формулу обвинения, признав Саранцева виновным в хищении совместно с Лихим и Кутеповым трех мешков муки, тогда как такое обвинение ему не предъявлялось. С другой стороны, предъявленное обвинение Саранцеву в хищении совместно с Матвеевым 247 кг муки и 100 кг овса в приговоре не нашло никакого отражения»³.

¹ Архив Харьковского областного суда, дело № 2/781 за 1958 год.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952, № 10, стр. 17.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1950, № 3, стр. 14—15.

В ряде своих определений Верховный суд СССР отмечает, что недопустима замена первоначального обвинения менее тяжким, если это новое обвинение имеет своим содержанием совершенно иные фактические обстоятельства. Так, в определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Д. указано: «Суд имеет право вынести приговор по новой формулировке обвинения, если это изменение не влечет за собой более тяжелой меры наказания. В данном случае Д., хотя и осужден за более легкое преступление, однако это преступление не имеет ничего общего с ранее предъявленным обвинением в покушении на изнасилование. В процессе предварительного расследования и в суде Д. не допрашивался по вопросам нарушения правил движения на автотранспорте. Такое изменение обвинения затрагивает права обвиняемого на защиту, так как суд фактически в совещательной комнате изменил предъявленное Д. обвинение, о чем последний знать не мог, а поэтому не мог подготовиться и защищать себя от вновь выдвинутого против него обвинения. В этом случае суд обязан был в соответствии со ст. 313 УПК Грузинской ССР вынести по делу изнасилования оправдательный приговор и одновременно частное определение о привлечении Д. к уголовной ответственности по ст. 58/17-а УК Грузинской ССР»¹.

4. При необходимости исправить ошибку, допущенную в обвинительном заключении, может оказаться нужным изменить квалификацию преступления и применить иную статью уголовного закона при той же формулировке обвинения. В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Бариновой и Мотовой указано: «Согласно обвинительному заключению преступление квалифицировано по ст. 162 п. «д» УК РСФСР (кража государственного или общественного имущества при отягчающих обстоятельствах. — Д. П.), хотя его надлежало квалифицировать по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г. (кража государственного или общественного имущества в условиях военного времени. — Д. П.), а не по ст. 162 п. «д» УК. Однако без предъявления обвинения следственными органами по Указу от 23 июня 1942 г. суд не имел права рассматривать дело по этому Указу»².

Поскольку в приведенном примере суд применил, хотя и при тех же фактических обстоятельствах, но более тяжкую квалификацию, приговор по делу был отменен с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Отсюда следует, что приговор может применять формулированное в обвинительном заключении обвинение с измененной квалификацией лишь при условии изменения ее в сторону смягчения.

Таковы порядок и процессуальные последствия изменения обвинения, которое условно может быть названо простым, так как включает в себя одну формулировку обвинения и соответствующую ей квалификацию преступления. Но обвинение может быть и сложным. Таким оно является там, где обвиняется одно лицо в совершении нескольких преступлений, однородных либо связанных между собой единством намерения, или же обвиняются несколько лиц, то есть соучастники одного или нескольких преступлений (ст. 26 УПК, ст. 26 УПК РСФСР).

Так, при объединении в одном производстве дел по обвинению одного или нескольких лиц в совершении двух и более однородных преступлений, о каждом из этих преступлений должен быть формулирован отдельный обвинительный пункт в резолютивной части обвинительного

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952, № 6, стр. 26.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946, вып. VI (XXX), стр. 10.

заклучения. При этом в отношении каждого преступления должны быть указаны такие данные, как место и время, способы и средства, мотивы и цели и другие обстоятельства совершения каждого из этих преступлений. В то же время должна быть указана юридическая квалификация всех преступлений. Причем однородность всех этих преступлений исключает в данном случае применение к каждому обвинительному пункту разных уголовных законов, так как все преступления охватываются здесь признаками одного закона. Таким образом, нескольким обвинительным пунктам, входящим в формулировку обвинения, будет соответствовать одна квалификация преступления. Формулировка обвинения в этих случаях будет сложной, а квалификация преступления — простой.

Такое обвинение, как и простое, может быть полностью принято обвинительным и отброшено оправдательным приговором. Но это обвинение может быть принято приговором и частично путем признания некоторых пунктов обвинения доказанными, а других пунктов обвинения — недоказанными и оправдания подсудимого в этой части.

Совершенно иное положение возникает при объединении в одном производстве дел по обвинению одного или нескольких лиц в совершении двух и более преступлений, связанных между собой единством намерения. Признак однородности совершенных преступлений, как правило, здесь отсутствует и каждое из этих преступлений в отдельности квалифицируется по различным статьям уголовного закона. Это случай совокупности преступлений, предусмотренный ст. 35 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 42 УК УССР, ст. 40 РСФСР).

Несомненно, что, как и при повторности преступлений, здесь по поводу каждого преступного деяния должен быть формулирован самостоятельный обвинительный пункт с точным указанием всех необходимых данных о месте и времени, способах и средствах, мотивах и целях и о других обстоятельствах совершения каждого из преступлений. Но, кроме того, здесь каждому пункту обвинения должна соответствовать и отдельная квалификация преступления. Таким образом, обвинение в данном случае будет сложным не только по своей формулировке, но и по квалификации преступления.

Такое обвинение также может быть полностью принято или полностью отброшено приговором. Но оно может быть принято приговором и частично, путем признания части обвинений доказанными и осуждения по ним подсудимого, а другой части обвинений — недоказанными и оправдания по ним подсудимого. В этом случае приговор будет отличаться от обвинительного заключения не только по объему фактических обстоятельств обвинения, но и по юридической квалификации, так как с отпадением отдельных пунктов обвинения отпадают и соответствующие статьи закона, по которым квалифицировались данные деяния подсудимого.

Нельзя представить себе обвинение простое по формулировке и сложное по квалификации, за исключением случаев так называемой идеальной совокупности преступлений, под которой понимаются случаи совершения двух и более разнородных преступлений одним действием преступника¹. Поскольку этим одним действием осуществляется по-

¹ См. по этому вопросу: статью проф. Н. Д. Дурманова в журнале «Социалистическая законность», 1937 г., № 8, стр. 34; А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская. Уголовный кодекс РСФСР, комментарий, Юриздат, М., 1941, стр. 52; Уголовное право, общая часть, Юриздат, М., 1938, стр. 383; Уголовное право, общая часть, Юриздат, М., 1948, стр. 545; Н. Д. Дурманов. Стадии соверше-

сягательство на различные и пригом разнородные объекты, обвинение не может быть формулировано самостоятельно по поводу каждого преступления. Формулировка обвинения здесь будет единой и простой, но ей будет соответствовать сложная квалификация преступления. Так, приговором Московского городского суда К. был осужден за то, что, «злоупотребляя доверием граждан, обращавшихся к нему как к адвокату, под угрозой разглашения компрометирующих сведений он вымогал у них деньги для передачи их должностным лицам». Эти действия К. были правильно квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 174, 118 и ч. 1 ст. 169 УК РСФСР 1926 года как вымогательство, подстрекательство к даче взятки и мошенничество¹.

Это обвинение также может быть принято приговором полностью или частично. Оно может быть полностью отброшено приговором при наличии оснований к оправданию подсудимого.

ния преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1954, стр. 163; Н. Ф. Яшинова. О назначении наказания по советскому уголовному праву, «Ученые записки» Харьковского юридического института, вып. VI, 1955, стр. 13.

¹ А. М. Яковлев. Совокупность преступлений. Госюриздат, М., 1960, стр. 33.

Ассистент Н. В. ЦВЕТАЕВА

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ СПЕКУЛЯЦИИ И ОБВОРОВЫВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В величайшем документе нашей эпохи — Программе Коммунистической партии Советского Союза говорится: «Партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих»¹.

В преодолении пережитков прошлого в сознании людей большую роль играет участие общественности в коммунистическом воспитании трудящихся.

Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XXII съезду партии указал, что Коммунистическая партия весь смысл своей деятельности видит в том, чтобы повышать благосостояние народа, развивать и полнее удовлетворять материальные и духовные запросы советских людей. Социалистический строй в нашей стране вступил ныне в такой период зрелости, когда все его возможности раскрываются с наибольшей полнотой².

Осуществление грандиозного плана коммунистического строительства требует от партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций дальнейшего улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повышению их сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, в духе социалистического интернационализма и патриотизма, неуклонного соблюдения высоких принципов коммунистической морали.

С ростом общественной самодеятельности трудящихся возникают новые формы участия народа в государственной деятельности, в обеспечении порядка, в борьбе с преступностью.

Участие широких масс имеет серьезное, решающее значение в предупреждении и расследовании преступлений.

В борьбе со спекуляцией и обворовыванием потребителей все большее место занимают народные дружины, товарищеские суды, суды общественности, общественные инспекторы и бытовые комиссии при заводских комитетах, уличные комитеты, лавочные комиссии, комиссии содействия при управлениях домами и другие общественные организации.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961, стр. 106.

² Н. С. Хрущев. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. Госполитиздат, М., 1961, стр. 87.

Субъекты спекуляции и обворовывания покупателей — это лица, являющиеся носителями пережитков буржуазной психологии, которая характеризуется стремлением к паразитическому образу жизни, к тунеядству и наживе.

В выступлении на январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев, останавливаясь на важности и необходимости повседневной воспитательной работы в массах в духе коммунистического отношения к труду, указал, что «надо беспощадно искоренять такое зло, как тунеядство, нерадивое отношение к труду, частнособственническую психологию. С пережитками капитализма нужна непримиримая борьба, и в этой борьбе необходимо сочетать меры общественного воздействия с мерами строгого административного наказания. Но главное — это воспитание людей»¹.

Методы и формы участия общественности в предупреждении и расследовании спекуляции и обворовывания покупателей должны разрабатываться на основе обобщения опыта привлечения широких масс к работе органов дознания и следствия. Советской криминалистикой начата разработка наиболее совершенных методов предупреждения и расследования преступлений с участием широких масс.

Участие общественности в расследовании не должно включать в себя выполнения регламентируемых законом функций работников дознания и следствия. С помощью общественности легче выяснить отдельные обстоятельства по делу, установить детали, которые было бы очень трудно выявить иным путем; однако поручить, например, дружиннику производство допроса по делу было бы нарушением закона.

Формы участия общественности в расследовании преступлений вырабатываются самой практикой.

Успешность борьбы со спекуляцией, а также с обмериванием и обвешиванием, повышением розничных цен и иным обворовыванием покупателя часто зависит от того, насколько своевременно будут приняты меры по пресечению преступлений и устранению обстоятельств, способствовавших их совершению.

Осуществление профилактических мероприятий в данной области является важнейшей задачей органов прокуратуры, следствия и дознания, которые при этом должны опираться на общественные организации.

Статья 23 УПК УССР указывает, что суд, прокурор, следователь и органы дознания должны широко использовать помощь общественности для выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также для раскрытия преступлений и розыска преступников.

В необходимых случаях, говорится далее в статье 23 УПК УССР, эти органы должны сообщать общественной организации или коллективу трудящихся о совершении членом коллектива преступления или антиобщественного проступка для обсуждения на общем собрании общественной организации или коллектива трудящихся с тем, чтобы мнение общественности могло быть учтено при решении вопроса об ответственности виновного лица.

Исходя из этих положений закона, следует устранять условия, способствующие тунеядцам жить на нетрудовые доходы, создать с помощью общественности обстановку острой нетерпимости к спекулянтам

¹ Н. С. Хрущев. Выступление на январском Пленуме ЦК КПСС. «Правда» от 22 января 1961 г.

и нарушителям интересов потребителя и одновременно с помощью масс изобличать спекулянтов и лиц, обворовывающих потребителей.

В беседах с населением, в докладах и лекциях надо разъяснять советские законы, освещать различные формы участия трудящихся в предупредительных мероприятиях и при этом знакомить их с приемами нарушителей советской торговли. В частности, необходимо на конкретных материалах показывать населению, как часто недостатки контрольно-ревизионной работы, деятельности администрации торговых предприятий, недостатки учета движения товаров создают благоприятные условия для обмана потребителей и для спекуляции. Это подскажет активу, на что требуется обращать внимание при наблюдении за работой торговых предприятий, рынков, предприятий общественного питания и т. п.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 августа 1960 года «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» дает практический материал для разъяснения населению значения профилактической работы в данной области. Предупредить вовремя злоупотребления в торговле, не дать возможности отдельным лицам нарушать интересы государства и граждан, пресечь преступную деятельность жулика, пробравшегося в торговую сеть, разоблачить спекулянта — все это может быть успешно выполнено, если прокурор, следователь, работник дознания будут поддерживать живую, повседневную связь с общественностью.

Общественный актив должен быть связан с государственной торговой инспекцией и с работниками по делам мер и измерительных приборов.

Целесообразно при проведении разъяснительной работы знакомить трудящихся с правилами работы торговых предприятий, порядком отпуска товаров потребителям, ценами и т. п., а также с правилами оформления документов при выявлении фактов обмеривания, обвешивания, повышения цен на товары, с порядком изъятия вещественных доказательств (гирь, весов, товара и др.).

Такого рода работу проводит, например, прокуратура Киевского района города Харькова. В январе-феврале 1961 г. работниками прокуратуры в докладах и беседах на 7-ом кожзаводе, на заводе «Здоровье трудящихся» и фабрике «Красная нить» были освещены вопросы предупреждения преступлений. Остановливаясь на мероприятиях по борьбе с обманом потребителей, докладчики знакомили рабочих с порядком отпуска продуктов в магазинах и оформлением документов при выявлении нарушений в этой области. Там же было намечено проведение общественностью проверок отдельных торговых предприятий.

Прокуратура г. Харькова систематически поднимала на заводах и фабриках вопрос о привлечении бытовых комиссий к контролю торговых предприятий. К разъяснительной работе с населением была привлечена также государственная торговая инспекция.

Члены бытовой комиссии завода «Гидропривод» выявили, что работник райпищеторга Т. отпускал рыбу по повышенной цене. Проверка фактур подтвердила это. Бытовой комиссией было установлено, что в киоск рыба поступила нескольких сортов в одну доставку без соответствующей спецификации и хранилась вся вместе. Все это способствовало обману покупателей. На основании указанных материалов прокуратурой был поставлен вопрос о хранении рыбы отдельно по сортам и товароведческом контроле за реализацией продуктов двух-трех сортов при отпуске их в торговую сеть.

В другом случае продавец овощторга пользовался для взвешивания овощей тарой (жестяной и алюминиевой мисками). Члены уличного комитета обратили внимание на недовес за счет тары и сообщили об этом в прокуратуру. По представлению прокуратуры овощторг предложил работникам розничной сети при пользовании тарой для взвешивания продуктов обязательно указывать на специальной этикетке ее вес.

Хорошие результаты дает такая форма деятельности общественности, как рейды дружинников, членов бытовых комиссий, общественных контролеров и других самостоятельных общественных органов для проверки порядка торговли на рынках, снабжения населения торговыми предприятиями и обслуживания трудящихся предприятиями общественного питания.

Дружинники и члены бытовой комиссии завода имени Малышева в г. Харькове вместе с дружинниками вузов, разбившись на бригады, проверили работу рынков, отдельных магазинов, столовых. По результатам проверок, когда прокуратура полагала возможным ограничиться мерами общественного воздействия, материалы рейда выносились на обсуждение коллективов. Решения коллективов освещались в печати.

В 1960 году дружинники г. Харькова вместе с членами заводских бытовых комиссий проверили организацию торговли в местах массового отдыха трудящихся — Лозовеньках, Люботине, Пятихатках. Были установлены случаи нарушения цен при продаже напитков и т. п. Например, лимонад продавался в бутылках без этикеток по 2 руб. 20 коп. вместо действительной стоимости 1 руб. 40 коп. (в старых ценах). В результате проверки 18 буфетов были приняты меры к упорядочению снабжения трудящихся в местах массового отдыха. Итоги рейда освещались в газете «Красное знамя».

На Коммунальном рынке г. Харькова общественностью были вскрыты факты неправильного взимания рыночного сбора. По материалам торговой комиссии при исполкоме Совета депутатов трудящихся и бытовой комиссии завода имени Малышева были приняты меры к устранению выявленных недостатков.

Общественность не раз проявляла инициативу в борьбе с обмериванием и обвешиванием покупателей. Лавочная комиссия одного из магазинов Днепропетровского облторга установила факт обмана покупателя продавцом О. Общественники проверили в отделе кадров торго- личность О. и выявили, что он в 1958 году был снят с работы в столовой за недовес порций отдельных блюд.

На основании материалов лавочной комиссии прокуратура поставила перед руководящими органами вопрос о грубом нарушении облторгом приказа Министра торговли СССР № 866 от 4 августа 1954 года о борьбе с обмериванием и обвешиванием потребителей. На собрании членов лавочных комиссий следователь сообщил о мероприятиях, проведенных по материалам проверки. Кроме того, в двух коллективах торговых предприятий Днепропетровска были обсуждены меры по улучшению обслуживания потребителей и усилению среди торговых работников политико-воспитательной работы.

Интересный пример участия общественности в предупреждении спекуляции имел место в Балаклее Харьковской области. Дружинники выявили на рынке случаи перепродажи эмалированной посуды по повышенной цене. Проверив наличие указанного товара на базе, общественный актив с помощью прокуратуры установил, что там имелось достаточное количество этой посуды, однако в магазинах ее не было. По результатам проверки были приняты меры к упорядочению поступления товаров с базы в магазины.

Примеры профилактической работы, проведенной с помощью общественности, свидетельствуют о растущей роли самостоятельных общественных органов в борьбе за улучшение советской торговли.

Обобщение практики участия общественности в предупреждении спекуляции и обворовывания покупателей позволяет прийти к выводу, что целесообразны и возможны следующие формы профилактической работы с помощью широких масс:

1. Предупреждение проступков, могущих привести к преступлению. Н. С. Хрущев в выступлении на январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС отметил, что бесконтрольность в области заготовок продуктов сельского хозяйства может сделать нестойкого человека жуликом, и указал, что надо создать контроль, чтобы была отчетность, чтобы не было соблазна для людей малоустойчивых в моральном отношении, чтобы удерживать этих людей от неправильных, нечестных поступков. Это целиком относится и к торговой системе. Общественный контроль за работой товаропроводящей сети, проверка населением (лавочными комиссиями, дружинниками, уличными комитетами и другими) учета движения товаров позволит своевременно устранить нарушения правил советской торговли.

2. Предупреждение готовящихся преступлений. Речь идет о сигналах и сообщениях трудящихся в органы прокуратуры и дознания, в партийные, комсомольские, профсоюзные и другие общественные организации о готовящейся спекуляции и обворовывании покупателей, например, о скупке некоторыми лицами товаров для перепродажи, о приобретении неполновесных гирь с целью обмана потребителей и т. п. Реагирование трудящихся на подобные случаи дает возможность использовать силу общественного воздействия на таких лиц по месту их работы для предупреждения преступной деятельности.

3. Принятие на основе материалов расследования мер к предупреждению спекуляции и обворовывания покупателей. В процессе расследования дел о спекуляции и обворовывании покупателей выясняются причины и условия, способствующие совершению этих преступлений. При выявлении таких обстоятельств работники следствия и дознания сами непосредственно или через прокурора ставят вопрос о принятии соответствующих мер к устранению выявленных недостатков. Обсуждение таких мероприятий в коллективах трудящихся дает возможность выработать эффективные предупредительные меры.

Профилактические мероприятия могут быть общего характера и специальные. К первым следует отнести разъяснительную работу среди населения, пропаганду советских законов, мероприятия по преодолению пережитков прошлого в сознании людей, когда в целях воспитания коммунистического правосознания используются конкретные материалы.

Обобщение материалов конкретных дел по выяснению обстоятельств, способствовавших спекуляции и обворовыванию покупателей, позволяет ставить вопрос перед руководящими партийными, советскими и профсоюзными органами о проведении мероприятий общего характера для устранения причин, способствующих совершению преступления.

К специальным мерам по предупреждению спекуляции и обворовывания покупателей относятся мероприятия, направленные на устранение причин, способствовавших совершению преступлений в определенной, конкретной области торговой системы. Таковы, например, усиление с помощью коллектива контроля за отпуском товара в одни руки, улучшение форм контроля на определенном участке торговли (в универсаме, торге) и т. п.

Равным образом органы следствия и дознания в различной форме привлекают общественность к расследованию дел о спекуляции и обворывании потребителей.

Нередко трудящиеся сами вскрывают и пресекают преступления. Так, в августе 1960 г. дружинники кирпичного завода при наблюдении за порядком торговли на одном из рынков Харькова обратили внимание на неизвестного, оказавшегося гражданином Л., который предлагал покупателям несколько отрезков шерсти, причем сам он показывал образцы, материал же находился у его жены, стоявшей в стороне. Дружинники с работником милиции задержали Л. при продаже материала. Как показало расследование, он занимался спекуляцией, за что и был осужден.

14 февраля 1960 г. гражданка Ш. увидела на одном из харьковских рынков, как гр. Т. скупал у колхозников свежую рыбу и тут же перепродавал ее. Гражданка Ш. сообщила об этом дружиннику и тот вместе с работником милиции задержал Т. с рыбой. Т. был привлечен к ответственности по ст. 127 УК УССР 1927 г.

Участие общественности в непосредственном пресечении спекуляции и обворывания покупателей освещается работниками прокуратуры и милиции при проведении разъяснительной работы с населением, что способствует его активизации в борьбе с преступностью.

Немедленная проверка поступающих в милицию и прокуратуру заявлений о совершенных или готовящихся нарушениях закона обеспечивает успех расследования.

В стадии дознания и предварительного следствия по делам о спекуляции и обворывании покупателей большую помощь может оказать общественность путем выявления свидетелей, очевидцев и потерпевших.

Дружинники завода имени Малышева выявили злоупотребления работника Конного рынка при взимании им рыночного сбора. В акте не были зафиксированы лица, незаконно освобожденные от сбора. В выяснении этого обстоятельства помогли те же дружинники.

Нередко при задержании спекулянтов граждане, видевшие это, называют работнику дознания или следователю свидетелей преступления.

По делам об обворывании покупателей можно также привести примеры активной помощи трудящихся органам дознания. Так, заводской бытовой комиссией были выявлены случаи обвешивания рабочих в ларьках, но в акте комиссия не указала фамилий потерпевших. Тогда работник милиции обратился к рабочим с просьбой сообщить, известно ли кому-нибудь из них об отпуске 21 августа 1960 г. вермишели и сахара с недовесом и кто из покупателей заявлял об этом. Рабочие сообщили фамилии двух покупателей, которых обвесили в ларьке, и это помогло изобличить преступника.

Работники милиции города Харькова при расследовании отдельных преступлений неоднократно прибегали к объявлению о поиске потерпевших. Это могло бы дать положительные результаты и по делам об обвешивании и обмеривании потребителей.

В процессе расследования дел о спекуляции существенной может оказаться помощь дружинников, членов бытовых комиссий при профсоюзных организациях и иных общественных органов в выявлении лиц, приобретающих товары у спекулянтов.

От служащего «Южгипрошахт» (г. Харьков) поступил в милицию сигнал о том, что к сотрудникам «Южгипрошахт» неоднократно приходила неизвестная женщина, предлагавшая купить отрезки шерсти

и обувь. Эта женщина была задержана с товаром у дверей учреждения. Однако она утверждала, что направлялась с материалом в ателье заказать себе костюм. Работники милиции обратились к бытовой комиссии при местном комитете с просьбой помочь им выявить лиц, приобретавших товар у задержанной. Через два дня фамилии этих лиц были сообщены и преступница изобличена.

Во время беседы работников милиции с дружинниками и членами бытовой комиссии фабрики «Октябрь» был поднят вопрос о контроле трудящихся за работой торговых предприятий. Одна из работниц сообщила, что видела в магазине на Коммунальном рынке неклеименные гири. Члены бытовой комиссии проверили это сообщение и с работником милиции изъяли здесь две неклеименные, неполновесные гири, о чем было сообщено в инспекцию пробирного надзора.

При задержании и розыске преступника, что часто сопряжено с большими трудностями, дружинники и другие самодеятельные общественные организации оказывают существенную помощь органам дознания и следствия. Дружинники, члены лавочных комиссий и другие активисты нередко помогают работникам милиции в задержании спекулянтов. Так, дружинники завода «Свет шахтера» (Харьков) задержали на рынке гражданку Б. при продаже новой шерстяной кофточки. При задержании она пыталась передать сумку гражданке И., в которой были еще две новые кофточки. Б. осуждена по ст. 127 УК УССР 1927 г.

Гражданка Н. помогла работнику милиции задержать на рынке неизвестную, которая предлагала купить у нее шерстяные косынки. У задержанной было обнаружено пять новых косынок.

Народные дружины и иные самодеятельные общественные организации оказывают серьезную помощь в проведении отдельных следственных действий, в частности, в подготовке обыска, допроса свидетелей и обвиняемых.

По делам о спекуляции обыск чаще всего является неотложным следственным действием. В таких случаях члены уличного комитета и комиссии содействия могут дать ценные сведения о расположении обыскиваемых помещений, о ходах и выходах, о соседях спекулянта, у которых может храниться его товар.

Иногда на собраниях населения квартала, где проживает спекулянт, работники дознания и следователь могут узнать о том, когда и от кого поступал товар для спекуляции, где он хранится и т. п. Однако такая форма привлечения общественности должна быть тщательно продумана, так как обсуждение подобных вопросов на собрании населения может предупредить преступника.

К следователю поступили сведения о том, что Б., обвинявшийся по ст. 127 УК УССР 1927 г., хранил обувь, которой он спекулировал, в общежитии. Однако при обыске ее не было обнаружено. Тогда следователь побеседовал с рабочими, жившими в одной комнате с Б., и выяснил, что они видели у Б. два ящика для инструмента, но на работу он ходил с одним. Действительно, в кладовой общежития был обнаружен второй ящик Б., в котором находились шесть пар новой обуви и книжка сберегательной кассы на вклад 21000 рублей (старыми деньгами). Б. признал себя виновным в спекуляции.

Дружинникам или членам комиссии содействия можно поручить наблюдение во время обыска за обыскиваемым или за его близкими. Такая помощь приводит к обнаружению мест хранения товаров. При производстве обыска у гражданки П., занимавшейся сбытом дорогостоя-

щих мехов, член комиссии содействия заметил, как она пыталась выбросить в окно сверток, в котором оказались деньги.

Иногда работники дознания и следствия прибегают к помощи населения, готовясь к допросу свидетелей по делам о спекуляции и обворовывании покупателей. Так, например, в милицию поступили сведения об обмане покупателей в овощном отделе магазина «Гастроном» продавцом Г. Свидетели были установлены среди самих продавцов. Готовясь к их допросу, работник милиции узнал от членов лавочной комиссии об отношениях между продавцами и это помогло ему наметить правильные тактические приемы допроса.

С помощью общественности можно также установить характер связей обвиняемого со свидетелем и таким образом уличить свидетеля в неправдивых показаниях.

В процессе расследования или дознания нередко возникает необходимость получить сведения о личности обвиняемых и поведении их в быту. В этом деле общественность также может оказать существенную помощь.

Спекулянты и лица, обворовывающие покупателей, — это тунеядцы, ведущие паразитический образ жизни. Работнику дознания и следователю важно своевременно узнать о прошлом обвиняемых, об их связях, о путях накопления ими средств и т. п., чтобы вскрыть их подлинное лицо, не ограничиваясь скупыми анкетными данными или характеристикой с места работы. Такие сведения можно получить от членов уличного комитета, комиссии содействия и других общественных организаций.

Работник отделения милиции Ново-Московского района Днепропетровской области, имея в производстве дело о спекуляции проводника вагона поезда Москва-Бердянск рыбой, обратился к собранию колхозников села, где проживал обвиняемый М., с просьбой сообщить ему данные о личности М., так как последний неплохо характеризовался резервом проводников. От выступавших на собрании стало известно, что М. судился ранее за спекуляцию, а в недавнем прошлом сменил фамилию. Там же стало известно, что М. в соседнем селе приобрел дом на имя отца, носящего другую фамилию.

Располагая данными о личности обвиняемого, как, например, в приведенном деле по обвинению М., следователь и работник дознания успешнее проведут активный допрос, от которого во многих случаях зависит выяснение существенных обстоятельств дела.

Привлечение трудящихся к расследованию преступлений ни в коем случае не должно превращаться в руководство органов дознания и следствия работой общественности. Эта деятельность трудящихся должна проходить под руководством самих общественных организаций в свете направляющих указаний партийных органов.

«Люди, совершающие преступления, — говорил Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, — составляют в нашем обществе ничтожнейшую часть, и если на них воздействовать не только мерами, установленными законами, но и всей силой общественного мнения, то результаты этих совместных усилий государственных органов и общественности положительно скажутся в ближайшее время»¹.

¹ «Правда» от 27 декабря 1958 г.

Доцент А. Н. КОЛЕСНИЧЕНКО

НОВЫЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС УССР И ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Принятие Верховным Советом УССР, как и других союзных республик, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов (1960 г.) является новым проявлением заботы Коммунистической партии и Советского государства о дальнейшем укреплении социалистической законности на основе развертывания советской демократии, широкого привлечения трудящихся к искоренению преступлений.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс УССР, воспринимая ряд положений кодекса 1927 года, вместе с тем содержит новые принципиально важные нормы, относящиеся к расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел. Отдельные нормы кодекса законодательно закрепили некоторые правила криминалистической тактики, проверенные многолетней практикой и ставшие обязательными при производстве следственных действий.

В связи с этим встает ряд важных задач перед наукой уголовного процесса и наукой криминалистики. Одной из таких частных, но практически важных задач является анализ новых процессуальных положений, определяющих решение криминалистических вопросов техники, тактики и методики предупреждения и раскрытия преступлений.

Наука уголовного процесса и криминалистика, как известно, тесно связаны между собой. Взаимосвязь этих наук, особенно в отношении расследования преступлений, определяется в конечном счете применением в практической деятельности тесно связанных между собой норм УПК и научных рекомендаций криминалистики. Причем, основным, главным и определяющим всегда являются уголовно-процессуальные нормы. Криминалистические правила и рекомендации, относящиеся к технике, тактике и методике расследования преступлений, определяются принципами советского уголовного процесса и другими процессуальными положениями.

Задачами советского уголовного судопроизводства, — указывается в статье 2 УПК УССР, — являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Наряду с этим уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития. Новый УПК УССР (статья 22) более полно и точно, чем УПК 1927 года, формулирует требование всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела.

Приведенные положения уголовно-процессуального кодекса следует рассматривать в качестве общего требования, которому должна отвечать научная разработка и использование криминалистических средств, приемов и методов. Каждый криминалистический прием, правило тактического или методического характера должны способствовать быстро, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и правильному применению закона. Только такого рода приемы могут быть использованы для успешного предупреждения и расследования преступлений.

Уголовно-процессуальный кодекс УССР 1960 года содержит ряд новых норм, регламентирующих участие общественности в борьбе с преступностью. УПК указывает, что суд, прокурор, следователь и орган дознания должны широко использовать помощь общественности для выяснения и устранения причин и условий, которые способствуют совершению преступлений, а также для предупреждения и раскрытия преступлений и розыска преступников (ст. 23).

Привлечение общественности к предупреждению и раскрытию преступлений, а также розыску преступников ставит ряд новых задач перед наукой криминалистики. Эти задачи определяются тем, что участие общественности в борьбе с преступностью, — как правильно отмечает П. Кудрявцев, — «означает новую постановку и решение вопроса о методах и средствах этой борьбы, о следственной тактике и методике расследования преступлений»¹.

В новом Уголовно-процессуальном кодексе УССР нашли отражение решения XXI съезда КПСС и другие партийные документы о важном значении работы по предупреждению правонарушений. Необходимость выяснения и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, при производстве дознания, предварительного следствия и судебном разбирательстве уголовных дел подчеркнуты в ст. 23, 228, 242 УПК. Отсюда вытекает необходимость значительно активизировать разработку криминалистической методики выяснения обстоятельств, способствовавших совершению преступления. При этом было бы правильно, чтобы методика расследования преступлений наряду с указанием основных, типичных путей и способов раскрытия преступлений включала в себя в большей мере, чем в настоящее время, основанные на обобщениях практики указания на обстоятельства, могущие способствовать совершению данных преступлений, а также на основные приемы и способы устранения этих обстоятельств.

Наиболее полно разработана в криминалистической литературе методика предупреждения хищений государственного и общественного имущества, но в то же время недостаточно исследуются вопросы предупреждения убийств, автопроисшествий и других преступлений.

Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года значительно расширил правовую регламентацию вопросов, связанных с использованием средств криминалистической техники, особенно судебно-оперативной фотографии. Вещественные доказательства, — указывается в статье 79, — должны быть внимательно осмотрены, по возможности сфотографированы, подробно описаны в протоколе осмотра и приобщены к делу постановлением².

Отражая широкое применение в следственной практике различных средств и приемов криминалистической техники, УПК указывает, что к протоколу следственного действия могут быть приложены фотоснимки,

¹ «Социалистическая законность», 1960, № 6, стр. 9.

² Статья 84 УПК РСФСР, кроме этого, совершенно правильно отмечает, что громоздкие предметы — вещественные доказательства, которые не могут храниться при уголовном деле, должны быть сфотографированы.

планы, схемы, слепки и другие материалы, которые поясняют его содержание (ст. 85). Фотоснимки могут быть приложены также к протоколу предъявления для опознания (ст. 176). При осмотре, освидетельствовании, воспроизведении обстановки и обстоятельств события в необходимых случаях следователь производит фотосъемку, чертит планы и схемы. Эти материалы также прилагаются к соответствующим протоколам (ст. 195).

Из приведенных положений кодекса вытекает задача — всемерно совершенствовать научно-технические средства и приемы, применяемые при отдельных следственных действиях и вооружать ими работников расследования. Было бы правильным считать, что использование фотографии и других научно-технических средств является обязательным при необходимости и объективной возможности их применения. Именно в таком смысле следует толковать указания УПК о фотосъемке объектов «при возможности».

Основной и обязательной формой фиксации фактических обстоятельств дела является протокол соответствующих следственных и судебных действий. Факты, не отраженные в протоколах и других процессуальных актах, доказательственного значения иметь не могут. Отсюда следует, что фотоснимки, слепки, копии следов, планы и схемы и другие подобные материалы, изготовленные следователем и прилагаемые к протоколам, являются дополнительными способами фиксации и самостоятельного доказательственного значения не имеют.

Новый уголовно-процессуальный кодекс УССР содержит ряд положений, относящихся к различным вопросам криминалистической тактики. Если эти положения охарактеризовать в целом, то следует отметить более полную и четкую регламентацию порядка производства отдельных следственных действий и включение в УПК отдельных положений, рассматривавшихся раньше как тактические. Включение в сферу уголовно-процессуального права неизвестных УПК 1927 года следственных действий и отдельных тактических правил продиктовано интересами укрепления социалистической законности в производстве предварительного расследования.

Уголовно-процессуальный кодекс УССР 1960 г. впервые регламентирует такие следственные действия, как предъявление для опознания, следственный эксперимент и личный обыск. В соответствии со ст. 174, 175, 176 УПК предъявлению лица для опознания должен предшествовать допрос опознающего, лицо, подлежащее опознанию, предъявляется одновременно с другими лицами того же пола в количестве не менее трех, которые не должны иметь резких различий в приметах внешности и признаках одежды.

Статья 174 УПК включает и такое тактическое правило, придавая ему силу закона: «Перед тем как предъявить лицо для опознания, ему предлагается занять любое место среди других предъявляемых лиц». УПК воспроизводит и ряд других разработанных криминалистикой правил предъявления для опознания¹.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ст. 165), кроме того, указывает, что требование о предъявлении объекта для опознания среди других не менее трех однородных не распространяется на опознание трупа, а также что при опознании «наводящие вопросы не допускаются». Следует отметить, что УПК РСФСР не предусматривает предъявления для опознания в суде, тогда как УПК УССР в статье 309 отмечает: «Свидетелю, потерпевшему или подсудимому во время судеб-

¹ См., например, Г. И. Кочаров, Опознание на предварительном следствии, М., 1955; «Советская криминалистика», М., 1958, стр. 382—393.

ного следствия могут быть предъявлены для опознания лицо или предмет».

Вопрос о предъявлении для опознания в ходе судебного следствия требует самостоятельного освещения. Можно, однако, заметить, что опознание определенного лица в суде, как правило, является опознанием повторным, производимым после опознания на предварительном следствии, и поэтому его результаты не могут представлять большой ценности. Определенные трудности возникают и при организации опознания в условиях суда (присутствие многих лиц, присутствие опознающего свидетеля в зале суда в начале разбирательства и др.).

Регламентация предъявления для опознания в новом УПК кладет конец имевшим место спорам о процессуальной природе этого следственного действия, поскольку закон четко определил предъявление для опознания как самостоятельное следственное действие.

Широко известный следственной практике и криминалистике следственный эксперимент в новом УПК СССР назван «воспроизведением обстановки и обстоятельств события». При этом кодекс содержит в себе ряд положений, выработанных криминалистической тактикой следственного эксперимента.

В целях проверки и уточнения результатов допроса свидетеля, потерпевшего, обвиняемого или подозреваемого, а также данных, полученных при проведении осмотра и иных следственных действий, следователь может, — указывает статья 194, — выехать на место и в присутствии понятых, а в необходимых случаях с участием специалиста, свидетеля, потерпевшего и обвиняемого воспроизвести обстановку и условия, в которых те или иные события могли происходить в действительности. При этом кодекс с достаточной полнотой излагает цели, условия и порядок воспроизведения обстановки и определяет его как самостоятельное следственное действие.

Уголовно-процессуальный кодекс СССР 1960 года, как отмечалось ранее, более подробно регламентирует порядок производства отдельных следственных действий. Здесь под углом зрения криминалистики могут быть отмечены следующие частные, но имеющие существенное значение вопросы. Статья 136 УПК 1927 года указывала, что «допрос обвиняемого начинается предложением рассказать все известное ему по делу». Известно, что в течение многих лет сложилась и оправдала себя практика начинать допрос обвиняемого с выяснения того, признает ли он себя виновным в предъявленном обвинении. Этот вопрос являлся предметом специального обсуждения советскими процессуалистами и криминалистами¹.

Новый УПК исходит, надо полагать, из того, что постановка именно первым вопроса о том, признает ли обвиняемый себя виновным, позволяет, с одной стороны, обвиняемому сразу же использовать допрос для своей защиты и, с другой — дает следователю возможность получить в начале допроса сведения об отношении допрашиваемого к предъявленному обвинению. Поэтому согласно ст. 143 нового УПК «в начале допроса следователь должен спросить обвиняемого, признает ли он себя виновным в предъявленном обвинении, после чего предлагает ему дать показания по существу обвинения».

Приведенные положения имеют непосредственное отношение к криминалистике, поскольку тактика допроса обвиняемого в определенной мере зависит и от его отношения к предъявленному обвинению.

Весьма важными для тактики допроса являются содержащиеся в новых УПК некоторых союзных республик положения о том, что

¹ См. Р. Рахунов. Советское правосудие и его роль в укреплении законности. «Коммунист», 1956, № 7, стр. 59.

наводящие вопросы не допускаются. Статьи 158 и 165 УПК РСФСР прямо подчеркивают: «Наводящие вопросы не допускаются». Хотя советская криминалистика убедительно доказала вредность и недопустимость наводящих вопросов, все еще встречаются рекомендации противоположного характера¹.

В новом УПК содержится более подробная правовая регламентация допроса несовершеннолетних свидетелей. УПК устанавливает, что допрос несовершеннолетнего свидетеля до 14-летнего возраста производится в присутствии врача или педагога, а при допросе свидетелей до 16 лет приглашение указанных лиц производится по усмотрению следователя. Новый кодекс исключил содержавшееся в статье 162 УПК 1927 года указание о том, что врач или педагог «вносят в протокол свое мнение о продуманности и правдивости данных показаний». Эти лица, присутствующие при допросе несовершеннолетнего, имеют теперь «право с разрешения следователя задавать свидетелю вопросы и изложить свои замечания». Эти лица помогают следователю как специалисты в ведении допроса с учетом всех особенностей психики несовершеннолетних.

Ранее в криминалистической литературе обсуждался вопрос о том, целесообразно ли предупреждать малолетнего об ответственности за дачу ложных показаний (хотя фактически он не мог быть привлечен к уголовной ответственности) либо разъяснять необходимость говорить правду, отбирать ли в последнем случае подписку и т. д. В. С. Тадевосян полагал, что «следователь и судья должны объяснить детям их обязанность показывать правду и отбирать у них подписку о правильности их показаний»². Новый УПК по этому поводу дает следующее указание: «Свидетелю, не достигшему шестнадцатилетнего возраста, разъясняется обязанность говорить только правду, но об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за заведомо ложные показания он не предупреждается» (ч. 3 статьи 168).

В УПК 1960 года более подробно, чем раньше, регламентировано составление протоколов допроса (ст. 145, 170).

Уголовно-процессуальный кодекс УССР 1927 года ограничивался общим указанием на то, что «в случае надобности, следователь устраивает очную ставку между обвиняемыми, а также между обвиняемыми и свидетелями», или «очную ставку между свидетелями» (ст. 134, 160). Новый УПК (ст. 173) очную ставку посвящает отдельную статью и весьма детально устанавливает порядок ее производства.

В главе 16 УПК, посвященной обыску и выемке, также имеются отдельные новые положения, имеющие криминалистическое значение. В соответствии с Основами уголовного судопроизводства УПК устанавливает, что обыск может производиться по постановлению следователя и только с санкции прокурора. В неотложных случаях обыск проводится без такой санкции, однако с обязательным уведомлением прокурора в течение 24 часов о произведенном обыске и его результатах (статья 177).

Важными положениями криминалистического характера являются указания о том, что в протоколах обыска и выемки должны быть описаны индивидуальные признаки изымаемых предметов и документов, а также место и обстоятельства, при которых они были обнаружены (ст. 186, 188). Далее в Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года включена новая статья, регламентирующая порядок личного обыска. Личный обыск проводится в соответствии с общими правилами УПК

¹ См. например, Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958, стр. 71.

² В. С. Тадевосян. Расследование преступлений несовершеннолетних. М., 1950, стр. 62.

о производстве обыска, причем без вынесения постановления личный обыск может проводиться при задержании, заключении под стражу или наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, где проводится обыск или выемка, прячет при себе предметы или документы, имеющие значение для дела. Личный обыск проводится только лицом того же пола, что и обыскиваемое лицо, в присутствии понятых того же пола (ст. 184).

Заслуживают быть отмеченными и отдельные новые положения, относящиеся к осмотру и освидетельствованию. Впервые в УПК (ст. 190) четко сформулированы цели осмотра, указано органам милиции на обязанность оказывать следователю помощь в проведении осмотра. Законодательную регламентацию получил также порядок эксгумации трупа (часть 2 ст. 192). Значительно более полно и четко, чем раньше, изложены положения о порядке освидетельствования. Кодекс четко отграничивает освидетельствование, проводимое следователем, от судебно-медицинского освидетельствования, т. е. от экспертизы. Следователь проводит освидетельствование обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля при необходимости установления особых примет (ст. 193). Можно полагать, что следователь вправе провести освидетельствование также для обнаружения на теле подозреваемого, например, частиц кирпича при расследовании кражи со взломом и т. п.¹

УПК 1960 года пополнился рядом новых положений, относящихся к производству экспертизы. Здесь, в частности, следует отметить законодательную регламентацию порядка проведения экспертизы в экспертном учреждении (ст. 198). В кодекс включена также статья, посвященная получению образцов для экспертного исследования. «В случае необходимости следователь имеет право, — говорится в статье 199, — вынести постановление об изъятии или отобрании образцов почерка или иных образцов, необходимых для экспертного исследования. Об отобрании образцов составляется протокол».

В криминалистической литературе длительное время обсуждался вопрос о том, вправе ли эксперт выйти за пределы поставленных вопросов. Новый кодекс дает на этот ранее спорный вопрос совершенно ясный ответ: «Если при производстве экспертизы эксперт обнаружит факты, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе на них указать в своем заключении» (ст. 200). Далее УПК устанавливает, что повторная экспертиза проводится другим экспертом или другими экспертами (ст. 75).

Криминалистическое значение имеют и статьи 138, 139 УПК, устанавливающие порядок объявления розыска обвиняемого. Усиливая гарантии законности задержания, кодекс указывает, что при задержании обвиняемого прокурор по месту задержания обязан в течение 24 часов проверить, что задержан именно разыскиваемый, и лишь после этого санкционировать этапирование его к месту производства следствия (ст. 139).

Уголовно-процессуальный кодекс УССР 1960 года, а также кодексы других союзных республик, как справедливо отметил проф. А. И. Винберг, воплотили в себе все новое и передовое теории и практики, в том числе науки криминалистики². Эти новые положения заслуживают дальнейшего изучения и разработки советскими процессуалистами и криминалистами.

¹ См. Н. В. Терзиев. Некоторые вопросы следственного осмотра места преступления. М., 1955, стр. 13.

² См. «Советское государство и право», 1961, № 4, стр. 71.

Кандидат юридических наук В. Е. КОНОВАЛОВА

О РОЛИ ЛОГИКИ В ПОСТРОЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ

В процессе расследования преступлений — процессе познания определенных фактов и их взаимосвязи — широко применяются законы логического мышления. В ходе познания неизвестного следователь оперирует так называемыми следственными версиями, структура и стадии развития которых находятся в соответствии с логическим понятием гипотезы.

Следственная версия представляет собой разновидность гипотезы, специфика которой определяется особенностями и характером той области, в которой происходит исследование. Специфика процесса расследования преступления, не ставящего своей целью установление научных теорий, определяет и познавательное значение следственных версий. Логическая природа следственной версии, равно как и требования, предъявляемые к ней (например, ее необоснованность конкретными фактами), проистекает из сущности и природы гипотезы. Как гипотезой не может считаться предположение произвольное, фантастическое, надуманное, а только такое, которое удовлетворяет определенному комплексу условий (предположение, не противоречащее достоверным научным знаниям, объясняющее факты, для объяснения которых оно привлекается, достаточное для того, чтобы с его помощью можно было объяснить все факты), так и следственная версия может считаться таковой лишь в том случае, если она удовлетворяет названным требованиям.

Из этого общего требования вытекают такие частные для следственной версии требования, как ее обоснованность, ее логическая последовательность и определенность, зависимость от конкретных фактов, являющихся основой для ее построения.

Версия должна находиться в таком тесном взаимодействии с фактами, породившими ее, при котором она в состоянии их объяснить лучше и полнее, чем какое-либо иное предположение. Важным требованием в отношении следственной версии является и то, что она должна объяснить не часть фактов, нуждающихся в объяснении, а всю их совокупность.

Гносеологическая природа гипотезы и следственной версии тождественна. Некоторые особенности следственной версии, объясняемые ее функцией в процессе расследования преступления, не являются основанием для противопоставления ее гипотезе или для выделения ее в нечто самостоятельное.

В науке гипотезой называют предположение либо о непосредственно ненаблюдаемом факте, либо о предполагаемом непосредственно

ненаблюдаемом закономерном порядке, объясняющем известную из опыта совокупность явлений. При таком определении гипотезы нетрудно усмотреть ее равноценность следственной версии. Как выдвижение гипотез разной значимости и сложности, так и выдвижение версий различного порядка и трудности представляет собой сложную форму мышления. Следственная версия в некоторых случаях может быть даже более сложной формой познания, чем конкретная гипотеза. Поэтому степень их сложности может быть сравнима только в строго конкретных случаях.

Версия, как разновидность гипотезы, имеет одинаковые с ней этапы развития. В развитии версии, как и гипотезы, можно выдвинуть три этапа, сущность которых заключается в следующем. Первым этапом, первой его стадией, является анализ и обобщение фактического материала, необходимого для дальнейшего развития знаний о том или ином факте или совокупности фактов. Вторая стадия состоит в высказывании собственно версии (гипотезы) и в разработке ряда следствий, вытекающих из этого предположения. Третья стадия состоит в проверке следствий, теоретически выведенных из данной версии. Решение последней стадии развития версии в положительном смысле доказывает достоверность в том случае, если теоретически выведенные следствия не вытекают из другого рода оснований, иными словами, если факты, подтверждающие эти следствия, не обусловлены другой какой-либо закономерностью.

Следственная версия в своем законченном виде всегда является результатом индукции или дедукции. Индуктивные умозаключения — умозаключения от частного к общему — находят наибольшее свое применение в тех случаях, когда следственная версия вытекает из анализа доказательств, обнаруженных при производстве отдельных следственных действий. Тогда от установления отдельных частных причин происхождения доказательств мы приходим путем индуктивного мышления к установлению общего предположения о характере и причинах события преступления. Индукция в этом случае может быть неполной (при умозаключении не исследуется полностью ряд фактов, явлений, а лишь часть их) и научной, предполагающей умозаключения, основанные на знании необходимых признаков и причинных связей событий, фактов, явлений.

Рассмотрим значение индукции на конкретном примере из следственной практики. По делу об убийстве гр-ки Малкиной с расчленением трупа в совершении преступления подозревалась жившая с нею свекровь. Основанием к подозрению явилось недоброжелательное отношение последней к своей невестке. Труп был обнаружен спустя продолжительное время и расследование дела в виду этого крайне осложнилось, тем более, что труп был без головы.

В данном случае версии расследования могли быть построены только на основании тех или иных доказательств.

При осмотре квартиры, в которой проживала свекровь потерпевшей, следователю удалось обнаружить следующие доказательства: 1) брызги крови, имевшие сравнительную давность; 2) ткань, сходную с той, в которую были упакованы части расчлененного трупа; 3) краску на цветочных горшках, сходную по цвету с краской, обнаруженной на упаковочных материалах, в которых был труп; 4) при осмотре золы в печке — несгоревшие полностью кости, вызвавшие у следователя предположение о принадлежности их к человеческому черепу.

В отношении всех обнаруженных доказательств подозреваемая дала объяснения, исключавшие на первый взгляд ее причастность к преступлению. Обнаружив эти доказательства, следователь только на основании их анализа не мог построить версию относительно личности убийцы и методов совершения преступления, так как это требовало специального исследования.

В результате экспертного исследования названных доказательств было установлено, что кровь по своей группе не совпадает с группой крови подозреваемой, между тем как наличие крови она объясняла кровотечением из пальца. Кроме того, при исследовании ткани была установлена ее однородность с тканью, в которую был обернут труп. Краска на цветочных горшках в результате исследования была определена как однородная с той, которая была обнаружена на упаковочном материале. Наконец, исследование золы показало, что она органического происхождения и что обнаруженные обломки костей являются костями черепа человека.

При таких обстоятельствах следователь, пользуясь индуктивными умозаключениями, мог придти к следующим выводам, которые и легли в основу построения следственной версии.

Кровь не принадлежала подозреваемой, следовательно, ее объяснения несостоятельны и можно предполагать, что это кровь потерпевшей Малкиной. Сам факт обнаружения в квартире подозреваемой ткани, однородной с оберткой трупа, еще не означает причастности подозреваемой к убийству, однако то, что совпадает не только рисунок ткани, но и краска, обнаруженная на нем, может дать основание полагать, что подозреваемая причастна к убийству. Обнаруженные в печке остатки несгоревших костей человеческого черепа также дают основания к построению версии о причастности к убийству свекрови Малкиной.

Так от частных отдельных доказательств путем анализа и рассмотрения их во взаимосвязи и взаимозависимости мы приходим к общему выводу о причастности субъекта к преступлению, о характере преступления, способах его сокрытия, и месте совершения.

Приведенный метод построения индуктивного умозаключения от частного к общему является формой научной индукции, которая основана на знании необходимых причинных связей и признаков.

В данном случае необходимые причинные связи между событием и его результатами установлены и знание необходимых признаков имеется. Однако такого рода индукция не всегда возможна. В тех случаях, когда признаки предметов не устанавливаются с помощью специальных знаний, имеет место неполная индукция, которая, однако, также позволяет определить признаки предметов и установить необходимые причинные связи.

При использовании индукции в процессе построения версий следователь должен знать о тех ошибках, которые могут быть в процессе индуктивного умозаключения. К ним относятся ошибки ложного вывода, как результат ложных посылок. Однако чаще встречаются ошибки «поспешности обобщения» и выводов следующего характера: «После этого—значит вследствие этого». Такого рода ошибки могут повлечь за собой не только неправильное построение версий, но и неверное определение путей расследования преступления.

Логическая ошибка «поспешности обобщения» заключается в том, что вывод от частного к общему основывается на неполном и на неустороннем анализе признаков объекта и часто в связи с этим не на определении необходимых причинных связей. К выводу лицо приходит, исходя из изучения части признаков, в связи с чем вывод может быть

ложным, поскольку положенные в его основание оценки не соответствуют действительности.

В практике расследования уголовных дел такого рода ошибки чаще всего встречаются при конструировании как частных, так и общих версий расследования. В процессе анализа доказательств, обнаруженных на месте происшествия, следователь при оценке их не всегда учитывает определенные факторы, в частности, такие, как время их появления, возможность оставления посторонними лицами, негативные обстоятельства и др.

Не учитывая этих факторов и игнорируя изучение признаков доказательств, обнаруженных на месте происшествия, следователь приходит к поспешным обобщениям, результатом которых являются необоснованные версии и неправильное определение путей расследования преступления.

Так, в одном случае при расследовании убийства следователь при осмотре места происшествия обнаружил окурки от папирос, на мундштуке которых были следы губной помады. Не подвергнув анализу другие доказательства, следователь выдвинул предположение, что убийцей была женщина, курившая на месте происшествия. Спустя несколько дней, когда проверка этой версии не дала положительных результатов, следователь в беседе с супругой погибшего случайно узнал, что она обнаружила труп, зайдя вместе с приятельницей в квартиру во время обеденного перерыва. Курила приятельница и окурки оставлены ею. Следователь проверил этот факт и он подтвердился. Так в результате того, что следователь не выяснил возможности происхождения данных предметов на месте и их отношения к событию преступления он сделал поспешное обобщение и тем поставил все расследование на ложный путь.

Много логических ошибок «поспешности обобщения» при построении следственных версий вызывается игнорированием негативных обстоятельств, обнаруживаемых в процессе расследования.

Рассматривая роль индукции в построении версий расследования, можно прийти к выводу, что индуктивный метод наиболее широко применяется при построении версий в тех случаях, когда имеется хотя бы минимальное число доказательств, на основании анализа которых можно прийти к общему выводу — к версии расследования преступления.

При отсутствии доказательств преступления или необнаружении их могут быть использованы для построения версий дедуктивный метод и применение аналогии. Методы эти могут применяться как изолированно один от другого, так и во взаимосвязи, в зависимости от конкретных обстоятельств расследуемого дела.

Как отмечалось ранее, всякое построение гипотез, а следовательно, и сходных с ними по природе следственных версий, предполагает известное обобщение фактов и нахождение в них общего и существенного, а это предполагает индукцию. В процессе же индуктивных умозаключений имеет место дедукция, так как анализ каждого обнаруженного доказательства требует известного общего представления о предмете, о его возможных причинных связях с теми или иными действиями и т. д. Поэтому индукция в чистом виде, даже на этом этапе построения версий, не существует, поскольку она предполагает знание общего, ход рассуждения от общего к частному, т. е. применение дедукции. Дедукция же как средство научного исследования не является самостоятельным методом познания, так как она недостаточна для всестороннего исследования.

Под дедукцией мы понимаем логический вывод от общего к частному, иными словами, дедукция предполагает суждение о частных признаках или элементах по характеру события в целом. Из каких же данных вытекают дедуктивные умозаключения при построении следственных версий?

Дедуктивные умозаключения о характере события преступления вытекают из общих положений уголовного права (состав преступления) и криминалистики (методики расследования соответственной категории преступлений), которые определяют признаки, свойственные конкретному событию преступления, либо обстоятельства, характерные для данной категории преступлений.

Построение версий дедуктивным путем предполагает в качестве своего исходного момента общие положения, установленные в процессе расследования преступления и научно обобщенные. В каких же условиях эти положения могут быть конкретно применены при построении версий?

Во-первых, дедуктивный метод может иметь место при явно недостаточном числе обнаруженных по делу доказательств. В этом случае при построении версий исходят не из анализа определенных доказательств, а из общего предположения, из которого выводятся логические следствия, проверяемые в процессе расследования.

Так, в деле о поджоге здания суда следов поджога установлено не было. В результате осмотра был обнаружен обуглившийся труп сторожа суда и остатки полуобгоревших дел в шкафах канцелярии.

Следователь мог строить следственные версии дедуктивным путем. Эти версии, исходя из указаний криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений, могли сводиться к следующим:

1. Поджог совершен в целях уничтожения уголовного дела.
2. Поджог совершен из мести судье.
3. Поджог совершен в целях убийства сторожа из каких-либо побуждений.

4. Пожар возник по причине неисправности электропроводов.

Здесь все названные версии основываются не на конкретных доказательствах, обнаруженных по делу, а на общих положениях методики расследования пожаров, которая на основании научного анализа и обобщения опыта следственной практики рекомендует перечень возможных версий при расследовании дел данной категории.

В случаях построения версий дедуктивным путем важно, чтобы следователь предусмотрел в своих предположениях все возможные случаи совершения преступления, не ограничиваясь теми, которые кажутся ему наиболее вероятными. Невключение предположения, которое представляется менее вероятным, влечет за собой логическую ошибку, при которой большая посылка в дедуктивном умозаключении будет неполной, а потому и выводы будут неправильными. При этом, если большая посылка умозаключения содержит в себе предположения даже неопределенного характера, например, «поджог произведен по каким-либо мотивам», то этого уже достаточно для ее полноты и правильности выводов.

Интересный пример логической ошибки при дедуктивном умозаключении приводит А. И. Уёмов¹, рассматривая случаи логической ошибки при конструировании следственных версий относительно личности убийцы. Разбирая повесть А. П. Чехова «Драма на охоте», А. И. Уёмов отмечает, что можно составить следующее рассуждение

¹ А. И. Уёмов. Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить, М., 1958, стр. 88.

о причине смерти героини повести Ольги. Ольга кончила жизнь самоубийством или ее убил наемник графа или супруг. В процессе расследования было установлено, что Ольга не кончала жизнь самоубийством, ее не убил наемник графа. Следовательно, ее убил супруг (Урбенин). К такому выводу пришли следователь и судьи. Между тем, этот вывод оказался неправильным, так как в логическом рассуждении допущена ошибка, заключающаяся в том, что в большей посылке умозаключения была упущена еще одна возможность — совершение преступления самим следователем. Поскольку логически построенное расследование должно предусматривать в большей посылке все логически возможные случаи, постольку в конкретном случае, помимо лиц, на которых падало подозрение, должны были быть включены иные лица или неопределенное «кто-нибудь другой». Большая посылка приобретает здесь известную неопределенность, но эта неопределенность только отражает ту неопределенность знаний об убийстве, которая имела место в действительности. При таком рассуждении, построенном логически правильно, следствие продолжалось бы и преступник, возможно, был бы установлен.

Следственная версия, как разновидность гипотезы, представляет собой единство различных форм умозаключения: индукции и дедукции.

В период формирования следственной версии большое значение имеет такая форма, как умозаключение по аналогии. Аналогия является определенным толчком для выдвижения гипотезы, предположения. Как правильно указывает П. В. Копнин¹, «обнаружение сходства определенной общности изучаемых явлений с типом связи явлений, характер которой уже установлен, дает основание предположить, что и в данном случае может действовать подобный же тип закономерной связи. Самым общим основанием для такого предположения служит закономерный характер развития материального мира, его материальное единство».

При сходной ситуации события преступления или отдельных его обстоятельств с преступлениями, ранее расследованными, следственные версии могут возникать по аналогии. Но умозаключение по аналогии имеет большее значение только в начальном этапе конструирования версий, поскольку она подсказывает возможное направление следственной версии. В последующем же — в процессе развития версии и ее проверки — аналогия самостоятельной роли не играет. Аналогии недостаточно для объяснения всего процесса формирования следственной версии, и уже в процессе развития версии аналогия дополняется индукцией и дедукцией. Можно сказать, что аналогия только подсказывает рождение версии, между тем как индукция и дедукция обосновывают ее существование и правомерность.

Выдвижение следственных версий по аналогии может привести к положительным результатам при расследовании преступлений.

Источниками аналогии при конструировании версий в процессе расследования преступлений могут быть: 1) оперативные и следственные данные по сходным по составу и методам совершения раскрытым преступлениям; 2) оперативные и следственные материалы по однотипным нераскрытым преступлениям; 3) общие теоретические положения, основанные на обобщении следственной практики и позволяющие наметить определенное число версий по конкретной категории преступлений; 4) теоретические познания и собственный опыт следователя в расследовании преступлений.

¹ П. В. Копнин. Место и значение гипотезы в познании. «Вопросы философии», 1954, № 4, стр. 52.

В процессе конструирования следственных версий по аналогии большое значение приобретает анализ способа совершения преступлений, так как способ этот является той наиболее отчетливой стороной преступления, в которой можно скорее всего обнаружить аналогичное.

При использовании аналогии для выдвижения версий расследования важно, чтобы данная аналогия была правильно определена и не оказалась ложной. Ложной аналогия может быть в тех случаях, когда сравниваются второстепенные черты исследуемых событий и игнорируются или остаются незамеченными наиболее существенные их черты.

В процессе своего формирования версия проходит следующие три основных этапа: а) накопление и анализ фактического материала; б) выдвижение гипотезы или версии; в) выдвижение следствий и их проверку. Выдвижение следствий представляет собой один из наиболее сложных этапов формирования гипотезы и является дальнейшим обоснованием высказанного предположения. При анализе версии можно установить, какие следствия из нее вытекают. Причем, часть такого рода следствий может уже быть налицо, существование же другой части может быть подтверждено только в результате их проверки, посредством обнаружения новых фактов или путем сопоставления обнаруженных фактов с теми следствиями, которые выводятся из версии.

Выдвинув ту или иную следственную версию и анализируя ее, следователь должен мысленно представить, какие обстоятельства должны иметь место в действительности, если версия эта истинна¹. Так, на основании анализа определенного числа доказательств при расследовании хищения из магазина следователь приходит к предположению о том, что хищение совершил продавец А. Выдвинув такую версию, следователь должен вывести из нее все следствия, которые могут вытекать из названного допущения. Такими следствиями могут быть следующие: 1) у А. и его родственников должны быть товары, похищенные из магазина; 2) А. жил не по средствам; 3) А. в последнее время приобрел ценные вещи и т. д.

Чем больше следствий будет выдвинуто, тем большая вероятность истинности данного предположения. Здесь следует отметить, что версия расследования, ложно построенная (в результате ошибок или недостаточности доказательственного материала, неправильного установления причинной связи между действиями и их последствиями), неизбежно находит свое опровержение в процессе проверки выведенных из нее следствий. Однако совпадение следствий с фактами, имеющими место в действительности, само по себе еще недостаточно для обоснования выдвинутой версии. Поэтому необходимо также установить, что данные следствия являются логическим завершением определенного основания, которое есть их единственной причиной и находится во взаимосвязи с событием преступления.

Не всегда истинность или ложность следственной версии может быть установлена на первых этапах расследования. Иногда этот момент может быть отдаленным ввиду многочисленности проверяемых следст-

¹ Удачный логический порядок выведения следствий при построении версий по уголовному делу предлагает А. Н. Васильев: 1) выведение следствий, необходимо вытекающих из допущенного предположения; 2) выведение следствий, не вытекающих с необходимостью из допущенного предположения, но могущих возникнуть случайно; 3) при выведении названных следствий надо строить предположения об оставленных ими следах. См. А. Н. Васильев. Следственные версии. «Советское государство и право», 1960, № 8, стр. 60.

вий или сложности их проверки. Это положение подтверждается многими примерами из следственной практики. Вот один из них.

В прокуратуру города Алчевска Луганской области поступило из милиции сообщение о том, что на окраине города в балке обнаружен труп женщины. В результате осмотра места происшествия было установлено: полупогруженный в яму с водой труп молодой женщины, следы двуколки (тачки), не доходящие до ямы и обрывающиеся на расстоянии двух метров от нее. Других следов не обнаружено. При осмотре трупа поза и состояние одежды привели следователя к мысли о том, что имело место изнасилование. Однако версия об изнасиловании отпала в результате судебно-медицинского исследования трупа, в процессе которого эксперт выявил, что потерпевшая была на восьмом месяце беременности и что была сделана попытка прервать беременность путем механического вмешательства.

В результате судебно-медицинского исследования следователь имел в своем распоряжении определенную совокупность фактов, позволявших прийти к некоторым выводам. К этому времени была выяснена личность потерпевшей и установлено, что она, будучи незамужней, тяготилась своей беременностью, и неоднократно высказывала желание прибегнуть к услугам «тети Маши», чтобы избавиться от нее.

Имея такие доказательства, следователь выдвинул версию: во время производства аборта наступило состояние, внешне аналогичное состоянию смерти, и абортмахерша, желая избавиться от «трупа», вывезла его к месту последующего обнаружения. Выдвинув такую версию, следователь стал теоретически выводить из нее необходимые следствия. К ним относились: 1) местом производства аборта являлась квартира «тети Маши»; 2) в квартире могут оказаться следы преступления и вещи пострадавшей; 3) у «тети Маши» должна быть тачка, на которой тело потерпевшей было перевезено к месту его обнаружения; 4) к преступлению причастны другие лица, помогавшие «тете Маше» в перевозке; 5) в помещении должен находиться острый предмет, имеющий на себе следы крови, которым наносились царапины на сетчатую оболочку глаз потерпевшей (как это установил судебно-медицинский эксперт); 6) повреждения на сетчатую оболочку глаз наносились в целях «устранения облика лица, запечатлевшегося в глазах потерпевшей». К такого рода выводам могло прийти лицо, заблуждавшееся в этом отношении.

Приведенными названные следствия не исчерпываются, однако их совокупность была достаточна для проверки следственной версии. В результате такой проверки версия, возникшая у следователя, была подтверждена.

В заключение следует отметить определяющую роль логики в формировании и проверке следственных версий, роль, значение которой не исчерпывается некоторыми соображениями, приведенными в статье.

Г. А. МАТУСОВСКИЙ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА, ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. четко определяют задачи советского уголовного процесса. Согласно статье 2-й Основ и статье 2-й УПК УССР этими задачами являются «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития».

Советская криминалистика и, в частности, криминалистическая техника призвана обеспечивать уголовное судопроизводство научными методами расследования и таким путем содействовать осуществлению указанных задач.

Советскими криминалистами проделана значительная работа по внедрению научно-технических приемов и средств в практику, однако общим теоретическим вопросам криминалистической техники долгое время не уделялось достаточного внимания. Появившиеся в последнее время исследования в значительной мере восполняют этот пробел¹.

Необходимость теоретической разработки криминалистической техники вытекает из той важной роли, которую играет применение научно-технических средств при расследовании преступлений. Исходным в этом отношении является вопрос о предмете и задачах криминалистической техники.

Прежде всего подлежит рассмотрению вопрос о терминологии. В научных работах применяются различные термины для определения понятия криминалистической техники. Таковы, в частности, «уголовная техника» (И. Н. Якимов, Н. Д. Вороновский), «техника расследования» (Н. П. Макаренко, В. И. Громов, Е. У. Зицер).

Каждый термин должен по возможности полно отражать содержание соответствующего понятия и помогать правильно пользоваться данным понятием. Это общее положение полностью относится и к кри-

¹ См. А. И. Винберг. О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы, «Советское государство и право», 1955, № 8, стр. 82—88; С. П. Митричев. К вопросу о научных основах советской криминалистики. Сб. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 7, М., 1956.

миналистике. Между тем приведенные выше термины не удовлетворяют этому требованию, так как не соответствуют полностью содержанию криминалистической техники. Термин «уголовная техника», а равно «научно-уголовная техника, ограничивает область ее применения только уголовным процессом, в то время, как некоторые приемы и средства криминалистической техники могут применяться и применяются в гражданском процессе (например, проведение криминалистической экспертизы документов в связи со спором о подлинности завещаний, расписок).

Термины «техника расследования» и «следственная техника» также неудачны потому, что они предполагают, что техникой пользуется только следователь при расследовании преступлений, исключая тем самым применение этой техники экспертами-криминалистами при производстве экспертиз по заданию судебных органов.

Правильнее было бы говорить о «криминалистической технике». Этот термин наиболее точно и полно отражает содержание названного раздела криминалистики.

Нет единства и в определении самого предмета криминалистической техники. Так, И. Н. Якимов полагает, что «уголовная техника изучает применение научных способов и приемов, большей частью взятых из других наук, особенно из химии, физики, естествознания и медицины, к расследованию отдельных моментов или обстоятельств преступления и к регистрации физических примет преступника»¹.

Данное определение отводит криминалистической технике и науке криминалистики в целом пассивную роль, сводя содержание последней лишь к сообщению правовых, медицинских, естественно-научных и технических сведений, необходимых для всестороннего и успешного расследования преступления². Если стать на эту позицию, то окажется, что криминалистика, пользующаяся «сообщениями» из различных отраслей знаний, не является самостоятельной наукой. Такая, давно отвергнутая жизнью, трактовка науки криминалистики привела автора и к неправильному определению одного из ее разделов — криминалистической техники.

В. И. Громов отмечал, что в задачу научно-уголовной техники, как особой отрасли криминалистики, входит применение научно-технических знаний и методов естественных наук к расследованию преступлений³. В таком же примерно смысле по этому вопросу высказывались Н. П. Макаренко⁴ и Н. Д. Вороновский⁵.

Все названные авторы исходили из ошибочного положения о том, что криминалистика имеет прикладное значение (поскольку она черпает данные из других отраслей знаний) и поэтому носит технический характер. Между тем, хотя криминалистика и использует данные естественных и технических наук, однако, она не механически применяет их при расследовании, а научно перерабатывает, применительно к своим специальным целям в соответствии с задачами, стоящими перед следственно-судебными органами по раскрытию и предупреждению преступлений.

Е. У. Зицер определял технику расследования преступлений как систему «приемов исследования вещественных доказательств и физических признаков в целях розыска, опознания и идентификации лиц

¹ И. Н. Якимов. *Криминалистика, Уголовная тактика*. М., 1929, стр. 3.

² Там же, стр. 7.

³ В. И. Громов. *Методика расследования преступлений*, М., 1930.

⁴ Н. П. Макаренко. *Техника расследования преступлений*. Харьков, 1925.

⁵ Н. Д. Вороновский. *Уголовная техника*. М., 1931.

и предметов, фигурирующих в следственных делах»¹. Это определение охватывает лишь систему приемов исследования и ничего не говорит о научно-технических средствах обнаружения, закрепления и изъятия вещественных доказательств и потому является неполным.

Увлечение некоторых криминалистов возможностью использования данных естественных и технических наук для собирания и исследования вещественных доказательств принимало порой односторонний характер и привело некоторых авторов к отождествлению криминалистической техники с криминалистикой в целом.

Существенным недостатком всех приведенных определений является и то, что в них не подчеркивалась органическая связь криминалистической техники с тактикой и методикой расследования преступлений. Между тем, общеизвестно, что научно-технические приемы и средства реализуются через криминалистическую тактику и методику расследования преступлений. С другой стороны, методика определяет особенности применения научно-технических средств и тактических приемов при расследовании отдельных видов преступлений.

Правильное определение предмета криминалистической техники в значительной степени зависит и от решения вопроса о системе науки советской криминалистики в целом и от места, занимаемого криминалистической техникой в этой системе.

В ряде учебных пособий криминалистическая техника и тактика объединяются в «общую часть», а методика расследования отдельных видов преступлений относится к «особенной части» криминалистики². При таком построении системы науки криминалистики криминалистической технике не придается самостоятельного значения.

В других руководствах система науки криминалистики строится из трех основных разделов: «криминалистическая техника», «криминалистическая тактика» и «методика расследования отдельных видов преступлений»³. Такая система более приемлема, так как она выделяет криминалистическую технику в самостоятельный раздел и тем самым отводит ей соответствующее место в системе всей науки криминалистики.

Правильному определению предмета криминалистики, а вместе с тем и предмета криминалистической техники не способствовало выдвинутое в свое время П. И. Тарасовым-Родионовым положение о том, что криминалистика имеет два пути развития: первый, основной путь, заключается в направлении раскрытия и расследования преступлений — в этой части криминалистика правовая наука; второй путь, неосновной, заключается в направлении исследования вещественных доказательств, и здесь криминалистика носит не правовой, а подсобный характер⁴.

В последнее время М. М. Выдря и М. Г. Любарский выступили с предложением разделить криминалистику на две самостоятельные дисциплины: 1) на науку о расследовании преступлений, занимающую

¹ Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений, М., 1938, стр. 4. Подобное определение дано М. А. Чельцовым в учебнике уголовного процесса 1948 г.

² См. Криминалистика, учебник для вузов под редакцией А. И. Винберга и С. П. Митричева, ч. I, 1950; Криминалистика, учебное пособие для вузов под редакцией С. П. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова, ч. II, 1952; А. И. Винберг, Б. М. Шавер, Криминалистика, учебник для юридических школ, 1950, и др.

³ В настоящее время такой точки зрения придерживается большинство авторов. См. сб. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 7, М., 1956, стр. 153—164 (изложение выступлений С. А. Голунского, А. И. Винберга и др.); см. также учебник Советская криминалистика, под редакцией С. П. Митричева и Н. В. Терзиева, М., 1958, стр. 11—15.

⁴ «Социалистическая законность», 1951, № 7, стр. 10—11.

ся изучением способов совершения преступлений, уголовной регистрацией, разработкой методики расследования отдельных категорий преступлений, а также методов и средств проведения отдельных следственных действий; 2) на судебную технику, охватывающую научные методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования вещественных доказательств и документов, причем эта судебная техника не является правовой дисциплиной, так как в основе ее развития лежат физика, химия и другие неправовые дисциплины¹.

Ошибочность указанных предложений очевидна, поскольку данные естественных и технических наук, используемые криминалистической техникой, применяются в сфере уголовного процесса и это придает им специфический характер.

Как справедливо утверждает А. И. Винберг, «вне уголовного процесса, вне деятельности судебно-следственных органов нет криминалистической техники, входящей в науку криминалистики»². Эту точку зрения разделяет А. Н. Васильев, который пишет: «... если для выявления, изъятия и закрепления пальцевых отпечатков на месте происшествия необходимо применение физических и химических средств, то ни физика, ни химия сами по себе этой задачи перед собой не ставят, потому что она их не интересует, не совпадает с их назначением. Ставят указанную задачу и разрешают ее криминалисты, применяя физические и химические средства и разрабатывая их в специальном криминалистическом направлении»³.

В криминалистической литературе большое место занимает вопрос о единстве криминалистической техники и в связи с этим о пределах ее использования следователем и экспертом (А. И. Винберг, С. П. Митричев, Г. И. Кочаров, З. М. Соколовский, А. Р. Шляхов, А. В. Дулов, И. Ф. Крылов).

Нередко этот вопрос рассматривается в связи с предложениями о перестройке системы курса криминалистики, преподаваемой в вузах. Так, например, С. П. Митричев полагает, что криминалистическая экспертиза (а вместе с ней, разумеется, и вопросы экспертной техники) должна быть выделена в самостоятельный раздел программы криминалистики⁴. Указанное предложение было воспринято некоторыми криминалистами как стремление разделить криминалистическую технику на две самостоятельные части: следственную технику и экспертную технику⁵.

Нам представляется, что во всем этом не следует смешивать вопрос о выделении криминалистической экспертизы в системе курса криминалистики с вопросом о полном выделении криминалистической экспертизы (а вместе с ней и экспертной техники) из науки криминалистики и создании самостоятельной науки криминалистической экспертизы, как это предлагает А. Р. Шляхов⁶.

¹ Вопросы советской криминалистики. Казахский государственный университет, Алма-Ата, 1959, стр. 35.

² «Советское государство и право», 1955, № 8, стр. 82—85. Разумеется, это не исключает применения некоторых приемов и средств криминалистической техники в гражданском процессе, как об этом было сказано выше.

³ А. Н. Васильев. Следственная тактика, ее предмет и место в системе советской криминалистики. Тезисы докладов на межвузовской конференции по криминалистике. М., 1960, стр. 2.

⁴ С. П. Митричев. Преподавание криминалистики в юридических вузах. «Социалистическая законность», 1959, № 1, стр. 49.

⁵ См. И. Ф. Крылов. Криминалистическая техника и ее предмет. Тезисы докладов на межвузовской конференции по криминалистике, М., 1960, стр. 3.

⁶ А. Р. Шляхов. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы. Вопросы судебной экспертизы и криминалистики, Алма-Ата, 1959, стр. 12—32.

Реализация второго предложения наряду с другими нежелательными последствиями повлекла бы за собой расчленение криминалистической техники на «экспертную технику» и «следственную технику».

Между тем разграничить криминалистическую технику на две части невозможно, так как она представляет собой единую научно-выработанную систему приемов и средств обнаружения, изъятия и сохранения вещественных доказательств, а также систему методов их исследования, применяемых как следователем, так и экспертом. Поэтому при раздельном определении содержания «криминалистической экспертизы» и «следственной техники» неминуемо дублируются одни и те же вопросы. Так, А. Р. Шляхов пишет: «В содержание науки криминалистической экспертизы следует включать не только научные методы экспертного исследования вещественных доказательств, но и научно-технические приемы обнаружения и фиксации вещественных доказательств»¹. И далее: «Следственная техника, однако, не может сводиться к обнаружению вещественных доказательств и оформлению материалов на экспертизу. В следственную технику целесообразно включать все технические приемы, связанные с фиксацией обстоятельств преступления при осуществлении оперативных следственных действий (осмотров, обысков, экспериментов и т. д.)»².

Таким образом, «криминалистическая экспертиза» и «следственная техника», по мнению А. Р. Шляхова, должны по существу заниматься однородными вопросами, относящимися к обнаружению и фиксации вещественных доказательств.

Что же касается криминалистического экспертного исследования, то оно составляет процессуальную компетенцию эксперта, однако это не означает, что подобные исследования вообще не могут производиться следователем, тем более при наличии необходимой аппаратуры и оборудования, имеющихся в кабинетах криминалистики прокуратуры. Как показала практика, такие исследования вещественных доказательств, проведенные в кабинетах криминалистики, способствуют не только правильному отбору материалов для экспертизы и квалифицированной оценке заключений экспертов, но и позволяют использовать результаты этих исследований в целях раскрытия преступлений.

Уголовно-процессуальный закон не устанавливает каких-либо ограничений в использовании следователем криминалистической техники. Наоборот, новые УПК союзных республик предусматривают такое применение криминалистической техники. Так, статья 191 УПК УССР (статья 179 УПК РСФСР) устанавливает, что при осмотре в необходимых случаях следователь производит измерения, фотографирование, составляет планы и схемы, изготавливает слепки и оттиски следов. О применении в необходимых случаях научно-технических средств при воспроизведении обстановки и обстоятельств события говорится в статье 194 УПК УССР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливает, что при проведении следственного эксперимента следователь в необходимых случаях производит измерения, фотографирование, составляет планы и схемы (статья 183 УПК РСФСР). Определяя порядок сохранения вещественных доказательств, статья 79 УПК УССР устанавливает правило, согласно которому вещественные доказательства должны быть внимательно осмотрены, по возможности сфотографированы и подробно описаны в протоколе осмотра. Более того, статья 84 УПК РСФСР определяет обязательное фотографирование предметов, которые в силу их громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле.

¹ А. Р. Шляхов. Указанная работа, стр. 27.

² Там же, стр. 28.

З. М. Соколовский справедливо отмечает, «что нет никаких процессуальных препятствий к самостоятельному использованию следователем криминалистической техники для выявления доказательственных признаков предмета»¹. По мнению А. В. Дулова, выводы следователя, основанные на применении им криминалистической техники, могут иметь доказательственное значение². Разумеется, данный вопрос, представляющий большой теоретический и практический интерес, нуждается в самостоятельной разработке.

Разграничение области применения научно-технических средств между следователем и экспертом определяется не только их различным процессуальным положением, но и тем, в какой степени при разрешении того или иного вопроса, при данном уровне развития соответствующей отрасли науки необходимы специальные познания. Поэтому невозможно установить постоянную границу «компетентности следователя и эксперта по применению криминалистической техники, как об этом пишет А. В. Дулов³.

По мере развития науки и техники многие приемы и средства, разрабатываемые криминалистической техникой, будут становиться все более совершенными, не требующими специальных познаний для их применения и научного объяснения полученных результатов.

В работе следователя чуть ли не первое место занимают научно-технические приемы и средства обнаружения и фиксации различных следов преступления. Однако практика показывает, что и многие другие научно-технические приемы и средства, которые еще в недавнем прошлом составляли компетенцию специалиста, сейчас находят применение в работе следователя.

Характерным примером в этом отношении является судебная фотография. В некоторых работах по судебной фотографии говорится об особом виде специалистов — судебных фотографах⁴. С. М. Потапов имел в виду специализацию судебного фотографа в области так называемой запечатлевающей, т. е. судебно-оперативной фотографии. Между тем в последние годы следователи, снабженные фотоаппаратурой, успешно применяют фотографию при расследовании уголовных дел. Таким образом, те функции, которые раньше возлагались на специалиста — судебного фотографа, в настоящее время осуществляются, и с немалым успехом, самим следователем. Опыт также показывает целесообразность использования в работе следователя не только судебно-оперативной фотографии, но и многих других криминалистических приемов и средств, применявшихся ранее только в работе эксперта.

Наиболее правильное, на наш взгляд, определение предмета криминалистической техники дает И. Ф. Крылов: «Криминалистическая техника составляет раздел криминалистики, в котором на основе творческого использования данных естественных и технических наук разрабатывается совокупность технических приемов и средств, применяе-

¹ З. М. Соколовский. О применении следователем криминалистических знаний при исследовании вещественных доказательств. «Советское государство и право», 1957, № 1, стр. 71.

² А. В. Дулов. Разграничение пределов использования криминалистической техники следователем и экспертом. «Вопросы судебной экспертизы», Л., 1960, стр. 80.

³ Там же, стр. 80—81.

⁴ С. М. Потапов. Судебная фотография, М.—Л., 1948, стр. 13; см. также: А. И. Антонов и Д. З. Бунимович. Применение следственного чемодана, М., 1952, стр. 122.

мых в соответствии с процессуальным законом для целей обнаружения, фиксации, собирания и исследования судебных доказательств»¹.

Однако и в этом определении не подчеркнута органическая связь криминалистической техники с другими разделами криминалистики — криминалистической тактикой и методикой расследования отдельных видов преступлений. В указанном определении не говорится также о задачах криминалистической техники по предупреждению преступлений.

Определяя предмет криминалистической техники, необходимо прежде всего исходить из задач, стоящих перед советской криминалистикой, как специальной юридической наукой.

Как отмечалось выше, основная задача советской криминалистики, определяемая требованиями статьи 2-й Основ уголовного судопроизводства (статья 2 УПК УССР), состоит в разработке научных методов предупреждения, быстрого и полного расследования преступлений, в активной помощи органам предварительного следствия и дознания, а также судебным органам в деле успешной борьбы с преступностью.

Криминалистическая техника ставит перед собой ту же задачу, выполнению которой и служат все ею разработанные научные методы, приемы и средства, применяемые при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Советская криминалистика служит делу социалистического правосудия научными методами расследования. Криминалистическая техника, как один из разделов науки советской криминалистики, разрабатывает научно-технические приемы и средства обнаружения, закрепления, изъятия и сохранения вещественных доказательств, а также методы их исследования.

Криминалистическая техника разрабатывает свои методы, приемы и средства на основе проверенных данных различных отраслей знаний и тем самым с наибольшей объективностью и убедительностью, а иногда и более коротким путем, содействует установлению истины по делу.

В ходе расследования уголовных дел немисливо применение таких средств и приемов криминалистической техники, которые не основаны на научных данных, не проверены в практических условиях. Криминалистическая техника научно перерабатывает только такие данные естественных и технических наук, при помощи которых возможно объективно зафиксировать и исследовать те или иные предметы — вещественные доказательства. Поэтому в криминалистике недопустимо использование, например, чрезмерно плотных желтых светофильтров при съемке места происшествия, которые «переисправляют» цветопередачу, равно как недопустимы ретушь негативов, трансформирование при фотопечати и т. д., хотя многие из этих приемов применяются в фотографии и кинематографии для получения заранее намеченных результатов, соответствующих художественному замыслу автора.

Уровень современной науки таков, что позволяет не только фиксировать внешнее состояние или проявление тех или иных свойств объектов, но и проникать в их глубину, раскрывать их сущность. Поэтому использование криминалистической техники позволяет изучить следы преступления значительно полнее и точнее, чем это могло быть сделано без ее применения.

Без использования соответствующих научно-технических приемов и средств многие вещественные доказательства остались бы вне поля

¹ И. Ф. Крылов. Криминалистическая техника и ее предмет. Тезисы докладов на межвузовской конференции по криминалистике. М., 1960, стр. 2.

зрения следователя и эксперта. В связи с этим убедительно звучит положение проф. М. С. Строговича: «Чем современнее научно-технические приемы, применяемые при расследовании уголовных дел, чем выше уровень криминалистических экспертиз различных видов, тем больше роль вещественного доказательства как средства обнаружения по делу материальной истины»¹.

Большое значение в деле предупреждения преступлений имеет методика расследования, изучающая способы совершения преступлений и разрабатывающая методы их раскрытия. В этой части методика расследования дает определенное направление криминалистической технике, призванной вырабатывать различные специальные технические средства предупредительного характера, например, специальные устройства, повышающие эффективность охраны хранилищ, средства защиты удостоверительных знаков при опечатывании и т. д. Так, например, в целях предупреждения вскрытия хранилищ путем срезания мастичной печати были предложены меры, исключающие возможность совершения преступлений этим способом.

Криминалистическая техника должна заниматься разработкой вопросов уголовной регистрации в целях дальнейшего ее совершенствования и тех приемов и средств, которые предназначаются для получения данных, подлежащих регистрации (например, приемов и средств дактилоскопирования, опознавательной фотографии и т. д.).

Криминалистическая техника должна также заниматься разработкой технических приемов и средств изъятия, упаковки, опечатывания и сохранения вещественных доказательств, а также практических рекомендаций по оформлению и монтажу фототаблиц, сопоставительных таблиц и т. п.

Недооценка разработки указанных практических рекомендаций приводит подчас к порче или утрате важных для дела вещественных доказательств. В первую очередь это относится к приемам упаковки и опечатывания предметов — вещественных доказательств, так как надлежащая упаковка является гарантией их сохранности в первоначальном виде.

Новые уголовно-процессуальные кодексы предусматривают случаи упаковки и опечатывания вещественных доказательств. Так, статья 179 УПК РСФСР указывает, что в необходимых случаях изъятые в процессе расследования предметы упаковываются, а статья 84 УПК РСФСР содержит в себе требование по возможности опечатывать предметы — вещественные доказательства, которые в силу их громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле.

Статья 199 УПК УССР (статья 196 УПК РСФСР) предусматривает право следователя получать образцы почерка или другие образцы, необходимые для экспертного исследования². В соответствии с этим криминалистическая техника должна разрабатывать научно-технические приемы и средства получения таких образцов для экспертного исследования.

Важнейшее условие правильного применения криминалистической техники в уголовных делах заключается в том, что все научно-технические методы и приемы должны находиться в полном соответствии

¹ М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 332.

² Под другими образцами следует понимать полученные для экспертного исследования следы рук и ног человека, следы обуви, орудий и инструментов, транспортных средств, ног животных, различные вещества биологического происхождения (кровь и др.) и т. д.

с принципами советского уголовного процесса, как гарантиями осуществления задач советского правосудия. Нормы уголовно-процессуального права являются той основой, которая определяет возможность использования различных научных данных, применяемых криминалистической техникой.

Криминалистические методы и приемы возникали и развивались, служа задачам уголовного процесса. С. П. Митричев справедливо усматривает органическую связь советской криминалистики с наукой уголовного процесса в том, что криминалистические средства возникли и развивались в советском уголовном процессе, служа целям отыскания истины¹.

Подводя итоги сказанному, можно формулировать следующие основные положения, определяющие предмет и задачи криминалистической техники:

1. Криминалистическая техника является разделом науки советской криминалистики и органически связана с другими разделами криминалистики — с криминалистической тактикой и методикой расследования отдельных видов преступлений, в которых она находит свое конкретное выражение,

2. Криминалистическая техника черпает научные данные и практические рекомендации из различных отраслей знаний и перерабатывает их применительно к своим специальным целям в соответствии с задачами по расследованию преступлений, в чем и заключается ее специфическое назначение,

3. Криминалистическая техника находит свое практическое применение в сфере процессуальной деятельности и пределы ее использования определяются принципами советского уголовного процесса и соответствующими уголовно-процессуальными нормами.

4. Криминалистическая техника представляет собой единую научно выработанную систему приемов и средств обнаружения, закрепления, изъятия и сохранения вещественных доказательств, методов их исследования, а также систему видов и приемов уголовной регистрации в целях раскрытия и предупреждения преступлений.

---

¹ См. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 7, М., 1956, стр. 10; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 56.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. С. Т р а х т е р о в . О предпосылках вины и невиновности в советском уголовном праве	4
Л. Н. Сугачев. О преступлениях против жизни по новому Уголовному кодексу УССР	13
В. Н. С а в ч е н к о . Вопросы прокурорского надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы	19
А. Л. Р и в л и н . Понятие и система принципов советского правосудия	28
С. А. А л ь п е р т . Принцип объективной истины в советском предварительном следствии	44
М. И. Б а ж а н о в . Производство дознания по новому Уголовно-процессуальному кодексу УССР ...	56
М. М. Г р о д з и н с к и й . Некоторые вопросы участия общественности в борьбе с правонарушениями и Уголовно-процессуальный кодекс УССР	69
Д. А. П о с т о в о й . Отношение приговора к обвинительному заключению	78
Н. В. Ц в е т а е в а . Участие общественности в предупреждении и расследовании спекуляции и обворовывания потребителей	89
А. Н. К о л е с н и ч е н к о . Новый Уголовно-процессуальный кодекс УССР и вопросы советской криминалистики	98
В. Е. К о н о в а л о в а . О роли логики в построении следственных версий	105
Г. А. М а т у с о в с к и й . Криминалистическая техника, ее предмет и задачи	113

Редактор *М. И. Прокопенко.*

Техредактор *А. С. Трофименко.*

Корректоры *Р. Е. Дорф, М. И. Лелюк.*

Сдано в набор 21/XII 1961 г. Подписано к печати 12/VI 1962 г. БЦ 06141
Формат 70×108^{1/16}. Объем: 3,87 бум. л., 7,5 физич. печ. л., 10,2 усл. печ. л.,
10,4 уч.-изд. л. Тираж 1500. Зак. 3034. Цена 73 коп.

Типография Издательства Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького.
Харьков, Университетская ул., 16.